

КОСТАНАЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Р.К. Бекмагамбетов

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ
НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА**

МОНОГРАФИЯ

Костанай 2014

УДК 94 (574)
ББК 63.3
Б 42

Рекомендовано Ученым советом Костанайской академии
МВД Республики Казахстан

Рецензенты:

проректор по научной работе Костанайского государственного педагогического
института, доктор исторических наук, профессор *Абиль Е.А.*
декан ГСФ Костанайского государственного университета
им. А. Байтурсынова доктор исторических наук *Айтмухамбетов А.А.*

Бекмагамбетов Р.К.

Б42 Военнопленные на территории Казахстана: монография. – Костанай:
Костанайская академия МВД РК, 2014. – 166 стр.
ISBN 978-601-7339-87-6

Монография посвящена малоисследованной проблеме пребывания военнопленных на территории Казахстана. Система принудительного труда существовала на территории Казахстана с 30-х по 50-е годы XX века. Данная проблема сравнительно малоизучена в отечественной исторической науке. Автором сделана попытка реконструировать модель использования труда иностранной рабочей силы для наращивания экономического потенциала республики. Фактический материал отражает характерные особенности использования военнопленных в системе принудительного труда в Казахстане в условиях военного и послевоенного времени.

Для научных работников, студентов и слушателей вузов, а также интересующихся историей Казахстана.

УДК 94 (574)
ББК 63.3

ISBN 978-601-7339-87-6

© Бекмагамбетов Р.К., 2014

СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГУПВИ	Главное управление по делам военнопленных и интернированных
АП РК	Архив Президента Республики Казахстан
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦК ВКП(б)	Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
РГВА	Российский государственный военный архив
ЦХИДК	Центр хранения историко-документальных коллекций
НКВД СССР	Народный Комиссариат внутренних дел СССР
МВД СССР	Министерство внутренних дел СССР
ГКО	Государственный Комитет Обороны
	Народный Комиссариат СССР
ГУЛАГ	Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД-МВД СССР
КПК	комиссия партийного контроля
ОСМЧ	особая строительно-монтажная часть
УПВ	Управление по делам военнопленных
УПВИ	Управление по делам военнопленных и интернированных
ППВ	приемный пункт военнопленных
СПВ	сборный пункт военнопленных
ФППЛ	фронтальной приемно-пересыльный лагерь
Главсанупр Красной Армии	Главное санитарное управление Красной Армии
ЦФО МВД СССР	Центральный финансовый отдел МВД СССР
ГУАС НКВД	Главное управление аэродромного строительства НКВД-МВД СССР
ОСМУ	особое строительное монтажное управление
Лаготделение	лагерное отделение
Вещдовольствие	вещевое довольствие
ОРБ	отдельный рабочий батальон
ОПВИ МВД КазССР	отдел по делам военнопленных и интернированных МВД Казахской ССР
ГА КО	Государственный архив Костанайской области
ГА АО	Государственный архив Актюбинской области
ГА АО	Государственный архив Акмолинской области
КФ ГА ЖО	Каратауский филиал Государственного архива Жамбылской области

ВВЕДЕНИЕ

Политическая история советского государства сегодня по-прежнему находится в центре внимания исследователей. Отношение широкой общественности и представителей научных кругов к эпохе войны и послевоенному периоду продолжает оставаться неоднозначным, поскольку правда об этом времени долгое время находилась под прессом идеологии. В отечественной истории события Второй мировой и Великой Отечественной войн занимают особое место. По своей глубине, трагизму и героике они заметно выделяются среди других и имеют эпохальное значение. В определенной степени это обусловлено и тем, что до сих пор живы участники войны, носители исторической памяти о ней, - те, кто воевал с оружием в руках, учился, работал, восстанавливал страну. Память о войне - духовно-историческое достояние нашего народа, которое закладывает основы его самодостаточности и самобытности и органично интегрирует его в общецивилизационный поток, возносит до уровня других народов, активно творивших историю.

Вместе с тем, война - объект исторической науки, охватывающий целый комплекс военно-политических, дипломатических, экономических, социальных, культурно-образовательных, национальных, религиозных, нравственно-психологических проблем. Учитывая значимость характера феномена войны, она всегда привлекала повышенное внимание не только ученых, но и публицистов, писателей, кинематографистов, художников.

С одной стороны, это способствовало патриотическому воспитанию, популяризации исторических знаний, с другой, - создавало подоплеку для чрезмерной идеологизации, утверждения субъективных оценок, мифологизации отдельных явлений. Это в полной мере относится и к проблеме исследования. Представленная работа является одной из попыток рассмотрения конкретного периода отечественной истории в контексте использования военнопленных и интернированных граждан иностранных государств в системе принудительного труда на территории Казахстана.

Ни одна из войн по своим последствиям и людским потерям не может сравниться с тем, что происходило на европейском континенте в первой половине 40-х годов XX столетия. В послевоенные годы историки накопили обширный фактический материал, который давал основания считать рассматриваемый период достаточно хорошо изученным. Однако, как отметил Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «...опыт XX века требует не фактографии, а понимания» [1]. Достижение истины требует возврата в историческое прошлое и переосмысления многих его событий и явлений. Понимание того, что происходило более полувека назад, дает возможность лучше понять и разобраться во многих сегодняшних проблемах. В этом состоит несомненная актуальность исследуемой темы.

Архивные и опубликованные документы позволяют совершенно в ином ракурсе взглянуть на проблему использования военнопленных и

интернированных в системе принудительного труда. Немаловажное значение для формирования советской политики в отношении рассматриваемых категорий иностранцев играл тот фактор, что во время войны не только Германия, но и ряд союзных ей государств выступили против СССР, не считая тех, которые так или иначе поддерживали или способствовали агрессии. Это предопределило национальный состав пленных и интернированных граждан. Несомненным обоснованием актуальности темы является также то обстоятельство, что в ней отражались не только внутреннее состояние и противоречия советского общества, но и зарождавшиеся после войны новые тенденции международной политики.

Проблема пленных и их трудового использования не имеет государственных границ, в равной степени она характерна для всех стран, принимавших участие во Второй мировой войне, но в каждой из них она дополнялась специфическими характеристиками, особенностями и отличительными чертами. В условиях Советского Союза ее дополнением стала политика, направленная на переориентацию мировоззрения части европейского общества, в силу обстоятельств военного времени оказавшейся изолированной от привычной среды обитания.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется степенью значимости исторического осмысления событий военного и послевоенного периода, которые определяли не только состояние дел на континенте, но и характер отношений между государствами. Проблема военнопленных в таком аспекте, как экономическое возрождение СССР после победы над фашизмом, сегодня выглядит по-новому и требует соответствующих современным взглядам подходов.

Степень разработанности проблемы. Великая Отечественная война продолжает влиять на формирование научного интереса исследователей, в рамках которого возрождение экономики и восстановление народного хозяйства занимают одно из центральных мест. Ранее изучение данной проблемы проводилось как на общегосударственном, так и на региональном уровне, однако, в этом русле практически ничего не говорилось о вкладе военнопленных и интернированных граждан зарубежных стран, выступивших в войне на стороне Германии, в экономическое развитие Казахстана.

Вопрос периодизации историографии и эволюции исследовательского интереса является важным для любой темы, он находится в прямой зависимости от обеспеченности ученых документальными и другими источниками.

В казахстанской исторической науке проблема военнопленных и интернированных сравнительно новая, исследователи только приступают к разработке данного сюжета. Отечественная историография стала формироваться в начале 90-х годов в условиях подъема общественного сознания и либерализации политического режима. Исследователи получили доступ к ранее засекреченным архивным документам и статистическим данным, к исследованиям зарубежных авторов. В этот период были опубликованы статьи Ж.К. Касымбека [2], К.С. Алдажуманова [3] о

военнопленных в Казахстане и об использовании их труда, о репатриации пленных и гражданского населения, о работе трудармейцев в системе принудительного труда Казахстана.

В работах Ж.Б. Абылхожина [4-5] серьезным образом изучена проблема экономического развития Казахстана в указанный период и специфика развития лагерной экономики, основанной на принудительном труде.

Для более точного и адекватного представления об истории Казахстана в период Великой Отечественной войны использованы работы М.К. Козыбаева [6-11]. Следует отметить, что в своих исследованиях М.К. Козыбаев полно и фактологически точно освещает положение народного хозяйства в обозначенный период, приводит важные статистические данные по экономическому потенциалу республики, а также непосредственно затрагивает проблемы принудительного труда.

В трудах М.Х. Асылбекова [12] приводятся важные данные о вкладе железнодорожников Казахстана в процесс эвакуации объектов народного хозяйства на территорию республики в годы Великой Отечественной войны, снабжение фронта продукцией казахстанских предприятий.

В работах П.С. Белана [13-14] содержится неоценимая информация по участию наших соотечественников в Великой Отечественной войне, его труды содержат глубокий анализ историографии периода войны.

Детальный анализ вклада казахстанцев в дело обороны страны содержится в работах М.А. Акинжанова [15-16].

С.Д. Дильманов [17-19] был одним из первых казахстанских исследователей, в своих трудах поднявший эту проблему. В его работе содержится ценная информация, раскрывающая историю исправительно-трудовых лагерей НКВД-МВД СССР на территории Казахстана, один из подразделов работы был специально посвящен трудовому использованию лагерного контингента. Автором, в частности, выдвигается обоснованное утверждение о низкой эффективности лагерного производства и, как следствие, нерентабельности принудительного труда.

Данные о военнопленных Второй мировой и Великой Отечественной войн, наряду со сведениями о советских заключенных, содержащихся в Центральном Казахстане, приводятся в одной из глав работы Д.А. Шаймуханова и С.Д. Шаймухановой «Карлаг» [20].

В монографии С.Д. Шаймухановой «Политические репрессии в Казахстане» [21] также приводятся сведения об иностранных заключенных, содержащихся в лагерях Казахстана.

Большой интерес вызывает работа Л.М. Михеевой, в которой впервые в диссертационном исследовании рассматривается проблема военнопленных Второй мировой войны на территории республики [22]. Общим достоинством ее работ является попытка поднятия проблемы на основе введения в научный оборот материалов, раскрывающих историю лагерей, размещавшихся на территории Центрального Казахстана.

Историки республики в своих работах дают результаты исследований об истории восстания в Степном лагере, где наряду с заключенными содержались

переведенные туда контингенты военнопленных. Подробно данный сюжет исследован Т.К. Алланиязовым, О.П. Наймушиной [23].

Судьбам польских граждан, в том числе и военнопленным, посвящен сборник документов, изданный авторским коллективом Архива Президента Республики Казахстан [24].

Г.К. Кокебаева, на основе изучения архивов Федеративной Республики Германии, рассматривает проблему возвращения немецких военнопленных на родину. Автор считает, что еще на заре становления ФРГ проблема военнопленных была объектом идеологического противостояния советской власти с западным миром. Исследователь вполне справедливо приходит к выводу о том, что немецкие военнопленные смогли вернуться на родину только лишь после десяти лет каторжных работ в советских лагерях. Это, безусловно, противоречило принципам международного права, требующего гуманного отношения к военнопленным. Военнопленные не относятся к преступникам, военный плен - это временная изоляция военнослужащих армии противника для того, чтобы не допустить их дальнейшего участия в боевых действиях [25-26].

Наиболее полная картина формирования системы ГУПВИ в Казахстане отражена в публикациях А.Ш. Алтаева, Б.О. Жангуттина [27-30]. Несомненным достоинством этих работ является введение в научный оборот архивных материалов, извлеченных из ряда российских архивов, которые позволили им приблизиться к пониманию особенностей формирования системы ГУПВИ в Казахстане.

Важные сведения о порядке организации системы лагерей на территории Казахстана содержатся в трудах С.Т. Орумбаева. Автором, в частности, исследуется проблема образования и функционирования Карлага [31].

Большой вклад в изучение проблемы военнопленных японской национальности внес А. Алданазаров [32-33]. В его работах затронуты многие стороны жизни военнопленных в лагерях, им обнародован большой объем информации по дислокации мест захоронений японских военнослужащих в послевоенные годы на территории Казахстана.

Также о японских военнопленных в Казахстане в своей статье указывает Д.М. Абылханов [34].

Проблема использования военнопленных при строительстве города Жезказган исследуется в статье Б. Альжаппаровой [35], рассматриваемой проблеме были посвящены исследования П. Витвицкого [36].

Большой интерес представляет работа С.В. Елеухановой [37], в которой через изучение военизированной охраны Карлага сделан детальный анализ охраны, режима и условий содержания военнопленных Спасского лагеря №99 для военнопленных.

В последние годы опубликована статья А. Мусагалиевой об источниках истории военнопленных в центральном Казахстане [38].

Востребованной и актуальной предстает изданная Карагандинским университетом «Болашак» научная монография на казахском, русском и

английском языках о японских военнопленных в Карагандинской области под общей редакцией Н. Дулатбекова [39].

Историки России к проблеме пребывания на территории страны иностранных военнопленных и интернированных также обратились сравнительно недавно. Важным обстоятельством является то, что количество российских исследователей, обратившихся к этой проблеме, на порядок превышает количество отечественных авторов. Для систематизации российской историографической базы, на наш взгляд, предпочтительней выглядит распределение имеющихся работ по тематическим группам. Всего выделено три тематических группы.

В первую группу вошли труды о войне, ее политических, демографических, социальных и экономических последствиях. Проблема военнопленных и интернированных граждан после войны являлась неотъемлемой частью международной политики в Европе. Поэтому в рассматриваемую группу включены исследования о внешнеполитической деятельности СССР в выделенный период, ее восточно-европейском направлении и отношениях с Германией. К числу авторов, обратившихся к этим проблемам, принадлежат И.И. Орлик [40], Н.П. Казначеева [41], Р.Ф. Алексеев [42], И.С. Кремер [43], Г.П. Кынин [44], Г.Е. Марков [45], И. Млечина [46], В. Лапский [47], П. Абросимов [48], Г. Вагнер [49], И.Ф. Максимычев [50].

Построение советско-германских отношений во второй половине XX века нашло также отражение в работах В.К. Волкова [51], Б.В. Петелина [52].

Ко второй группе отнесены исследования о государственном терроре и репрессивной политике государства. Они способствовали научному осмыслению интересующего нас направления с точки зрения формирования карательной политики, ее истоков и практической реализации. В этом плане также необходимо отметить обращение Л.И. Бородкина, П. Грегори [53] А.И. Солженицына [54], А.Н. Дугина [55], В.Ф. Некрасова [56], А.И. Кокурина [57], Г.М. Ивановой [58], М.Б. Смирнова [59], А.С. Смыкалина [60] О.В. Хлевнюка [61] к истории правоохранительных органов и их структуре, системе лагерей в советском государстве, экономике принудительного труда. Особо интересуют ученых деятельность правительства и других высших органов государственной власти в годы войны, в том числе методы мобилизации трудовых ресурсов посредством силового давления, раскрытые П.Н. Кнышевским [62].

Третья группа состоит из трудов, которые непосредственно относятся к проблеме исследования. Постановка проблемы и информация общего характера в отношении плененных военнослужащих противника представлены в работах Н. Толстого [63], В.Б. Конасова [64], А.А. Крупенникова [65] В.П. Галицкого [66], В.П. Мотревича [67], И.В. Безбородова [68], С.В. Карасева [69]. Проблему трудового использования военнопленных в СССР исследовали С.Г. Сидоров [70], М. Колеров [71], М. Семиряга [72], П.М. Полян [73], А.С. Чайковский [74], А.Л. Кузьминых [75]. Ими раскрыты цели правительственной политики по привлечению иностранцев к труду.

Среди ряда работ отражающих проблему военного плена можно отметить издание немецких историков П. Кареля, Г. Бёддекера [76]. В труде данных

авторов дается характеристика пребывания немецких военнопленных в плену, как у союзников, так и в СССР. Важные сведения о жизни в советском плену содержатся в воспоминаниях В. Биркемайера [77].

Большой интерес представляет работа австрийского исследователя С. Карнера [78], который на основе данных российских архивов осветил проблему пребывания в Советском Союзе немецких и австрийских военнопленных.

Проведенный анализ историографической литературы свидетельствует о том, что к проблеме военнопленных и интернированных граждан иностранных государств в нашей стране и ближайшем зарубежье обращаются все большее количество исследователей. Однако, отдельным ее аспектам, к которым относится использование военнопленных в системе принудительного труда, пока еще уделяется недостаточно внимания со стороны отечественных историков. Это обстоятельство стало основным фактором обращения к теме представленной монографии.

Хронологические рамки охватывают период с 1941 по 1950 годы. Выделение названного временного отрезка обусловлено рядом обстоятельств. В 1941 году была начата работа по созданию нормативной базы, регламентировавшей вопросы образования производственных лагерей для военнопленных. Порядок использования их труда определялся соответствующими директивами Наркомата внутренних дел. На завершающем этапе войны потенциал иностранной рабочей силы пополнился за счет интернированного гражданского населения ряда восточноевропейских стран и восточных территорий Германии. В послевоенное время, наряду с интенсивным трудовым использованием иностранцев, стал набирать обороты процесс их репатриации, который продолжался до начала следующего десятилетия.

Географические рамки включают в себя территорию Казахстана, на которой располагались производственные лагеря для военнопленных и интернированных иностранных граждан.

Методологическая и теоретическая основа. В основу настоящего исследования положен принцип теоретико-методологического плюрализма, который, в свою очередь, базируется на сочетании различных теоретических подходов и научных концепций. В современной исторической науке он предполагает создание всесторонне обоснованной универсальной методологии исторического познания и общей теории предметного содержания, охватывающей всю сложность и многообразие реального исторического процесса. Война в исторической науке рассматривается, в основном, как типологическое явление. В результате такого подхода за пределами исследований нередко остаются ее характерные проявления, к которым относится и проблема военнопленных. С учетом этого, избранная основа позволяет соединить в одно целое последствия войны, как на государственном, так и на региональном уровне.

В практической плоскости исследование проблемы трудового использования военнопленных и интернированных граждан иностранных государств на территории Казахстана осуществлялось на основе принципов и

методов, позволивших реализовать замысел и решить поставленные задачи. Методологическую базу составили историзм, конкретность, системность и научная объективность. Они дали возможность рассмотреть проблему как целостный процесс и, в то же время, дифференцированно подойти к нему с точки зрения определения его структуры, характерных особенностей, динамики развития и изменений в сложных социально-политических условиях выделенного периода. Для достижения цели исследования применялся комплекс общенаучных методов: метод анализа и синтеза, сравнения, сопоставления, обработки статистических данных. Свое применение нашли и специально-научные методы: историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, количественный.

Комплексное использование отмеченных методологических подходов, принципов и методов способствовало всестороннему и объективному рассмотрению эволюции проблемы трудового использования иностранной рабочей силы во время войны и в послевоенный период в масштабах Казахстана.

Источниковой базой исследования послужили различные по своему происхождению и разноплановые по содержанию документы и материалы, хранящиеся в центральных архивах и опубликованные в специальных тематических изданиях.

К первой группе источников относятся собственно архивные фонды, востребованность которых обусловлена динамично возрастающим интересом исследователей к историческим проблемам советского периода. Они содержат ценную информацию по интересующей нас проблеме, ее специфическим особенностям. Комплексный анализ архивной документации позволил проследить периодизацию политики в отношении использования военнопленных и интернированных иностранных граждан в системе принудительного труда, воссоздать детальную картину развития проблемы на центральном и региональном уровне в годы войны и в послевоенный период.

В работе использованы материалы фондов Архива Президента Республики Казахстан, Центрального Государственного архива Республики Казахстан, в которых отражено партийно-правительственное отношение к проблеме исследования, показан директивный характер ее решения.

Обнаруженные в фондах Архива Президента РК источники в массе своей представлены документами отчетно-исполнительного характера. Сюда относятся доклады, рапорты, сообщения, донесения и отчеты заместителей уполномоченного комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по областям Казахстана. Среди них наиболее ценными представляются документы о работе промышленных предприятий республики и лагерей военнопленных в период максимального использования контингента лагерей в системе принудительного труда, т. е. в 1945-1947 годы. Кроме того, в работе использованы материалы АП РК, характеризующие деятельность политических органов МВД Казахской ССР.

Архивные данные фондов Костанайской, Жамбылской, Актюбинской, Акмолинской областей также дополнили и более конкретизировали базу

исследования по вопросам размещения лагерей военнопленных, взаимоотношений с местными органами власти и руководством промышленных предприятий.

Необходимо отметить, что после ликвидации лагерей для военнопленных на территории Казахстана, документы и материалы из мест заключения были вывезены в Москву и засекречены. Этим объясняется сравнительно небольшой объем интересующих нас источников в отечественных хранилищах.

В связи с вышеизложенным, важными представляются документальные коллекции фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центра хранения историко-документальных коллекций. В массивах названных архивов накоплены правительственные и ведомственные нормативные и правовые документы, которые регламентировали все вопросы, связанные с пребыванием в Советском Союзе пленных и интернированных граждан иностранных государств, их трудовое использование, содержания, обеспечения и обслуживания. Здесь же имеются собственноручные свидетельства и отзывы пленных различных национальностей о своем отношении и впечатлениях о советских лагерях, об условиях, в которых они находились.

Во вторую группу источников вошли материалы партии и правительства по вопросам, непосредственно относящимся к периоду и теме исследования, протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) [79-80] и решения государственных органов [81], сборники документов об истории НКВД-МВД СССР [82-83] и исправительно-трудовых учреждений [84-86], их структуре и деятельности в интересующий нас период. Естественный интерес вызывают опубликованные документальные источники периода Второй мировой и Великой Отечественной войн. К этой же группе относятся тематические публикации архивных документов по проблеме исследования [87], особо следует выделить документы и материалы под редакцией М.М. Загорулько [88-89]. Официальные материалы, относящиеся к теме монографии, содержатся также в документальных сборниках о внешней политике Советского Союза во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, развитии отношений со странами, граждане которых находились в советском плену [90-98].

Третью группу источников составила мемуарная литература, дневники и воспоминания видных политических и государственных деятелей [99-101].

Выявленная источниковая база вполне достаточна для научного осмысления проблемы военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР, их содержания в производственных лагерях и использования в качестве рабочей силы в системе принудительного труда.

ГЛАВА 1. ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЛАГЕРЯХ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ КАЗАХСТАНА (1941-1944 гг.)

1.1 Народное хозяйство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

В Великой Отечественной войне Казахстан участвовал как часть единого государства – Союза Советских Социалистических Республик. Экономика Казахстана в предвоенный период развивалась в соответствии с пятилетними планами построения индустриальной базы Советского Союза. Главным итогом предвоенного развития СССР стало его превращение из крестьянской страны в мощную индустриальную державу, занявшую второе место в мире после США по объему национального дохода и выпуску промышленной продукции.

Спецификой развития народного хозяйства Казахстана в данный период можно считать неравномерность развития регионов. Безусловно, промышленные объекты проектировались и строились в непосредственной близости от уже разведанных запасов тех или иных полезных ископаемых.

В начальный период войны фашистской Германией были оккупированы важные экономические районы СССР. К декабрю 1941 г. Белоруссия и почти вся Украина, Прибалтика, ряд западных областей РСФСР были заняты фашистами. Враг стоял у стен Ленинграда и Москвы. Экономический урон был ощутимым. Валовая продукция промышленности страны в ноябре 1941 г. по сравнению с июнем того же года уменьшилась в 2,1 раза. Вышли из строя шахты Донецкого и Подмосковского бассейнов, металлургические заводы юга. Действовала только треть доменных и немногим более половины мартеновских печей. На территориях, занятых к этому времени врагом, проживало свыше 40% населения, производилось около 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, 38% зерна, добывалось более 63% угля.

Численность рабочих и служащих в ноябре 1941 г. составила 19,8 млн чел., или 63% от уровня 1940 г. В связи с нехваткой рабочей силы уменьшился выпуск самолетов, танков, орудий, боеприпасов. Конец 1941 г. - самое трудное время для нашей экономики [102, с. 46].

В первые недели и месяцы Великой Отечественной войны перед руководством СССР стояла необходимость решения сложнейшей задачи, связанной с массовым перемещением производственных предприятий с западных районов страны, оказавшихся под угрозой вражеской оккупации, в восточные регионы Советского Союза. Важно было в короткие сроки перебазировать с территорий, непосредственно примыкавших к «театру» военных действий, миллионы людей, огромное количество материальных и культурных ценностей, промышленного и сельскохозяйственного оборудования и скота. Предстояло в максимально сжатые сроки развернуть на новых местах, находящихся порой за многие сотни и тысячи километров от прежних, выпуск продукции, необходимой стране и фронту. Во всей мировой

истории не было прецедентов решения такой сложной задачи. Главным государственным органом, непосредственно руководившим работой по эвакуации промышленных объектов, стал Совет по эвакуации при Государственном Комитете Обороны. Передислокация промышленности происходила в основном по железной дороге. Эшелоны состояли из товарных и пассажирских вагонов и были буквально набиты людьми и оборудованием. Эвакуировались в первую очередь специалисты и члены их семей, без которых запуск и функционирование производства на новом месте был невозможен.

Уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., в Кремле было проведено совещание руководителей наркоматов оборонных отраслей. Первый заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР Н.А. Вознесенский на этом совещании поставил конкретные задачи по деятельности в новых условиях. С 23 июня началась реализация мобилизационного плана производства боеприпасов, а 30 июня был утвержден разработанный аппаратом Госплана под руководством Н.А. Вознесенского детальный «Общий мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 года», предусматривавший перестройку всех отраслей экономики страны на военный лад [103].

Государственный Комитет Обороны поручил Н.А. Вознесенскому руководить работой комиссии по подготовке и реализации военно-хозяйственного плана страны на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. Данный документ был направлен на развитие оборонного производства районов Урала, Поволжья, Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири. 16 августа 1941 года советское правительство приняло военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Этот план был рассчитан на перемещение промышленности в восточные районы СССР и форсирование в этих районах военного производства, необходимого для нужд войны. Военно-хозяйственный план по восточным и тыловым районам СССР предусматривал организацию и увеличение производства стрелкового вооружения и артиллерии, в том числе зенитных пушек, противотанковых пушек, полковых, дивизионных и танковых пушек, миномётов, тяжёлой артиллерии, винтовок, автоматических пистолетов-пулемётов, танковых и пехотных пулемётов, авиационных пулемётов и пушек. План предусматривал программу размещения производства и выпуска в восточных районах СССР патронов, пороха и всех видов боеприпасов. Была предусмотрена организация на востоке новых баз и развитие имеющихся предприятий по производству авиадвигателей и самолётов, в том числе штурмовиков, истребителей, бомбардировщиков. Намечено создание новых баз по производству танковой брони и выпуску тяжёлых и средних танков, а также артиллерийских тягачей. Предусмотрена организация в тыловых районах производства малых военных кораблей - охотников за подводными лодками, бронекатеров и торпедных катеров. Военно-хозяйственный план предусматривал для восточных районов программу увеличения производства угля, нефти, авиабензина, автобензина, чугуна, стали, проката меди, алюминия, олеума, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты и толуола.

В целях скорейшего развёртывания и материального обеспечения военного производства в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии военно-хозяйственный план предусматривал перевод в восточные районы сотен промышленных предприятий машиностроения, по производству боеприпасов, вооружения, танков, самолётов с передачей им строек и предприятий других отраслей народного хозяйства [104, с. 38-40].

К числу важных составляющих вышеупомянутых планов и других директивных документов относились программы эвакуации из западных регионов страны промышленных предприятий и их скорейшего восстановления на новых местах базирования. Степень важности решения этих задач характеризуется тем, что уже через два дня после начала войны, 24 июня 1941 г., был организован Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР. Работа по подготовке и проведению эвакуации, выполненная Советом по эвакуации, в большой мере, опиралась на организационный потенциал Госплана СССР. При Госплане СССР в этот период были образованы специальные подразделения, занимавшиеся подготовкой и выбором конкретных мест передислокации промышленных предприятий. В регионах были изучены возможности размещения предприятий, для этого была проведена перепись всех кирпичных и каменных складских построек в городах, железнодорожных станциях, машинно-тракторных станциях, также расположенных рядом с железнодорожными путями совхозах и колхозах, где можно было обеспечить размещение эвакуированного оборудования, пока не были достроены корпуса новых заводов.

Высокая степень организации этой работы характеризуется тем, что руководство каждого промышленного объекта четко и точно знало, куда его эвакуируют, а на местах первые руководители знали, какой промышленный объект прибывает, и уже закладывали фундаменты корпусов заводов.

Большая заслуга в деле успешной эвакуации принадлежит железнодорожникам. По всему пути следования эшелонов с эвакуированными наготове стояли сменные паровозы, уголь, питание для эвакуированных людей, был налажен бесперебойный оборот вагонов. В работе железнодорожного транспорта, особенно в первый период войны, встречалось немало трудностей, связанных с уходом значительного числа железнодорожников на фронт, переводом движения поездов на особый воинский график, сокращением подвижного состава в связи с отправкой на прифронтовые дороги большого количества паровозов для замены неисправных [10, с.150].

При размещении перебазированных объектов учитывались многие факторы: специализация районов, мощность промышленной базы, наличие резерва рабочей силы, квалификационный состав рабочих, характер научных учреждений, транспортные связи, наличие топливной базы, мощностей по выплавке черных и цветных металлов, характер машиностроения. Определяющее значение имели транспортные связи. Предприятия, связанные с развитием топливной промышленности, направлялись в те места, где добывались каменный уголь, нефть [102, с.47].

Перед руководством Казахстана, который в условиях войны являлся глубоким юго-восточным тылом, была поставлена задача: в соответствии с решениями Совнаркома СССР, с июня 1941 г. начать перевод экономики республики на военный лад и переориентировать предприятия на выпуск продукции для нужд фронта. Необходимо было в короткие сроки освоить и расширить во много раз производство оборонной продукции, добычу стратегического сырья, поднять на новый уровень промышленное строительство, переориентировать местные производительные силы на выпуск оборонной продукции, принять массу перемещаемых из западных регионов страны предприятий. Кроме того, следовало ускорить ввод в действие на территории республики новых и перемещенных объектов.

Резко возросла роль Казахстана в производстве угля, нефти, цветных и черных металлов, продукции сельского хозяйства и машиностроения. Перераспределение материальных и людских ресурсов привело к изменениям в экономическом укладе республики, связано это было с необходимостью обеспечения промышленности квалифицированными рабочими кадрами взамен ушедших на фронт и оставшимися в зоне оккупации. Существенное влияние на отраслевую структуру промышленности республики оказало размещение эвакуированных предприятий из временно оккупированных районов СССР. Всего, по данным, приводимым М.К. Козыбаевым, в 1941 г. было эвакуировано 1360 крупных предприятий [9, с. 166]. Безусловно, необходимо отметить, что перемещение предприятий шло не только в Казахстан. Из общего числа эвакуированных предприятий в Казахстане обосновались - 142, в Узбекистане - 90, в Киргизии -30 [102, с. 49].

С июня 1941 г. помимо промышленных предприятий оборонного назначения были эвакуированы предприятия пищевой, химической, легкой промышленности, большое количество сельскохозяйственной техники, зерна, продовольствия и комплектующих запасных частей. В этот период на восток СССР были перемещены более 10 миллионов человек.

Несмотря на чрезвычайные трудности перемещение производительных сил в тыловые районы страны в 1941 г. прошло в целом слаженно и, в основном, в соответствии с намеченными сроками. Из прифронтной зоны в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно сводкам НКПС, было вывезено 2593 промышленных предприятий. Однако эти данные нельзя считать полными, хотя в отечественной военной историографии и сегодня их постоянно используют в качестве итоговых и даже гордятся ими. Если же учесть, что значительную часть переведенных на восток промышленных объектов составляли нигде не учтенные, так называемые «бездокументные» грузы (спасенные от врага зачастую в «последний час»), а на территории СССР, подвергшейся оккупации, накануне войны действовало 31850 крупных и средних предприятий, то приведенные выше цифры (2593) составляли лишь ничтожно малую долю из действительно перебросенных в глубокий тыл и быстро восстановленных там в интересах фронта. И наконец, если бы в восточные районы страны были переведены только 2593 завода и фабрики из более чем 32 тыс., никакой бы военной перестройки советской

экономики не получилось, и война оказалась бы Советским Союзом проигранной. Между тем многочисленные факты и документы свидетельствуют, что подавляющую часть промышленного оборудования предприятий удалось перебросить в районы новой военно-промышленной базы страны, где создавалось оружие Победы [105, с. 9-10].

Глобальное перебазирование экономического потенциала на восток страны, в том числе и в Казахстан, не ограничивалось только процессом перемещения. Важной задачей было быстрое начало производства на эвакуированных предприятиях. Большинство исследователей военной экономики полагают, что наиболее сложным и критическим в истории военной экономики СССР временем стала вторая половина 1941 г., особенно последние три месяца года, когда эвакуированные предприятия еще не заработали на полную мощь. В целом по стране промышленное производство за июнь - декабрь 1941 г. снизилось почти в два раза, а военные действия настоятельно требовали скорейшего выпуска оборонной продукции.

Размещение и монтаж эвакуированного оборудования промышленных предприятий стали главной проблемой. Проблема заключалась не только в том, чтобы успеть к прибытию эвакуируемых предприятий построить новые заводские корпуса. Необходимо было срочно наладить выпуск смежной продукции, комплектующих частей для предприятий машиностроения, тем более, что ряд предприятий, эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывали с неполным комплектом оборудования. Ввод в действие эвакуированных промышленных предприятий необходимо было производить синхронно, чтобы предприятия не простаивали из-за отсутствия комплектующих деталей.

Эвакуированные предприятия в основном размещались в областных центрах и городах с высоким уровнем промышленного потенциала (Караганда, Усть-Каменогорск, Чимкент, Акмолинск, Актюбинск и др.). Это были заводы тяжелого и среднего машиностроения, а также предприятия легкой промышленности: текстильные, хлопкопрядильные, обувные фабрики и т.д. В Алма-Ате были размещены Ворошиловградский завод тяжелого машиностроения, Харьковский и Балашовский заводы «Трансвязь», Сумская суконная, Харьковская табачная и швейно-трикотажная, Кременчугская шорная фабрики; в Семипалатинске – Киевская, Азовская и Артемовская обувные фабрики, Полтавская прядильная, Харьковская швейная фабрики, Осташевский кожевенный завод, Донецкая швейная фабрика им. Володарского; в Кустанае - Харьковская швейная фабрика, станкостроительный завод «Комсомолец»; в Гурьеве - завод нефтяного оборудования им. Петровского и т.д. [106, с. 223].

Оборудование ряда эвакуированных предприятий было использовано для завершения строящихся объектов. Так, новостройка Актюбинского ферросплавного завода получила оборудование Запорожского ферросплавного завода, незавершенная стройка авторемонтного завода в Алма-Ате стала базой для цехов Луганского завода тяжелого машиностроения. Новостройки пищевой промышленности юга республики получили оборудование 14 сахарных заводов

Украины. Всего за годы войны в Казахстан было перебазировано более 200 заводов [107].

Из общего числа эвакуированных в республику промышленных объектов, 107 предприятий в короткий срок вступили в строй и начали выпуск продукции, необходимой для фронта. Перемещенные предприятия размещались, как правило, на базе предприятий, схожих по профилю производства. Некоторые эвакуированные предприятия на начальном этапе работали в абсолютно не приспособленных помещениях и даже под простыми навесами без стен. Известны факты, когда на место дислокации перемещенного предприятия прибывала только небольшая часть необходимого персонала рабочих, инженеров и технических работников. Возникли серьезные трудности в снабжении новых заводов и фабрик электроэнергией. В областных центрах республики (за исключением Алма-Аты, Караганды, Семипалатинска) существующие электростанции были маломощными, с изношенным оборудованием. Таким образом, монтаж эвакуированных заводов и фабрик происходил при одновременном создании новых энергетических мощностей [9, с. 167].

В городе Алма-Ате в годы войны разместились более 30 промышленных предприятий, эвакуированных из прифронтовой полосы. Это обстоятельство стало толчком к развитию новых отраслей индустрии в регионе. В феврале 1942 г. на основе цехов Ворошиловградского паровозостроительного завода и строящегося авторемонтного завода был образован Алма-Атинский машиностроительный завод. Большая часть оборудования эвакуированных предприятий поступила в декабре 1941 г. и в январе 1942 г., монтаж оборудования производился незамедлительно и вскоре завод начал выпуск боеприпасов, так необходимых фронту. В таких непростых условиях организовывались новые образцы вооружений, боеприпасов и оборудования.

Перемещение предприятий на территорию Казахстана, переориентация их деятельности на военный лад позволили за короткие сроки достигнуть высоких показателей роста экономического потенциала республики. За годы войны значительно возросла численность рабочего класса на промышленных предприятиях Казахстана. Связано это было с расширением производственных и технологических мощностей уже имевшихся заводов и фабрик, вводом в эксплуатацию новых объектов промышленности, а также началом работы эвакуированных промышленных предприятий в регионе. Вместо квалифицированных рабочих-мужчин, ушедших на войну, на производстве трудились люди старшего возраста, женщины и молодежь, ставшие основной рабочей силой в тылу. Если в 1940 г. на промышленных предприятиях Казахстана работало около 158 тысяч человек, то в 1945 г. их число увеличилось в два раза и перевалило за 255 тысяч человек. Удельный вес женщин, занятых на промышленном производстве, в том числе и в отраслях, традиционно использовавших труд мужчин, составлял почти 50%. На предприятиях легкой и пищевой промышленности трудилось около 85-90% женщин.

Переход промышленности на военный лад требовал изменения профиля предприятий, что, в свою очередь, потребовало изменения технологических процессов, новых форм организации производства. Возникли проблемы с обеспечением кадрами. Было законсервировано строительство некоторых начатых объектов: Усть-Каменогорской ГЭС, Большого Джекказгана, Кызыл-Ординской плотины, железной дороги Акмола - Павлодар и др.

Военная обстановка внесла изменения в ранее установленные экономические связи между регионами СССР. Если до войны промышленность Казахстана получала материально-технические средства из центрального и юго-западного районов СССР, то в связи с войной нарушились связи со многими районами, а в ряде случаев совсем прекратились. В связи с этим возникла необходимость создания собственной машиностроительной базы. Мобилизация на фронт мужского населения обострила проблему квалифицированных кадров и трудовых ресурсов. В соответствии с важностью предприятий и строек для обороны в плановом порядке были перераспределены трудовые ресурсы республики между отраслями. Оборудование остальных перебазированных предприятий, в основном легкой и пищевой промышленности, было передано вновь строящимся или действующим на территории республики предприятиям. Так, на оборудовании завода «Электроцинк» из Орджоникидзе был ускорен пуск Усть-Каменогорского цинкового завода [108].

Серьезное внимание республика уделяла размещению населения, эвакуированного из западных регионов страны. На территории Казахстана были размещены свыше 1 млн. человек. Основной поток эвакуированного населения последовал в Казахскую ССР в период с августа 1941 по январь 1942 г. К 1 сентября 1941 г. республика обустроила 24258 человек, в том числе из РСФСР - 10941, УССР - 6620, БССР - 5159, Карело-Финской ССР - 550, Литовской ССР - 231, Латвийской ССР - 294, Эстонской ССР - 158, Молдавской ССР - 113, Крымской АССР - 11 181, других регионов СССР - 181 человек. Были эвакуированы 10968 русских, 2695 украинцев, 1259 белорусов, 8218 евреев, 159 поляков, 32 немца, 39 литовцев, 159 латышей, 160 эстонцев, 569 человек других национальностей. Среди эвакуированных 60,8% были женщины, 36,3% - дети, 39,2% - мужчины [109, л. 2].

По данным эвакуационного отдела при СНК Казахской ССР, на 2 октября 1941 г., в нашу республику из прифронтовой полосы - Ленинграда и Москвы - прибыло эвакуированных 65691 человек, в том числе - 11931 мужчин, 28213 женщин, 25547 детей. Все они были размещены в различных регионах республики: в Западном Казахстане (Гурьевская, Западно-Казахстанская, Актюбинская области) - 14257 чел., Южном Казахстане (Джамбульская, Кызыл-Ординская, Южно-Казахстанская, Алма-Атинская области) - 13728, Центральном Казахстане (Карагандинская) - 1105, Северном Казахстане (Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская) - 22524, Восточном Казахстане (Семипалатинская, Восточно-Казахстанская) - 11443, г. Алма-Ате - 2634 человек [110, л. 44].

В целом, «по состоянию на 1 июля 1943 г. на территории Казахской ССР размещено 466155 человек эвакуированного населения. Всего прибыло в КазССР с начала эвакуации 532506 эвакуированных» [111, с. 433].

Главный вопрос, который решался в этот период местными органами власти, был вопрос обеспечения питанием и проживания эвакуированных. Все эвакуированные снабжались необходимыми документами и карточками на продукты питания. Наркомторг республики и Казпотребсоюз рассмотрел вопрос о выделении специального фонда для снабжения эвакуированного населения в размере не менее 25% от фондов, выделенных областям [112, л. 17]. Однако обеспечение эвакуированных продуктами питания было затруднено тем, что противник захватил основные зернопроизводящие районы, где уборку урожая завершить не успели. В целом по стране валовой сбор пшеницы в 1941 г. снизился по сравнению с уровнем 1940 г. почти в два раза, а в 1942 г. составил всего одну треть от уровня, далеко неблагоприятного 1941 г. Во время войны по рабочей карточке население получало 800 г хлеба в сутки, карточка служащего давала возможность получать 500 г. хлеба. Положение в Казахстане усугублялось тем, что в довоенные годы основным источником поступления товаров для удовлетворения потребностей населения был ввоз товаров из других областей и республик по централизованным фондам. В связи с началом войны распределение продовольственных ресурсов претерпело серьезные изменения. Резко уменьшилась доля централизованных фондов промышленных и продовольственных товаров, предназначенных для продажи населению [113, с. 92].

Одной из сторон решения проблемы обеспечения была борьба с расхищением продовольствия и промышленных товаров. 22 января 1943 г. ГКО было принято специальное постановление по этому вопросу. На местах между тем вскрывались многочисленные факты хищений должностными лицами и злоупотреблений ими своих положений. В Кустанайской области за 10 месяцев 1944 г. органами НКВД проведено расследование по 107 делам, привлечены к ответственности 184 человека, изъято у преступников промышленных и продовольственных товаров на сумму 372083 рубля [114, л. 17].

Проблему с обеспечением хлеба удалось решить благодаря тому, что к началу войны в стране были созданы большие запасы зерна, которые позволили продержаться до 1944 г., до того времени, когда на освобожденных территориях был убран первый урожай зерновых.

Массовая эвакуация гражданского населения в восточные районы, в том числе и в Казахстан, привела, в свою очередь, не только к обострению продовольственного положения в республике, но и к резкому увеличению городского населения и росту городов, и рабочих поселков. Если в 1939 г. число городов и рабочих поселков в Казахстане было соответственно 28 и 53, то в 1945 г. - 33 и 107 [113 с. 91].

Рост численности населения Казахстана в предвоенный период и в годы войны был также связан с массовой депортацией народов. С осени 1941 г. партийные и советские органы Казахстана усиленно готовились к приему спецпереселенцев. Размещение их в местах постоянного проживания

затруднялось тем, что в республику большими партиями прибывали эвакуированные из прифронтовой полосы. Изыскать для всех жилье, обеспечить их продовольствием было чрезвычайно нелегко. Руководство республики обращалось в Москву с просьбами о помощи переселенцам. В одном из документов, датированном октябрём 1941 г., указывается на проблемы с обеспечением депортированных немцев жильем. «Согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 г., Государственным Комитетом Обороны преподан следующий план вселения немцев в Казахскую ССР: 6 сентября 1941 г. - 163600 человек, 21 сентября 1941 г. - 142000 человек, 22 сентября 1941 г. - 110000 человек. Всего - 415600 человек.

По сообщению на 2 октября с. г. прибыло 132610 человек. Принципами к расселению прибывающих немцев приняты: вселение в существующие колхозы и совхозы, а также организация новых колхозов в 12 областях Казахстана. Расселение не предусмотрено только для двух - Западно-Казахстанской и Гурьевской областей. Для устройства немцев-переселенцев необходимо построить около 100000 домов. В колхозах и совхозах районов республики для вселения имеются 7266 свободных домов, купленных, отремонтированных и построенных для плановых переселенцев и не использованных в связи с неприбытием таковых» [115, л. 59-60]. В конечном итоге эти проблемы были решены руководством республики самостоятельно.

На территории Кустанайской области «спецконтингент составлял 81207 человек, из них 44122 человека - немцев, 37085 человек - чеченцев и ингушей. Жилплощадью были обеспечены 22639 семей, не обеспечены жилплощадью 44 семьи чечено-ингушей» [116, л. 80].

По данным, приводимым М.К. Козыбаевым, на 1 июля 1943 г. в республику были эвакуированы 532506 человек из западных районов страны. В Казахстане в 1937-1944 гг. нашли вторую родину более 1109 тыс. человек депортированного населения, а вместе с эвакуированными - около 1 млн. 640 тыс. человек. По существу, в Казахстане каждый пятый был спецпереселенцем. Республика напоминала гигантский Гулаг СССР [7, с. 237].

Наряду с размещением перебазированных предприятий из оккупированных районов СССР, Казахстан решал задачи по созданию собственной промышленной и машиностроительной базы и по дальнейшему развитию тяжелой промышленности.

В предвоенные годы первых пятилеток в экономической политике страны упор делался, в основном, на осуществление программы по всесоюзному разделению труда в целях создания единого народнохозяйственного комплекса СССР. Руководство народным хозяйством проводило политику по специализации экономических регионов и союзных республик СССР с учетом исторически сложившихся структур народного хозяйства регионов и республик. Не последнюю роль играла и сложившаяся политика централизованного распределения ресурсов.

Специфической особенностью экономики довоенного Казахстана является то, что здесь первоначально зародилась из обрабатывающих отраслей

промышленности металлообработка. Это было обусловлено, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, промышленность первоначально возникала очагами в местах концентрации полезных ископаемых при низком уровне концентрации производства. Во-вторых, рудники, шахты, нефтепромыслы и другие предприятия снабжались производственным оборудованием из уже сложившихся центров машиностроения СССР.

Несмотря на трудности военного времени, в Казахстане на базе разведанных до войны месторождений были построены крупные предприятия, занимавшиеся добычей железной руды и полиметаллических и редкоземельных руд, обогащением и выплавкой металлов. К ним относились Акчатауский молибдено-вольфрамовый, Текелийский свинцово-цинковый, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинаты, Джебдинский марганцевый комбинат, Восточно-Коунрадский молибденовый комбинат, Донской хромитовый рудник и ряд других предприятий. В разгар войны было запущено производство на новом предприятии черной металлургии республики - Актюбинском заводе ферросплавов. В 1943-м г. выдал первую продукцию Казахский (Карагандинский) металлургический завод, это была высококачественная сталь, использовавшаяся при производстве военной техники и вооружения.

Важное значение имела и добыча казахстанской нефти. В том же 1943 г. начато строительство будущего флагмана нефтяной промышленности Казахстана - Гурьевского нефтеперерабатывающего завода. Дополнительно к существовавшему до войны, были построены 4 новых нефтепромысла, относящихся к тресту «Эмбанефть», пробурены свыше 60 новых скважин. Широко известен трудовой подвиг нефтяников промысла Искине, завоевавшего первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании. Они отгрузили сверхполугодового задания 13 тяжеловесных эшелонов высококачественной нефти [117, л. 221].

Топливо-энергетический комплекс республики также активно развивался в военные годы. В период с 1941 по 1945 гг. в Карагандинском угольном бассейне были построены 19 новых шахт и освоены 3 угольных разреза.

В годы войны существовавшая сеть собственных электростанций пополнилась новыми крупными и средними объектами энергетики, в частности, в Северо-Казахстанской и Карагандинской областях. В результате совокупная мощность электростанций и выработка электроэнергии значительно увеличилась: если в 1940 году ее было произведено 632 млн. кВт/ч, то в 1945-м - уже 1148 млн. кВт/ч (т. е. в 1,8 раза больше) [107].

Изменились условия и производительность труда в сельском хозяйстве республики. Из общего числа казахстанцев, призванных на фронт, примерно две трети были жителями сел и аулов. Вместо них в сельском хозяйстве стали работать женщины, подростки, эвакуированные граждане и спецпереселенцы.

Работая на военный лад, действующие предприятия перевыполняли установленные нормы выпуска продукции. Сверхплановая продукция Наркомата промышленности составила более 30 млн. рублей [118, л. 3].

В годы войны в республике приоритетом пользовалось крупное капитальное строительство объектов, имевших прямое отношение к снабжению фронта. Прежде всего, упор делался на ускоренное развитие цветной и черной металлургии, угольной промышленности, электроэнергетики и т.д. Предприятиям легкой и пищевой промышленности, наоборот, уделялось меньше внимания, исключением были предприятия, продукция которых шла непосредственно на фронт. В целом по республике производство товаров для населения сократилось. Многие предприятия пищевой промышленности были переориентированы на выпуск оборонной продукции. В стране ощущалась нехватка продовольствия. После неурожая 1943 г. повсеместно сложилась критическая ситуация с обеспечением продуктами питания. В Казахстане зимой 1943-1944 гг. большое количество населения голодало. НКВД КазССР в течение первого квартала 1944 г. обследовал «свыше ста населенных пунктов в пятидесяти районах республики, в отношении которых имелись данные о тяжелом продовольственном положении населения». В обследованных районах было выявлено «свыше тысячи семейств военнослужащих и колхозников, численностью до четырех тысяч человек, нуждающихся в неотложной помощи, истощенных и опухших на почве голода» [119, с. 208-209]. Сильнее всего голод ударил по спецпереселенцам, семьям фронтовиков и эвакуированным в Алма-Атинской, Семипалатинской и Джамбульской областях. В этот период во многих колхозах не выдавали продукции за заработанные трудодни. Такое положение сложилось, на наш взгляд, по той причине, что государство распределяло потребляемые продукты посредством карточной системы. С точки зрения государственной целесообразности, приоритетом при распределении продуктов пользовались те группы населения, которые решали задачи материального обеспечения фронта - работники ведущих отраслей народного хозяйства и высококвалифицированные специалисты.

Учитывая важное стратегическое значение сырьевых ресурсов Казахстана в годы войны, капитальные вложения, в основном, направлялись на развитие топливно-энергетического и металлургического комплексов.

Строительство новых предприятий на территории Казахстана сталкивалось с большим количеством проблем, главными из которых были недостаток рабочей силы и снабжения материальными ресурсами. Сроки строительства некоторых крупных промышленных объектов значительно отставали от графика. При Центральном Комитете ВКП(б) по Казахской ССР в этот период существовала должность Уполномоченного комиссии партийного контроля. Такие же структуры имелись в каждой области Казахстана. На основании докладов заместителей уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по областям, имевшим гриф «Совершенно секретно», можно сделать вывод, что строящиеся объекты не в полной мере обеспечивались рабочей силой и необходимым оборудованием. Обеспечение рабочей силой предприятий, расположившихся на территории Казахстана, было решено за счет массового применения принудительного труда.

С начала 1930-х гг. труд заключенных стал одним из важных факторов развития советской экономики. 11 июля 1929 г. Совнарком СССР издал

постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», в котором, в частности, поручал ОГПУ расширить существующие и организовать новые лагеря на территории Ухты и в других районах Советского Союза с целью освоения и разработки богатств путем применения труда лишенных свободы. Производительность их труда была невелика, но зато труд заключенных страшно дешев, поэтому лагеря стали полезной и важной осью советской экономики. Традиционными отраслями хозяйства для лагерной экономики были лесозаготовительные работы, добыча драгоценных металлов, угля, нефти газа и других энергоресурсов, производство кирпича и т.д. [15, с.35-36]. Конечно, чаще всего заключенных ГУЛАГа использовали на работах, не требующих какой-либо квалификации.

Говоря о роли принудительного труда в экономике в годы войны нельзя не сказать, что в значительных масштабах он был задействован и в военном производстве. В 1942 г. в структуре ГУЛАГа был образован специальный отдел военной продукции, занимавшийся предприятиями НКВД, которые выпускали боеприпасы и спецукупорку. Целый ряд лагерей и колоний переориентировался на их выпуск. Было освоено производство 17 видов боеприпасов, в том числе столь необходимых фронту 82 мм и 120 мм осколочно-фугасных мин, противопехотных мин, ручных гранат РГД-33 и др. [4, с. 99]. К началу войны общее число заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, составляло 2 миллиона 300 тысяч человек. По состоянию на 1 июля 1944 г. в ГУЛАГе содержались 1 миллион 200 тысяч заключенных. За три года войны из лагерей и колоний убыли 2 миллиона 900 тысяч человек и вновь поступили 1 миллион 800 тысяч.

В годы войны, несмотря на крайне тяжелые социальные условия изоляции, пройдя через унижения и попрание человеческого достоинства, узники лагерей и колоний в своем подавляющем большинстве проявили высокие патриотические качества. Их ратный и трудовой подвиг, который долгие годы умалчивался, явился важным вкладом в разгром противника. Не только уголь Воркуты, лес Сибири, руду и золото Магадана добывали подконвойные люди. Они также производили танки, самолеты, боеприпасы, вооружение, средства связи, спецукупорку, полностью «одевали» армию, строили военные аэродромы, железные и шоссейные дороги, сооружали стратегически важные объекты инфраструктуры и оборонной промышленности, ремонтировали морские суда, выращивали скот, возделывали сельскохозяйственные угодья, кормили страну. Около миллиона узников ГУЛАГа с оружием в руках сражались в рядах действующей армии. Многие из них проявили мужество, храбрость и героизм, за что были награждены орденами и медалями СССР [120, с. 137-138].

Помимо заключенных частью системы принудительного труда стали трудармейцы. Идея, предложенная Львом Троцким еще в годы гражданской войны, о создании трудовых армий, по структуре напоминающих воинские подразделения, была использована его политическими противниками – Сталиным и его окружением. Официальное название военно-строительных формирований - Особые строительно-монтажные части (ОСМЧ), но чаще

употребляется термин «строительные колонны» или «трудовые колонны». В состав трудармейцев направлялось гражданское население в возрасте от 16 до 50 лет, причем как мужчины, так и женщины. В районах новостроек и перебазирования промышленности ударными темпами вступали в строй новые заводы, фабрики, шахты, рудники, обогатительные комбинаты, железнодорожные линии. И все это требовало постоянного пополнения рабочей силы. Трудармейцы работали в невероятно трудных условиях. В документах имеется достаточно много сведений, в каком положении они находились. Даже освобожденные по состоянию здоровья трудармейцы из числа немцев по месту жительства, несмотря ни на что, вновь отправлялись на стройки в составе других трудовых колонн, а по положению они должны были вернуться в свою строительную часть [3, с. 234-235]. Режим содержания трудармейцев мало отличался от режима содержания заключенных. В бывшем Кимперсайлаге, на территории Актюбинской области, заключенные и мобилизованные немцы содержались в одной зоне. В одном из документов того времени отмечалось, что «расконвоированные немцы и заключенные имеют свободное общение между собой и в отдельных случаях совместно проживают. Режим по содержанию мобилизованных немцев находится в неудовлетворительном состоянии, о чем говорит тот факт, что в осенне-зимний период совершили побег 227 человек» [121, л. 130].

Большую часть в трудовых колоннах составляли спецпереселенцы, депортированные на территорию Казахстана: немцы, поляки, корейцы, турки и др. Для трудовых колонн, образованных из спецпереселенцев, внутренний распорядок был предельно жестким, полностью перенесенным из системы ГУЛАГа. Мобилизацию в трудовые колонны проводили и среди казахского населения. Мобилизованные, как правило, использовались в качестве чернорабочих. Так, например, 10 тыс. казахов зимой 1942 г. при 30-40-градусных морозах рыли котлован для шестой домны Магнитогорска [7, с. 243]. Тысячи рабочих-казахов трудились на заводах Наркомата обороны, на строительстве Луковской ГЭС, Красногорской и Челябинской ТЭЦ, Егоршинской ГРЭС, около тысячи человек на шахтах и разрезах Челябинского угольного бассейна, на лесоразработках, на Высокогорском, Богословском, Гороблагодатском рудниках. По оценке М.К. Козыбаева, «мобилизация в трудармию в годы Великой Отечественной во многом напоминала реквизицию джигитов Средней Азии и Казахстана на окопные работы в 1916 г. В рабочие колонны зачислялись для тяжелой подземной работы молодые призывники 1924 г., нестроевые - до 50 лет, а также отсеянные по морально-этическим соображениям» [8, с. 111].

Трудармейцы были мобилизованы для работы на многих промышленных объектах на территории Казахстана. Вот перечень некоторых из них: Чимкентский свинцовый завод, трест «Каззолото», Казахстанский металлургический завод, трест Карагандауголь и т.д. Согласно фактическим данным, приведенным Г.Б. Каленовой, трудармейцы в составе ОСМЧ участвовали в строительстве и введении в эксплуатацию Гурьевского НПЗ [122, с. 41]. Имеются данные об использовании депортированных немцев на

Текелийском свинцово-цинковом комбинате. В одном из документов указывается: «В связи с тяжелым положением [с] выполнением плана добычи и переработки руды на Текелийском свинцово-цинковом комбинате и отгрузки свинцового концентрата Чимкентскому заводу обязать начальника УНКВД тов. Юдина передать Текелийскому свинцово-цинковому комбинату 70 человек немцев-переселенцев, собранных к отправке в Челябметаллургстрой НКВД» [123, л.126].

На многих промышленных предприятиях республики принудительный труд заключенных ГУЛАГа и трудармейцев применялся наравне с вольнонаемным трудом. Причем вольнонаемные составляли меньшинство и были представлены в основном ИТР или высококвалифицированными рабочими. Актюбинский комбинат НКВД в начале 1943 г. «имел списочный состав рабочих, служащих и ИТР - 20480 чел., в том числе: вольнонаемных – 3414 чел., заключенных - 15499, переселенцев немцев – 1667. Весь этот состав обслуживает 10 производственных подразделений: строительство завода, Донское ГРУ, кирпичный завод, известковый карьер, лесной участок, рыбный промысел на Аральском море и др.» [124, л. 54].

Казахстан в годы Великой Отечественной войны внес неоценимый вклад в дело победы над врагом. Неисчерпаемые природные ресурсы позволили стать ему одним из важных сегментов военной экономики СССР. На службу фронту были поставлены все отрасли народного хозяйства республики. Безусловно, сырьевая направленность региона сказывалась на специфике развития всей промышленности в целом. Приоритетом в обеспечении капиталовложениями и трудовыми ресурсами пользовались черная и цветная металлургия, угольная, нефтяная и горнодобывающая промышленности. В меньшей мере, развивалась легкая и пищевая промышленность. Аграрный сектор республики в годы войны переживал тяжелые времена. Из-за массового использования женского и детского труда, отсутствия сельскохозяйственной техники количество посевных площадей сокращалось. Это обстоятельство не могло не сказаться на обеспечении населения продовольствием.

В годы войны дальнейшее продолжение получила практика использования принудительного труда. Государство активно использовало лагерную экономику для решения неотложных экономических задач. Вклад спецконтингента (заключенные ГУЛАГа, спецпереселенцы, трудармейцы), в дело победы над врагом, невозможно оценить стандартными критериями.

Экономика принудительного труда была одной из существенных опор сталинской системы. Уже в предвоенные годы НКВД выдвинулся в число крупнейших хозяйственных наркоматов, обеспечивая значительную часть капитального строительства, особенно в отдаленных районах, добычу некоторых видов сырья, в том числе стратегического назначения. НКВД и его руководители оказывали существенное воздействие на выработку экономической политики государства, определение планов и пропорций хозяйственного развития. Внеэкономические методы принуждения к труду были характерной чертой «казарменного социализма», но результаты повсеместного использования бесплатной рабочей силы остаются спорными.

Низкая производительность, массовое использование ручного труда, незаинтересованность контингента в конечных результатах - все это ставит под сомнение эффективность лагерной экономики. В Казахстане принудительным трудом были охвачены тысячи заключенных ГУЛАГа, спецпереселенцев и трудармейцев. Была еще одна категория, использовавшаяся в системе принудительного труда – военнопленные.

1.2 Становление системы организации труда военнопленных в Казахстане (июнь 1941 - март 1943 гг.)

Начало образования системы лагерей для военнопленных в СССР связано с началом военных действий в Польше в сентябре 1939 г. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ от 19.09.1939 г. №0308 «Об организации лагерей военнопленных», согласно которому при НКВД СССР создавалось Управление по военнопленным (УПВ), а также развертывалась сеть из восьми лагерей для содержания пленных солдат противника.

Для непосредственного приема военнопленных от подразделений Красной Армии во время боевых действий в структуре УПВ (позднее - УПВИ) создавались пункты НКВД по приему военнопленных. Работа приемных пунктов определялась Временной инструкцией, объявленной в приказе НКВД СССР от 29.12.1939 г. №438. Приемные пункты создавались приказами и распоряжениями НКВД СССР. Руководство их деятельностью осуществлялось УПВ через НКВД, УНКВД республик, краев и областей, на территории которых располагались приемные пункты военнопленных (ППВ).

К началу Великой Отечественной войны УПВИ располагало восемью лагерями для содержания военнопленных, общая наполняемость которых составляла около 40-50 тысяч человек [125, с. 8].

В лагерную систему Казахстана военнопленные и интернированные начали поступать с начала Второй мировой войны. Известно, что в сентябре 1939 г. части польской армии добровольно сложили оружие Красной Армии. По некоторым данным, в плен были взяты около 200-250 тысяч человек. Из них, по данным, приводимым Н.С. Лебедевой, в лагерях для военнопленных содержались около 44 тыс. человек [126, с. 234]. Часть этих военнослужащих в качестве военнопленных была направлена в Казахстан.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на СССР. За годы войны противник захватил большие территории СССР, на которых в мирное время проживало около 85 миллионов человек.

С началом Великой Отечественной войны, для того чтобы обеспечить нормативно-правовую базу для содержания военнопленных, СНК СССР 1 июля 1941 г. было принято постановление №1798-800с «Об утверждении Положения о военнопленных». «Положение о военнопленных» напоминало в своих основных статьях Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1929 г. и Положение о законах и обычаях сухопутной войны, которое было приложено к Гаагской конвенции 1907 г. Официально Советский союз не

присоединился к Женевской конвенции 1929 г. Однако, можно отметить, что в целом СССР придерживался международных обязательств в вопросе отношения к военнопленным, изложенных в Женевской конвенции и Гаагской конвенции. Положение о военнопленных от 1 июля 1941 г., по существу, не делало каких-либо различий в статусах военнопленных и интернированных лиц. Пункт 1 Положения однозначно определял: «1. Военнопленными признаются: а) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР» [127, с. 37].

Согласно Положению воспрещалось: оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними; применять к военнопленным меры понуждения и угрозы с целью получения от них сведений о положении их страны в военном и иных отношениях; отбирать находящиеся при военнопленных обмундирование, белье, обувь и другие предметы личного обихода, а также личные документы и знаки отличия. Оговаривалось, что ценные вещи и деньги могут быть взяты у военнопленных на хранение под официальные квитанции уполномоченными на то лицами [127, с. 38]. В целях недопущения нарушений и ознакомления контингента военнопленных со своими правами предусматривалось, что «Инструкции и правила... вывешиваются в местах, где они могут быть прочитаны всеми военнопленными. Эти инструкции и правила, а также приказы и распоряжения, относящиеся к военнопленным, объявляются им на русском и на знакомых им языках» [127, с. 38]. Документ регламентировал последовательность действий командования в случае сдачи противника в плен. В соответствии с документом, военнопленные после взятия их в плен должны были немедленно направлены в лагеря для военнопленных. При взятии в плен производилась регистрация военнопленных. При регистрации каждый военнопленный обязан был назвать свою действительную фамилию, имя, отчество, возраст, место происхождения и матрикулярный номер [127, с. 38]. По логике составителей, эти сведения облегчали контроль над военнопленными, сведения передавались одновременно с военнопленными в пункты их дальнейшего следования.

Документ гарантировал раненым, больным, нуждающимся в медицинской помощи или госпитализации, направление в ближайшие госпитали. Допускалось ношение форменной одежды и знаков различия и отличия. Ношение и хранение военнопленными оружия воспрещалось. В соответствии с международными нормами гарантировалось, что «военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии. Для санитарно-медицинского обслуживания военнопленных, помимо штатного состава лагерей, возможно привлечение лиц медицинского состава неприятельской армии из числа военнопленных» [127, с. 39].

Не менее интересным представляются те права, которые гарантировались военнопленным. Их перечень сводился к праву:

а) при первой возможности сообщить на родину о своем нахождении в плену;

б) беспошлинно, безлицензионно и без уплаты акциза получать с родины и из нейтральных стран посылки с продовольственными продуктами, одеждой и прочими предметами первой необходимости;

в) получать с родины и из нейтральных стран денежные переводы [127, с. 39-40].

Военнопленным разрешалось иметь при себе денежные средства в размерах, устанавливаемых Управлением по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. Денежные средства в иностранной валюте, которые получали военнопленные из-за границы, обменивались на советские рубли по существующему курсу.

Согласно положению, военнопленные обязаны были строго выполнять все правила, установленные администрацией и указанные в инструкциях и положениях.

Наибольший интерес представляет документ в части регламентирования трудового устройства военнопленных. Предпосылки для использования военнопленных в системе принудительного труда были заложены в основополагающий нормативный документ по отношению к военнопленным. Определялось, что военнопленные рядового и унтер-офицерского состава могут привлекаться к работе как в лагере, так и вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве СССР на основании особых правил, разрабатываемых Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. В то же время закреплялось, что «офицеры и приравненные к ним военнопленные могут привлекаться к работам лишь с их согласия». На военнопленных, привлекаемых к работам, распространялось постановление об охране труда и рабочем времени, применяемые в данной местности к гражданам СССР, работающим в той же отрасли труда [88, с. 67].

Военнопленные, привлекаемые к работе в различных отраслях народного хозяйства, получали зарплату в размере, устанавливаемом Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Из заработной платы военнопленных производилось удержание на возмещение расходов по их содержанию (оплата жилой площади, коммунальных услуг, питания, если организовано общее котловое довольствие) [127, с. 39-40]. Понятно, что реальный труд военнопленных был далек от этой картины, но для исследования важно, что государство не проводило принципиального разграничения между военнопленными и иными отрядами трудовых ресурсов, а практика выплаты заработной платы за принудительный труд с удержанием из нее стоимости «содержания» рабочей силы была общей для всех.

Обеспечение военнопленных жилой площадью и коммунальными услугами производилось за счет предприятий и организаций, в которых военнопленные были заняты на работе. Военнопленные с момента поступления на работу снимались со всех видов довольствия, получаемого ими за счет государства [88, с. 68].

Порядок взаимодействия с международными организациями предусматривал: обмен списками военнопленных и сношения по делам военнопленных с иностранными и международными организациями Красного Креста или справочными бюро осуществляется Исполнительным комитетом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Для этой цели при Исполнительном комитете Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца учреждалось Центральное справочное бюро о военнопленных, действующее на основе особого положения, утверждаемого указанным Комитетом по соглашению с Народным комиссариатом внутренних дел СССР и Народным комиссариатом иностранных дел. Представители иностранных и международных организаций Красного Креста и других международных гуманитарных организаций допускались на территорию СССР для оказания помощи военнопленным с особого разрешения Народного комиссариата иностранных дел [127, с. 40].

По своему объему Положение о военнопленных содержало всего 31 статью, в Женевской конвенции 1929 г. было 97 статей. Положение в целом соответствовало общепринятым нормам международного права, но тем не менее имело важные отличия. В Положении отсутствовала статья, предусматривавшая раздельное содержание людей разных рас и национальностей. В нем не были четко прописаны нормы питания военнопленных. Если Конвенция устанавливала пищевой рацион военнопленного по качеству пищи и его количеству на уровне рациона собственных войск, находившихся на казарменном положении, то Положение 1941 г. предоставляло право определять нормы питания Управлению НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Положение, в отличие от Конвенции, не содержало запрета на использование труда военнопленных для изготовления и перевозки оружия, постройки всякого рода укреплений, на вредных для здоровья работах. В Положении 1941 г. ни слова не было сказано о праве военнопленных на выполнение своих религиозных обрядов, включая посещение богослужений и право служителей культа на обеспечение духовных нужд военнопленных единоверцев.

Различны были и подходы к использованию труда унтер-офицеров. По Конвенции их разрешалось привлекать к труду лишь по надзору за работавшими, а по Положению - ко всем работам вместе с рядовыми.

Самым большим недостатком Положения о военнопленных 1941 г. было отсутствие в нем статей, гарантировавших права, предусмотренные Конвенцией 1929 г. По Положению военнопленные были фактически лишены возможности обращаться к властям с жалобами на режим содержания их в плену и могли общаться лишь с администрацией лагеря. Военнопленный был лишен права обжаловать всякий свершившийся в отношении него приговор, иметь защитника. При вынесении смертного приговора Положение предусматривало приведение его в исполнение через месяц после сообщения о нем Исполкому Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, таким образом, не оставалось времени для его обжалования. Конвенция же предусматривала приведение в исполнение смертного приговора по истечении

трех месяцев со дня отправления сообщения представителю державы-покровительницы.

Все имевшиеся отличия свидетельствовали о том, что Положение о военнопленных 1941 г. было менее детализировано в пунктах, касающихся прав и обязанностей военнопленных, нежели Конвенция 1929 г. Кроме того, непризнание СССР Женевской конвенции о военнопленных дало возможность фашистской Германии также, как и ее саттелитам найти повод для бесчеловечного обращения с советскими военнопленными. Известно, что Гитлер перед началом войны с СССР заявил, что «против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада... Так как русские не признают... Конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями... Конвенции» [128, с. 23].

Положение о военнопленных не идет ни в какое сравнение с директивами нацистского руководства по обращению с красноармейцами, оказавшимися в германском плену. 8 июня 1941 г. в войска германского вермахта был направлен приказ о комиссарах, в котором относительно «политических комиссаров всех званий» говорилось следующее: «Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности. Поэтому, если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожить» [129, с. 109-110]. Как видим, вопиющее нарушение норм международного права по отношению к военнопленным со стороны гитлеровцев было закреплено в нормативных документах нацистской Германии.

Необходимо отметить, что принятием Положения о военнопленных создание нормативно-правовой базы, касающейся проблемы военного плена, не было прекращено. Необходимо было в короткие сроки подготовить и запустить в действие нормативные акты, регламентирующие все стороны деятельности администрации лагерей УПВИ и военнопленных.

7 августа 1941 г. в НКВД СССР был издан приказ №001067 с введением в действие Инструкции о порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД. Анализ данного документа показывает, что он во многих своих пунктах дублировал нормы, изложенные в рассмотренном выше документе - Положении о военнопленных. Отличие составляет детализация внутреннего распорядка лагеря для военнопленных, порядка приема, регистрации и учета, а также пункты, связанные с правами и обязанностями военнопленных. В Инструкции предписывалось, что лагерь для содержания военнопленных изолируется ограждением из колючей проволоки, деревянным или каменным забором достаточной прочности и высоты (не менее 2 метров) и обеспечивается необходимым количеством световых точек для освещения зоны лагеря в ночное время. Ограждение лагеря строится по форме правильного прямоугольника или квадрата, что обеспечивает лучший просмотр зоны. С внутренней стороны лагеря, на расстоянии 5 метров от основной зоны, устанавливается предупредительная зона в три проволоки.

Для наблюдения и охраны территории лагеря устанавливались вышки для часовых. Для пропуска в зону лагеря военнопленных, легкового и грузового транспорта, отдельно для прохода сотрудников лагеря и посещающих лагерь лиц устанавливалась вахта. Пропуск через вахту сотрудников лагеря и инспектирующих лагерь работников НКВД производился по служебным удостоверениям, всех остальных посещающих лагерь лиц - только по пропускам установленной формы, выдаваемым по распоряжению начальника лагеря, его заместителя или помощника. Помещения для военнопленных оборудовались двухъярусными нарами вагонной системы, достаточным количеством печей, обеспечивающих нормальную температуру внутри помещения, а также необходимым бытовым инвентарем: столами, скамьями, умывальниками, ящиками для мусора, баками для питьевой воды, тумбочками или полками для хранения личных вещей [130, л. 2].

Интересен 6 раздел Инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД, касающийся мер взыскания, налагаемых на военнопленных, в п.60 которого указано, что начальник лагеря может налагать на военнопленных взыскания в пределах § 22 Дисциплинарного устава Красной Армии, а именно:

- а) объявлять выговор перед строем на поверке;
- б) объявлять выговор в приказе;
- в) подвергать простому аресту с содержанием на гауптвахте до 20 суток и строгому аресту до 10 суток.

Кроме того, лишать военнопленного, совершившего проступок:

- а) права переписки на срок до 2 месяцев;
- б) права пользования деньгами на срок до 2 месяцев [130, л. 10 об.].

С первых дней Великой Отечественной войны началась работа по организации лагерей для военнопленных на территории Казахстана. В июне-июле 1941 г. были образованы два лагеря - в Карагандинской и Актюбинской областях - на базе существовавших до этого лагерей системы ГУЛАГа. 24 июня 1941 г. по решению НКВД в Спасске был организован специальный лагерь для военнопленных. Этот лагерь в документах называется Спасо-Заводской или Карагандинский лагерь, и первоначально не имел номера. Номера лагерям для военнопленных начали присваивать с 1943 г. Спасскому лагерю был присвоен №99. Карагандинский лагерь для военнопленных был образован на базе существовавшего до этого трудового лагеря системы ГУЛАГа. В начале формирования лагерные отделения находились в Караганде, Сарани, Темиртау, Майкудуке, Пришахтинске, Балхаше, в поселке Жолымбет Акмолинской области, на ст. Большая Михайловка. С увеличением численности военнопленных увеличивалось число лагерных отделений. Всего за весь период существования лагеря было организовано 22 лагерных отделения, расположенных на расстоянии до 650 км от Управления ИТЛ [131, с. 92].

Актюбинский лагерь также существовал до войны в системе ГУЛАГа. В этом лагере была размещена часть польских военнослужащих, попавших в плен после начала Второй мировой войны в 1939 г.

В связи со сложным положением на фронте и отступлением Красной Армии в первые месяцы войны в системе УПВИ к 1 августа 1941 г. действовали

только 3 лагеря из 8 имевшихся ранее. В течение первого месяца боевых действий в плен были взяты около 1500 солдат противника.

15 августа 1941 г. в НКВД СССР опубликован приказ под грифом «Секретно» за №0371 «О состоянии лагерей военнопленных» за подписью Л. Берия. В этом документе указывалось, что «проверкой состояния и размещения военнопленных в Темниковском лагере НКВД выявлен ряд безобразных фактов неорганизованности в деле охраны, размещения, дисциплины и внутреннего распорядка лагеря. За безответственное отношение к выполнению служебных обязанностей начальнику Темниковского лагеря т. Кадышеву объявить строгий выговор. Начальника охраны лагеря Кузьмина за халатное отношение к исполнению обязанностей арестовать, и действия его расследовать для предания суду». По существу Темниковский лагерь был ликвидирован. В документе прямо указывалось, что весь офицерский и унтер-офицерский состав из Темниковского и Вологодского лагерей необходимо этапировать для содержания в Елабужский лагерь НКВД Татарской АССР, где и организовать их размещение. Далее в документе указывается: военнопленных рядового состава, находящихся в Темниковском и Вологодском лагерях, отправить в Карагандинский лагерь военнопленных. Впредь всех поступающих на приемные пункты военнопленных рядового состава направлять в Карагандинский лагерь - до полной его численности в 5000 чел. В приказе отмечается, что для организации этапирования военнопленных в Карагандинский лагерь необходимо командировать бригаду работников НКВД СССР под руководством старшего майора госбезопасности т. Давыдова. В этом же приказе говорилось:

Начальникам лагерей военнопленных:

а) лагеря и лагерные помещения содержать в чистоте, привлекая к уборке военнопленных;

б) офицерский состав разместить по комнатам на койках с постельной принадлежностью и организовать хозяйственное обслуживание;

в) поддерживать опрятный внешний вид военнопленных;

г) в каждом бараке иметь учетный список размещенных;

д) администрации лагеря проводить жесткую требовательность к выполнению условий лагерного режима военнопленными.

Командируемым бригадам выехать в лагерь 16 августа с.г., на месте оказать практическую помощь в организации оперативного обслуживания внутреннего распорядка, дисциплины и развертывания политработы [132, л. 369-371]. Как видно из текста документа, руководство НКВД не устраивало положение дел в лагерях для военнопленных, и реакция на недостатки была быстрой и достаточно жесткой.

Следует указать, что особенности данного периода заключались в том, что труд военнопленных не получил широкого распространения вплоть до конца 1941 г. Большинство военнопленных не использовались на объектах народного хозяйства, их трудовое использование было скорее исключением, нежели правилом. Некоторое облегчение положения военнопленных наступает позже. Возможно, оно обуславливается рядом факторов. Потребность в рабочей

силе к концу первого года Великой Отечественной войны возросла. С другой стороны, намечалась тенденция привлечения данного контингента для работ на объектах народного хозяйства. В первый год Великой Отечественной войны труд вражеских военнопленных в народном хозяйстве страны не имел большого хозяйственного значения. Это было связано, прежде всего, с неудачами на фронте, оккупацией западных территорий страны, перестройкой народного хозяйства страны на военный лад и отсутствием нормативной базы привлечения военнопленных к принудительному труду.

К концу 1941 г. на учете в УПВИ НКВД СССР было зафиксировано всего около 9 тыс. пленных, из которых в начале 1942 г. 8427 содержались в шести лагерях: Актюбинском, Спасо-Заводском, Марийском, Темниковском, Елабужском и Оранском. На производственных работах использовались военнопленные из первых трех лагерей. Определялось принуждение военнопленных к труду циркуляром НКВД СССР №5 «Об использовании всех трудоспособных военнопленных на работах и промышленности». Данный циркуляр предписывал руководству лагерей «в целях использования всех способных к труду военнопленных». 3156 человек немцев - военнопленных, содержащихся в Спасо-Заводском лагере, использовать в системе Карагандауголь (Наркомат угольной промышленности) на перевозке угля. Туда же переводились 1821 человек военнопленных Елабужского лагеря. 650 человек военнопленных немцев, содержащихся в Актюбинском лагере, намечалось использовать на разработке Кимперсайских никелевых рудников НКВД [133, л. 48-49].

В Спасском лагере, согласно архивным документам, по состоянию на 15 декабря 1941 года, контингент составлял 3156 человек, в том числе: немцев - 1835, румын - 987, финнов - 169, поляков - 9, австрийцев - 51, шведов - 21, русских - 11, евреев - 2, венгров - 39, словаков - 11, украинцев - 10, литовцев - 1, итальянцев - 10 человек [134, л. 6,7].

В Актюбинском лагере численность военнопленных, по состоянию на 26 декабря 1941 г., составляла 650 человек, в том числе: немцев - 250, венгров - 4, чехов - 1, румын - 354, молдаван - 1, австрийцев - 18, сербов - 1, украинцев - 1, поляков - 5, финнов - 14, итальянцев - 1 [135, л. 13-14].

Количество военнопленных в начале 1942 г. росло медленно. Связано это было с относительным затишьем на фронтах. Численность военнопленных на тот период продолжала оставаться незначительной. По состоянию на 1 февраля 1942 г. они также содержались в 6 лагерях, в том числе Спасо-Заводском - 2823, Актюбинском - 1271 человек [135, л. 14]. Использование труда военнопленных в первый год войны нельзя признать удовлетворительным. Отсутствовали нормативные положения об организации труда военнопленных. В созданных на скорую руку производственных лагерях отсутствовали элементарные условия для жизни. Бытовая неустроенность, перебои с поступлением продовольствия, отсутствие тех или иных продуктов при интенсивном тяжелом физическом труде в течение 12 часов в день, приводили к росту заболеваемости и смертности среди военнопленных.

В мае 1942 г. трудовое использование и физическое состояние военнопленных берется под жесткий контроль. Это объясняется рядом факторов: во-первых, 8 мая 1942 г. в НКВД принимается приказ об использовании военнопленных при разработке торфа в Свердловской области; во-вторых, перемена обуславливается большими потерями наших войск на начальном этапе войны; в-третьих, реализацией задачи, стоящей перед страной, направленной на обеспечение фронта всей необходимой экономической продукцией. Наша уверенность в высказанном основывается на двух документах. В апреле 1942 г. появляется приказ НКВД СССР «О строительстве Ново-Тагильского, Бакальского и Актюбинского комбинатов» [136, л. 45]. Начальнику Актюбинского ферросплавного комбината майору государственной безопасности М. Царевскому было предписано подготовить к 1942 году сырьевую базу, увеличив к 1 января 1943 года мощность рудников хромитовой руды с 10 тысяч тонн до 300 тыс. тонн в год. Главная задача состояла в том, чтобы «обеспечить пуск первой очереди ЦЭС и завода в объеме двух печей по 7500 ква мощностью 25 тыс. тонн феррохрома в год в ноябре 1942 г.» [136, л. 117]. Наконец, в соответствии с решением ГКО, М. Царевскому было приказано «обеспечить в 1942 г. поставку комбинату «Южуралникель» 300 тыс. тонн кимперсайской руды (по сухому весу), со средним содержанием никеля в руде не ниже 1,35%. Довести мощность Кимперсайского рудника к 1 января 1943 г. до 700 тыс. тонн и к 1 августа 1943 г. до 1000 тыс. тонн руды в год» [136, л.117].

Вероятно, что данные указания были логическим продолжением решения, принятого 9 сентября 1941 г., согласно которому на базе Баталшинского и Кимперсайского никелевых месторождений был организован Кимперсайский лагерь с прямым подчинением Главному управлению лагерей горно-металлургических предприятий НКВД СССР [137, л.62].

На этом фоне НКВД принимает меры для налаживания работы лагерей. 17 июля 1942 г. УПВИ разослало в лагеря директиву, которая предписывала проводить ежеквартально медицинское освидетельствование контингента лагерей для определения его трудоспособности.

Главным в тот период была необходимость построения организационной структуры, которая могла бы контролировать контингент военнопленных. Для решения этой проблемы 3 августа 1942 г. был объявлен приказ НКВД СССР №001603, который ввел в действие Положение об Управлении по делам военнопленных и интернированных НКВД Союза ССР. Данный документ принципиален, поскольку он во многом определил дальнейшую судьбу военнопленных, их трудовое использование, условия содержания и т.д. Было объявлено, что Управление по делам о военнопленных и интернированных входит в состав Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР. Данное Управление в своей работе руководствуется соответствующими постановлениями Правительства Союза ССР о военнопленных, интернированных и бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, приказами Народного комиссара внутренних дел Союза ССР и настоящим Положением [88, с. 94-95].

Характер военных действий, последствия оккупации западных районов страны и общее состояние социально-политического развития, видимо, повлияли на составителей данного документа. В Положении 1942 г., как и в Положении, принятом годом раньше, нет ни слова о приверженности СССР принципам, изложенным в Женевской конвенции 1929 г., и нормам международного права.

Далее в документе указывалось, что штаты Управления по делам о военнопленных и интернированных и его местных органов устанавливались приказами Народного комиссара внутренних дел Союза ССР и содержались за счет государственного бюджета СССР. Особо было оговорено, что личный состав Управления, руководящий состав лагерей (от помощника начальника лагеря и выше) и начальники приемных пунктов назначаются и смещаются приказами НКВД СССР.

«Положение о прохождении службы начсоставом ГУГБ НКВД СССР распространяется:

а) на личный состав Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных - от помощника инспектора и выше;

б) на личный состав лагерей НКВД - от старшего инспектора и выше, а в оперативных отделениях - на весь состав;

в) на начальников, заместителей начальников и оперуполномоченных приемных пунктов НКВД» [81, с. 304].

На Управление по делам о военнопленных и интернированных возлагались следующие задачи:

а) разработка мобилизационных планов по подготовке сети приемных пунктов и лагерей для военнопленных, интернированных и бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника;

б) организация и руководство деятельностью приемных пунктов, лагерей-распределителей и производственных лагерей для военнопленных и интернированных, а также лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника (спецконтингента);

в) организация приема, распределения по лагерям и учета военнопленных, интернированных и спецконтингента;

г) организация режима и охраны в лагерях и приемных пунктах, издание инструкций и правил, определяющих порядок содержания военнопленных, интернированных и спецконтингента;

д) организация трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингента;

ж) организация всех видов снабжения и медико-санитарного дела, а также бытового обслуживания военнопленных, интернированных и спецконтингента;

з) подготовка и осуществление обмена военнопленными и интернированными, и возвращения их по окончании войны в свои страны;

и) передача проверенного спецконтингента органам НКО.

Руководство работой приемных пунктов и лагерей для военнопленных, интернированных и спецконтингента осуществляется приказами и директивами

Народного комиссара внутренних дел Союза ССР и распоряжениями начальника Управления по делам о военнопленных и интернированных [82, с. 305].

Управление по делам о военнопленных и интернированных имело в своем составе: а) секретариат; б) группу кадров; в) политинструкторскую группу; г) 1-й отдел (режима и охраны); д) 2-й отдел (учетно-распределительный); е) 3-й отдел (хозяйственный); ж) 4-й отдел (санитарный); з) 5-й отдел (организационно-производственный) [81, с. 306].

Положение 1942 г. предусматривало образование в УПВИ новой структуры, аналогов которой не было в ранее принимавшихся документах. Организационно-производственный отдел, который организует использование труда военнопленных, интернированных и спецконтингента в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, руководит производственной деятельностью лагерей, проверяет выполнение договоров, заключенных между лагерями и хозорганами, разрабатывает все виды учета и отчетности по трудовому использованию контингентов, проверяет порядок использования военнопленных, интернированных и спецконтингента на производстве [82, с. 307]. На организационно-производственный отдел также была возложена обязанность по разработке мобилизационных планов по подготовке сети приемных пунктов и лагерей и работу по их организации.

В августе 1942 г. установлены нормы денежного вознаграждения работающим. Они оказались значительно ниже тех, которые действовали до начала Великой Отечественной войны, и не оказывали существенного влияния на результаты труда.

К концу 1942 г. после окружения гитлеровских войск под Сталинградом количество военнопленных начало расти. Система лагерей УПВИ оказалась не готова к возросшему потоку пленных. Пленные из Сталинградского «котла» были в крайней степени физически истощены. 28 ноября 1942 г. был объявлен приказ НКВД СССР №002597 «О размещении и трудовом использовании военнопленных». В соответствии с ним в действующие лагеря для размещения и трудового использования были направлены 64000 военнопленных, в том числе в Спасо-Заводской лагерь Карагандинской области - 8000 человек [138, л. 335]. Организовывались новые лагеря для использования военнопленных на предприятиях и лесоразработках Наркомата лесной промышленности. НКВД СССР было дано указание: из Спасо-Заводского лагеря выделить 4000 военнопленных для использования на работах Караганда-Шахтстрой. Вопросы по трудовому использованию контингента решались в комплексе. НКВД СССР были даны распоряжения: начальнику Управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майору т. Кривенко - организовать охрану военнопленных в лагере и на работах; начальнику ЦФО НКВД СССР т. Берензону - обеспечить финансирование всех лагерей военнопленных; начальнику Управления по делам военнопленных - в пятидневный срок разработать и представить на утверждение дифференцированные нормы питания всех категорий военнопленных; Народному комиссару внутренних дел Удмуртской АССР и начальникам УНКВД Свердловской, Горьковской, Молотовской, Челябинской,

Омской, Новосибирской, Карагандинской и Тамбовской областей - немедленно командировать ответственных сотрудников к месту организации лагерей, принять меры к укомплектованию аппаратов лагерей и обеспечить прием и размещение военнопленных [138, л. 335-337].

В лагерях оставалась высокая заболеваемость и смертность. Многие из военнопленных погибали в дороге, по пути к месту назначения. Так, 9 декабря 1941 г. на станцию Оренбург прибыл эшелон с пленными, в котором находились 209 человек. Эшелон шел 15 суток из Темниковского лагеря в Спасо-Заводской. По дороге умерли 15 человек, один был сдан в больницу в тяжелом состоянии [139, с. 56].

В 1941 г. по пути следования в Актюбинский лагерь погибли 23 военнопленных. Специальная комиссия, допрашивавшая выживших, определила, что причиной смерти стала давка, вызванная большой скученностью народа [140, л. 5-12]. В целом, по данным архивных источников на декабрь 1941 г., «умерло по пути к Спасо-Заводскому лагерю 89 человек», в том числе: 62 немца, 2 австрийца, 1 итальянец, 3 финна. На 21 погибшего военнопленного сведений не имелось. В самом лагере к этим же срокам умерли 21 человек, в том числе: 6 немцев, 5 румын, 7 финнов и 3 шведа [141, л. 12,13,14]. В конце 1942г. и вначале 1943 г. уровень смертности военнопленных был довольно высоким. «В этапе, отправленном в Актюбинский лагерь 10 февраля 1943 г. из Воронежского приемного пункта, из 256 человек в лагерь прибыли только 140, остальные 116 умерли в пути». Из 140 человек, достигших пункта назначения, «23 тяжелобольных не могли самостоятельно передвигаться; 97 - с явлениями истощения различных степеней, из них 27 - с поражением желудочно-кишечного тракта; 13 человек - с огнестрельными ранениями и обморожениями второй и третьей степеней. Почти все прибывшие-133 из 140 - нуждались в длительном стационарном лечении и специальном питании» [139, с. 56].

Медицинская комиссия, обследовавшая военнопленных, прибывших 8 февраля 1943 г. в Актюбинский лагерь, на предмет возможного их трудового использования, констатировала, что из 256 человек, умерли в пути следования 116. В другой группе из 149 человек, этапированных в этот же лагерь, в дороге погибли 32 человека. 19 февраля из-под Сталинграда была доставлена группа пленнх, у которых при осмотре оказались «2 тяжелобольных, 10 - с гипсовыми повязками нижних конечностей, 5 - с нагноившимися ранениями, один - после ампутации коленного сустава » [142, л. 191]. В целом, по данным А.Б.Попова, в 1943 году смертность в Актюбинском, Спасо-Заводском лагерях составляла 40-50% списочного состава [139, с. 151].

Одна из главных причин высокой смертности военнопленных - недостаточные нормы питания. Важный документ приводит в своей работе Ю. Веремеев. В виду важности документа приведем его текст полностью: «НКС СССР военным советам фронтов север зпт сев запад зпт запад зпт югозап. Телеграмма установить нормы суточного довольствия пленнх военнослужащих германской армии поступающих АПП следующих размерах двтч хлеб ржаной гр 600 зпт мука 85 проц помола гр 20 зпт крупа разная гр 90

зпт макароны гр 10 зпт мясо гр 40 зпт рыба в том числе сельдь гр 120 зпт масло растительное гр 20 зпт сахар гр 20 зпт махорка 5 пачек месяц зпт чай суррогатный гр полтора зпт картофель прочие овощи гр 600 зпт томат пюре гр 6 зпт перец красный, черный 13 сотых гр зпт лист лавровый гр две десятых зпт соль гр 20 зпт мыло хозяйственное гр 200 месяц зпт спички коробок 5 месяц тчк разъяснить командирам бойцам что красная армия воюет германским империализмом зпт фашистами зпт но не немецкими пролетариями военной форме тчк издевательства над пленными зпт лишение пищи недопустимо тр политически вредно тчк нгш жуков тчк ги хрулев тчк нр 131 23 июня 42» [143].

Проблема обеспечения пленными продовольствием в прифронтовой полосе стояла очень остро, так как к середине 1942 г. в СССР возникли серьезные трудности с продовольствием. Население страны голодало. В условиях тяжелого продовольственного кризиса и сложной обстановки на южном направлении советско-германского фронта НКВД СССР директивой №353 от 25 августа 1942 г. отменил действовавшие до этого нормы питания и ввел новые нормы питания военнопленных (таблица 1) [144, л. 123-124].

Таблица 1 - Нормы питания военнопленных с августа 1942 г.

Наименование продукта	Количество	Норма
Хлеб ржаной	400 гр.	на 1 человека в сутки
Мука II сорта	20 гр.	на 1 человека в сутки
Крупа	100 гр.	на 1 человека в сутки
Рыба	100 гр.	на 1 человека в сутки
Растительное масло	20 гр.	на 1 человека в сутки
Сахар	20 гр.	на 1 человека в сутки
Чай суррогатный	20 гр.	на 1 человека в месяц
Овощи и картофель	500 гр.	на 1 человека в сутки
Томат-пюре	10 гр.	на 1 человека в сутки
Соль	30 гр.	на 1 человека в сутки
Уксус	20 гр.	на 1 человека в месяц
Перец	4 гр.	на 1 человека в месяц
Лавровый лист	6 гр.	на 1 человека в месяц

Работающим пленным ежедневно дополнительно выдавалось по 100 г. ржаного хлеба. Эта норма была одинакова для всех солдат, офицеров, больных, находящихся в оздоровительных лагерях и в дороге. Если при перемещении военнопленных время в пути занимало менее трех суток, то вместо горячего питания выдавался сухой паек. По нормам сухого пайка военнопленным полагалось на 1 человека в сутки: хлеба - 660 гр., сельди - 250 гр., сахара - 20 гр., чая суррогатного - 2 гр. Кроме того, военнопленным разрешалось за плату покупать махорку [144, л. 125-126]. Для сравнения, жители блокадного Ленинграда получали 125 гр. хлеба.

Введение новых норм питания совпало с притоком в лагеря новых масс военнопленных. К концу 1942 г. через приемные пункты прошли около 80 тысяч плененных солдат и офицеров вермахта и армий его союзников. Необходимо отметить, что большинство пленных в этот период поступало из-под Сталинграда в крайней степени истощения, зачастую обмороженные, больные, морально и психологически подавленные. По оценке австрийского исследователя Стефана Карнера: «Большинство из 91 тыс. пленных Сталинградского «котла» страдали от дистрофии. Это объясняется тем, что 6-я армия вермахта, попав в окружение, в последние недели битвы, почти не получала довольствия. Из примерно 91 тыс. выживших в битве, в лагерях, в первое время плена, от голода, болезней и телесных повреждений – поздних проявлений длительного окружения или в результате отвратительных условий существования – умерли около 27 тыс.» [78, с. 72]. В литературе встречаются данные, что из 91 тысячи солдат вермахта, плененных под Сталинградом, к весне 1943 г. в живых осталось около 15 тысяч человек. Уровень смертности среди военнопленных, по мнению М. Колерова, составлял в 1942 г. - 15,8%, а в 1943 г. - 52,5% [145, с. 23].

Из-за введения новых норм питания калорийность суточного рациона военнопленных снизилась до 1750 ккал., а работающих пленных, с учетом 100 гр. хлеба - до 1945 ккал. Скудный рацион питания вел к дистрофии и авитаминозу. Эти заболевания составляли в тот период 70% среди других болезней и были причиной 80% всех смертельных случаев. Недостаточность питания была главной причиной роста заболеваемости и смертности военнопленных. Об этом красноречиво свидетельствует заключение о рационе питания военнопленных по вышеназванным нормам и влиянии этих норм на организм работающего, сделанное заведующей отделом физиологии Центрального института питания Народного комиссариата здравоохранения СССР профессором Молчановой. В этом документе, датированном 6 ноября 1942 г., подчеркивалось: «Такая калорийность (1945 ккал.) может покрыть траты человека, находящегося в полном покое...» [146].

Во второй половине 1942 г. открывается ряд новых производственных лагерей, военнопленные которых использовались на добыче угля, торфа, строительстве дорог, лесоразработках и других видах работ. К началу 1943 г. из 30 действовавших лагерей НКВД СССР для военнопленных 6 носили производственный характер.

Практически во всех производственных лагерях военнопленные, проработав до 2 - 5 недель, снижали норму выработки с 60 - 80% и более до 15 - 20%. Если в первые дни существования производственных лагерей средние показатели вывода военнопленных на работы составляли от 70 до 80% по отношению ко всем военнопленным, находившимся в этих лагерях, то по прошествии двух месяцев - уже менее 50%. При этом соответственно росли заболеваемость и смертность, которые достигали катастрофических показателей.

Высокая смертность среди военнопленных заставляла НКВД предпринимать определенные шаги для улучшения обеспечения

военнопленных. 24 ноября 1942 г. СНК утвердил новые нормы продовольственного пайка для военнопленных. 16 декабря 1942 г. НКВД ввел в действие 6 норм питания: для рядового и младшего командного состава, для офицеров, для содержания на гауптвахте без выхода на работу, больничный паек, дополнительный противоцинготный паек, противопеллагрозный паек.

В конце 1942 г. система УПВИ в СССР полностью сложилась организационно и имела в качестве основы необходимую нормативно-правовую базу. В систему подразделений УПВИ на тот момент входили подразделения, имевшие четкую внутреннюю структуру и строго регламентированные обязанности. Первым звеном этой системы был ППВ - приемный пункт военнопленных, на который доставлялись военнослужащие армии противника после пересечения ими линии фронта. Далее военнопленные доставлялись на СПВ - сборный пункт военнопленных. Следующим звеном был ФППЛ - фронтовой приемно-пересыльный лагерь, в котором происходила фильтрация пленных по категориям, санитарная обработка, опрос, при необходимости оперативная работа с ними. Из ФППЛ военнопленные направлялись в тыл, где в зависимости от физического состояния использовались в системе принудительного труда.

Во второй половине 1942 г. вопрос о трудовом использовании не был окончательно решен, труд военнопленных применялся бессистемно. Массовое поступление военнопленных в ППВ и ФППЛ в конце 1942-начале 1943 г. почти не отразилось на численности производственных лагерей. В начале марта в 14 стационарных и производственных лагерях находилось лишь 19136 чел., или 10,1% всех военнопленных, находившихся в 31 лагере. Остальные томились во ФППЛ. Создаваемые в спешном порядке производственные лагеря были в неудовлетворительном состоянии [88, с. 42].

Становление системы организации принудительного труда военнопленных с июня 1941 г. по март 1943 г. связано с разработкой нормативной базы содержания и трудового использования военнопленных. Были определены условия содержания, нормы питания и медицинского обслуживания контингентов лагерей УПВИ. Вопросы трудового использования военнопленных широко не обсуждались, привлечение военнопленных к труду не носило системного характера. Пленные использовались, главным образом, на добыче угля, руды, торфа и на лесоразработках. Не было элементарных жилищно-бытовых условий, был острый недостаток питания и медикаментов, действовал 12-часовой рабочий день при плохой организации труда. Труд военнопленных был малоэффективен, заболеваемость и смертность контингента очень высоки.

1.3 Начало планомерного использования труда военнопленных в народном хозяйстве Казахстана (1943-1944 гг.)

Победа Красной Армии под Сталинградом внесла решающий вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй

мировой войны. Стратегическая инициатива перешла в руки Вооруженных сил СССР. Военная экономика страны набирала темпы. Валовая продукция промышленности и промкооперации в 1943 г. по сравнению с 1942 г. увеличилась на 17% [70, с. 97].

Жизнь населения страны продолжала оставаться тяжелой. Трудности в сельском хозяйстве привели в конце 1943 г. к снижению норм отпуска хлеба по карточкам. В 1944 г. положение в сельском хозяйстве несколько выправилось, однако, его валовая продукция по сравнению с 1940 г. составляла лишь 54% [70, с. 98]. Этого прироста было недостаточно, чтобы существенным образом повлиять на жизненный уровень населения.

В условиях изменившейся обстановки на фронтах, роста количества плененных и начавшегося восстановления освобожденных районов начинается планомерное использование военнопленных армии противника в системе принудительного труда Советского Союза. Осознавая необходимость последующего использования военнопленных в системе принудительного труда, руководство страны обратило внимание на проблемы поступающего контингента военнопленных. 2 января 1943г. заместитель Наркома обороны генерал-полковник интендантской службы А.В. Хрулев подписал приказ №001, в котором были вскрыты серьезные недочеты в работе по эвакуации военнопленных с фронта и намечены меры по исправлению положения.

В приказе, в частности, подчеркивалось: «Практика организации направления и обеспечения военнопленных на фронте и в пути в тыловые лагеря устанавливает ряд серьезных недочетов. Военнопленные подолгу задерживаются в частях Красной Армии. С момента пленения до поступления в пункты погрузки военнопленные проходят пешком по 200 - 300 километров и почти не получают никакой пищи, вследствие чего прибывают резко истощенными и больными. Значительная часть военнопленных, не имея собственной теплой одежды, несмотря на указания, не обеспечиваются из трофейного имущества. Военнопленные, идущие с места пленения к пунктам погрузки, часто охраняются мелкими группами бойцов или вовсе не охраняются, вследствие чего расходятся по населенным пунктам.

Пункты сосредоточения военнопленных, а также приемные пункты НКВД, которые, в соответствии с указаниями Штаба тыла Красной Армии и Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии, должны обеспечиваться фронтами продовольствием, вещдоловствием и транспортом, получают их в крайне ограниченных количествах, совершенно не удовлетворяющих минимальные нужды. Это не позволяет обеспечивать военнопленных по установленным нормам довольствия». [147, л. 1-2].

В документе особо обращалось внимание на факты несвоевременного выделения подвижного состава для отправки военнопленных в тыловые лагеря. Отмечалось на недопустимость порочной практики предоставления вагонов, совершенно не оборудованных для людских перевозок: без нар, печей, унитазов, дров и хозинвентаря.

Отмечались факты нарушения положения о военнопленных: «Раненые и больные военнопленные не принимаются во фронтовые госпитали и

направляются в приемные пункты и лагеря НКВД с общими этапами. По этим причинам значительная часть военнопленных истощается и умирает еще до отправки в тыл, а также в пути следования» [147, л. 3].

Конечно, мы понимаем, что речь шла не столько о жизни и здоровье военнопленных, сколько о целесообразности использования людских ресурсов для работы по восстановлению народного хозяйства страны. Этим мы объясняем жесткую риторику документа, направленную на решительное устранение недочетов в обеспечении военнопленных и сохранение их как рабочей силы.

12 января 1943 г. последовал приказ НКВД СССР №0049, в котором на органы внутренних дел возлагался контроль за выполнением приказа НКО №001. Для этого на Воронежский, Юго-Западный, Южный, Донской, Закавказский, Волховский и Северо-Западный фронты были направлены уполномоченные УПВИ. Основная их задача состояла в организации учета военнопленных и их конвоирования, обеспечении продовольствием и медицинской помощью, контроле за эвакуацией военнопленных в лагеря-распределители и налаживании оперативной связи с УПВИ. Начальникам особых отделов, начальникам охраны тыла войск НКВД, начальникам транспортных отделов и отделений НКВД требовалось следить за выполнением объявляемого приказа и в случае невыполнения его принимать необходимые меры, докладывая об этом НКВД СССР. Кроме того, начальнику Управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майору т. Кривенко обязать конвойные части при конвоировании этапов военнопленных, а также эшелонов по железной дороге, требовать от представителей фронтов, сдающих военнопленных, точного исполнения объявляемого приказа НКО, а в случаях задержки эшелонов на станциях и неудовлетворительного в пути снабжения горячей пищей, продовольствием и водой доносить в Управление конвойных войск НКВД СССР для принятия необходимых мер. Начальникам УНКВД областей и НКВД республик при следовании эшелонов военнопленных было приказано оказывать необходимую помощь в организации мероприятий по обеспечению передвижения военнопленных. Начальникам лагерей-распределителей и приемных пунктов НКВД вменялось в обязанность связаться со штабами тылов, фронтов и армий, через которые поступают и снабжаются военнопленные, и организовать порядок приема и содержания военнопленных, исключая смертельные случаи среди них.

Раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных, нуждающихся в госпитализации, в лагеря и приемные пункты НКВД не принимать, а руководствоваться приказом НКО №001 от 2 января 1943 г., отправлять их в госпитали НКО и Наркомздрава силами и средствами воинских частей [148, л. 28-28 об.].

Необходимо учесть, что в этот период среди военнопленных действительно было очень много больных, раненых, физически истощенных людей. Поэтому для обеспечения военнопленных горячей пищей была введена практика передачи колоннам военнопленных, находящимся на марше, трофейного имущества, как правило, полевых кухонь и средств для

транспортировки продуктов питания. Кроме того, было запрещено конвоирование в общем порядке военнопленных с ранениями, обморожениями, больных и с признаками истощения. Данную категорию военнопленных предписывалось госпитализировать с последующей эвакуацией в тыловые спецгоспитали, снабжая их необходимым довольствием по нормам довольствия, принятым для больных военнопленных. Согласно приказу следовало выделять достаточное количество войсковой охраны для сопровождения военнопленных с места пленения до приемных пунктов НКВД. Во избежание длительных пеших переходов максимально приблизить пункты погрузки военнопленных к местам их концентрации. Командирам частей при отправлении военнопленных сдавать их конвою по акту с указанием количества конвоируемых, запаса продовольствия, выданного для военнопленных, и приданного колонне-эшелону имущества и транспорта. Начальникам конвоев передавать по акту все документы, изымаемые у военнопленных, для доставки их в приемные пункты НКВД. Суточный пеший переход военнопленных был ограничен 25-30 километрами. Через каждые 25-30 километров пешего перехода следовало устраивать привалы-ночевки, организовывать выдачу военнопленным горячей пищи, кипятка и предоставлять возможность обогрева. Особо обращалось внимание на необходимость оставлять у военнопленных одежду, обувь, белье, постельные принадлежности и посуду. В случае отсутствия таковой предписано: «обязательно выдавать недостающее из трофейного имущества, а также из вещей убитых и умерших солдат и офицеров противника».

Командующим фронтами и военными округами дано указание: «Немедленно проверить обеспеченность приемных пунктов НКВД и лагерей-распределителей продуктами питания, создать необходимые запасы на пунктах и в лагерях-распределителях для бесперебойного питания военнопленных; полностью обеспечить приемные пункты и лагеря-распределители НКВД транспортом и хозяйственным имуществом. В случае массового поступления военнопленных немедленно выделять пунктам и лагерям дополнительно необходимый транспорт и инвентарь».

Начальнику ВОСО Красной Армии:

а) обеспечивать подачу необходимого количества вагонов для немедленной отправки военнопленных в лагеря; оборудовать вагоны нарами, печами, унитазами и бесперебойно снабжать топливом в пути следования; использовать для эвакуации военнопленных в тыл эшелоны, освобождающиеся из-под боевого состава;

б) обеспечить быстрое продвижение эшелонов в пути наравне с воинскими перевозками;

в) организовать в Управлении ВОСО Красной Армии диспетчерский контроль за продвижением эшелонов с военнопленными;

г) установить нормы погрузки военнопленных: в двухосные вагоны - 44-50 человек, четырехосные - 80-90 человек. Эшелоны военнопленных формировать не более 1500 человек в каждом;

д) обеспечить бесперебойное горячее питание военнопленных и пополнение путевого запаса продовольствия на всех военно-

продовольственных и питательных пунктах по продаттестатам, выдаваемым воинскими частями, приемными пунктами и лагерями НКВД;

е) организовать безотказное снабжение военнопленных питьевой водой, обеспечить каждый двухосный вагон – тремя ведрами, четырехосный – пятью.

Начальнику Главсанупра Красной Армии:

а) обеспечить госпитализацию раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных в лечебные учреждения Красной Армии на фронте и в прифронтовой полосе;

б) организовать их немедленную эвакуацию в тыловые спецгоспитали;

в) для медико-санитарного обслуживания военнопленных в пути выделять необходимый медицинский персонал с запасом медикаментов. Для этих целей также использовать медицинский персонал из военнопленных;

г) организовать на эвакуопунктах просмотр и проверку проходящих эшелонов с военнопленными и оказание медицинской помощи заболевшим. Не имеющих возможности следовать по состоянию здоровья немедленно снимать с эшелонов и госпитализировать в ближайшие госпитали с последующей переотправкой в тыловые спецгоспитали;

д) в пути следования эшелонов проводить санитарные обработки военнопленных с дезинфекцией их личных вещей;

е) организовывать комплекс противоэпидемических мероприятий среди военнопленных (до передачи их в лагеря НКВД).

Было запрещено отправление военнопленных в не оборудованных под людские перевозки и не утепленных вагонах, без необходимых запасов топлива, путевого запаса продовольствия и хозинвентаря, а также не одетых или не обутих по сезону [147, л. 5-6].

Другим директивным документом руководства лагерями НКВД для военнопленных, призванным определить круг мероприятий, направленных на улучшение, стал приказ НКВД СССР №00368 от 24 февраля 1943 г. В целях улучшения содержания и трудового использования военнопленных были упразднены, как не отвечающие своему назначению, лагеря НКВД для военнопленных: Сявский, Исетско-Аятский, Метилковский, Тюменский, Ашинский, Елабужский, Тедженский. Личный состав администрации этих лагерей отправлялся на укомплектование существующих лагерей НКВД для военнопленных. Для нас в данном документе принципиальным является создание Управления лагерей НКВД Казахской ССР для военнопленных. Его начальником был назначен подполковник госбезопасности Глушанин. Начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных генерал-майору Петрову было поручено - находящихся и прибывающих на приемные пункты НКВД военнопленных направлять, как правило, походным порядком в лагеря, расположенные вблизи от фронта. Начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных генерал-майору Петрову и начальнику Управления конвойных войск генерал-майору т. Кривенко поручалось в двухдневный срок разработать и представить на утверждение мероприятия, обеспечивающие охрану и питание военнопленных на приемных пунктах и в пути следования от приемных пунктов к лагерям.

Приказом НКВД СССР от 1 марта 1943 г. №00398 «О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы» предписывалось вывезти в течение марта месяца текущего года всех военнопленных, находящихся в лагерях НКВД для военнопленных, на приемных пунктах в прифронтовой полосе и 78500 чел. из района Сталинграда. Всего 110563 человек. Первыми эшелонами приказано было вывезти офицеров.

Народным комиссарам внутренних дел Узбекской ССР, Казахской ССР и Удмуртской АССР, начальникам УНКВД Свердловской, Челябинской, Молотовской, Карагандинской, Ивановской, Саратовской и Омской областей обеспечить прием и размещение военнопленных. Этим же приказом были утверждены Предложения о мероприятиях по организации вывоза военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы. В этом документе содержится важная информация об официальном количестве военнопленных. По данным на 25 февраля 1943 г., числится военнопленных - 256918 чел., из них работоспособных - 199090 чел., остальные 57828 чел. - больные и раненые. Подлежали вывозу 110563 человека из трех лагерей: Бекетовского лагеря №110 - 78500 человек, Хреновского лагеря №81 - 24000 человек и Новохоперского лагеря №62 - 1787 человек. Предписывалось распределить офицерский состав отдельно от рядового и младшего начсостава. Рядовой и младший начсостав распределялся по различным лагерям, в том числе и на территории Казахстана. В Карагандинскую область в Спасо-Заводский лагерь №99, начальником лагеря был назначен подполковник Сорокин Н.И., распределено 5000 человек, в Пахта-Аральский лагерь №29, начальник лагеря подполковник Рудаков А.Ф., 20000 человек [149, л. 148-159].

Важность проблемы использования военнопленных в системе принудительного труда осознали на самом высшем уровне. Большинство документов этого периода подписывал лично Народный комиссар внутренних дел Л. Берия. Ответственность за стабильную работу управления по делам военнопленных возлагалась на заместителя наркома С.Н. Круглова. В течение 1943 г. началось частичное деление военнопленных офицеров и рядовых по национальностям. Так, итальянцы должны были быть переведены из холодных северных районов на юг Казахстана (лагерь в Пахта-Арале), в Узбекистан (лагерь в Андижане). Немцам и австрийцам особых климатических зон не выбирали [78, с. 77].

Допуск в лагеря для военнопленных лиц, не имеющих прямого отношения к работе лагерей НКВД для военнопленных, разрешался только с санкции соответствующего Наркома внутренних дел республик или начальника УНКВД края, области, а к военнопленным генералам, полковникам и остальному офицерскому составу, содержащемуся в лагерях, только с разрешения начальника Управления по делам о военнопленных НКВД СССР генерал-майора Петрова. Использование военнопленных в системе принудительного труда производилось обязательно с согласованием и в соответствии с указанием Управления по делам о военнопленных НКВД СССР. Наркомам внутренних дел республик, начальникам УНВД краев и областей предписывалось каждую пятидневку телеграфно докладывать НКВД СССР по

установленной форме о движении военнопленных в лагерях и лагерях-распределителях, а начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов - ежедневно представлять в НКВД СССР сведения о движении военнопленных на приемных пунктах [150, л. 69-70].

6 апреля 1943 г. заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов подписал приказ № 00675, в соответствии с которым вводилась в действие директива НКВД СССР о порядке трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов и табель срочных донесений по трудовому использованию. Основная идея, отраженная в документе, наряду с необходимостью обеспечения изоляции военнопленных и сохранения их как рабочей силы нужно организовать их трудовое использование по специальным заданиям Управления по делам военнопленных НКВД СССР. Очередной документ расписывал последовательность привлечения военнопленных и спецконтингентов для использования на работах различных Наркоматов, строителей НКВД и лагерей ГУЛАГа.

Все военнопленные и спецконтингент должны быть размещены в лагерях НКВД, специально для них отведенных. Общение их с вольным населением, заключенными и другим контингентом категорически запрещалось. Технический персонал и квалифицированные рабочие, назначаемые для руководства работами военнопленных, а также спецконтингента, должны быть тщательно проверены.

Лагерь военнопленных до прибытия контингента должны быть полностью подготовлены к приему и обеспечены зоной и ограждением, необходимыми жилищно-бытовыми, коммунальными службами и санитарными условиями, должен быть обеспечен своевременный завоз продовольствия. Помещения лагеря, его зона должны быть оборудованы в полном соответствии с требованиями режима и изоляции военнопленных. С учетом этого также определялись места производства работ. О полной готовности лагеря к приему контингента, начальник лагеря обязан доложить в Управление по делам военнопленных НКВД СССР. Открытие лагеря и начало работ на производстве можно было производить только с санкции Управления НКВД СССР по делам о военнопленных [127, с. 84-86].

Важным обстоятельством является тот факт, что документ четко отслеживал ситуацию, при которой темпы поступления военнопленных не поспевали за развитием сети лагерей. Указанное вполне объяснимо и было связано с завершением коренного перелома в войне, окончательным переходом стратегической инициативы в руки советского командования, началом освобождения территорий нашей страны от оккупации.

С 1943 года в составе ГУПВИ начинают выделяться лагеря, в которых содержались военнопленные по государственной принадлежности. Именно с 1943 г. и до конца войны численность военнопленных постоянно возрастала. В 1943 г. их численность составила 181148 человек, в 1944 г. – 704853 человек, в 1945 г. – 2179749 человек. Сообразно возрастала потребность в лагерях для военнопленных и интернированных. В связи с вышеизложенным, становится понятен текст документа от 6 апреля 1943 г.: «Учитывая, что в связи с

производимой в данное время форсированной переброской военнопленных в тыловые лагеря, некоторые из них могут оказаться недостаточно подготовленными к приему и размещению контингентов, необходимо обеспечить быстрое окончание устройства лагерей силами прибывающих военнопленных» [151, л. 252].

По прибытию в тыловые лагеря для всех военнопленных устанавливался карантин в течение 21 дня, в период которого разрешалось не выводить военнопленных на работу. В период карантина всех военнопленных проводили через врачебные комиссии и устанавливали нормы выработки в соответствии с группой трудоспособности, определяемой по их физическому состоянию.

Предписывалось учесть всех военнопленных по специальностям для соответствующего применения их труда. Ранее подобное требование не встречалось. Обобщенные данные по квалификациям надо было доносить в Управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных по установленной форме отчетности. Учет по специальностям значительно облегчал последующую «фильтрацию» военнопленных и применение их на объектах народного хозяйства.

Требовали обеспечить правильную организацию труда военнопленных и спецконтингента и их расстановку, с тем чтобы каждого из них использовать на производстве в соответствии с его физическим состоянием и профессиональными навыками. Начали понимать, по крайней мере на бумаге, необходимость выдачи полной нормы питания, установив за этим повседневный контроль.

Устанавливалась длительность рабочего дня военнопленных в зависимости от их физического состояния, но не более 8 часов. Военнопленным должны предоставляться 4 выходных дня в месяц. Ночной отдых для них должен быть обеспечен непрерывно не менее 8 часов. Безусловно, данный пункт не выполнялся. Продолжительность рабочего дня на производстве в годы войны достигала 10-12 часов, а в некоторых отраслях народного хозяйства и более. В системе принудительного труда люди работали на износ, а значит о соблюдении пункта о восьмичасовом рабочем дне не могло быть и речи.

Наряду с обеспечением нормальных бытовых условий и комплексом оздоровительных мероприятий, начальники лагерей должны были установить четкий порядок во всех звеньях работы и жесткую дисциплину среди военнопленных. В качестве десятников и бригадиров могли выделяться лица из числа военнопленных, соответствующие данной работе.

Был определен порядок подчинения лагерей. Складывалась ситуация, что Управление НКВД СССР по делам о военнопленных становился поставщиком рабочей силы для системы принудительного труда. В эту систему оказались втянуты практически все отрасли народного хозяйства страны. Лагеря военнопленных, организуемые на строительных объектах, которые курировал НКВД, а также на работах, выполняемых лагерями ГУЛАГа, последним не подчинялись. Лагеря военнопленных являлись самостоятельными и входили в систему Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

Взаимоотношения между лагерями военнопленных и интернированных, а также спецлагерями (бывшие военнослужащие Красной Армии, находившиеся в окружении или в плену у противника), с одной стороны, стройками и предприятиями наркоматов, также строительствами и лагерями НКВД, использующими труд военнопленных, интернированных и спецконтингентов, - с другой, должны быть оформлены в строгом соответствии с прилагаемым Типовым договором Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных.

На основе этого Типового договора должны быть заключены по каждому хозоргану и лагерю-строительству НКВД местные договора. В эти договора могут вноситься необходимые, исходя из местных условий, добавления с полным сохранением при этом всех основных условий Типового договора. Менять эти основные условия категорически запрещалось.

Типовой договор и заключенные на местах на основе договора обуславливают взаимоотношения только между лагерями и хозорганами. Режим содержания военнопленных, интернированных и спецконтингента, нормы их питания, меры поощрения и взыскания, а также другие мероприятия, направленные на повышение производительности их труда, восстановление и сохранение их трудоспособности, являлись делом внутреннего распорядка лагеря для военнопленных. Регулировались они приказами НКВД СССР и директивными указаниями Управления НКВД СССР по делам о военнопленных в соответствии с Положением о военнопленных.

Финансовые расчеты за выполняемые военнопленными работы производились хозорганами, лагерями ГУЛАГа, стройками НКВД и промышленными предприятиями только непосредственно с лагерями НКВД для военнопленных. Категорически запрещались какие бы то ни было выдачи хозорганами средств и продуктов непосредственно военнопленным, минуя администрацию лагеря для военнопленных.

Получение и выдача всякого рода премий и других поощрений хозоргана для работников лагеря за выполнение и перевыполнение производственной программы разрешалось только через начальника Управления лагеря с предварительной санкции Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных.

Все расчеты за работу военнопленных производились в строгом соответствии с указанием Наркомфина СССР от 7 сентября 1940 г. за №9/416/1 с, согласно которому хозорган оплачивал за работы лагерю строго по единым нормам выработки и расценкам за фактически выполненный объем работ. Одновременно хозорган передавал лагерю ассигнования на повышение расценок на работы и все имеющиеся в утвержденной смете дополнительные ресурсы на покрытие расходов по рабочей силе (поясной коэффициент, часть общих накладных расходов, высвобождающихся в связи с использованием на данных работах контингент лагеря). Одновременно лагерь для военнопленных оплачивал хозоргану все услуги по коммунально-бытовому обслуживанию, кроме оплаты оборудованных помещений и их ремонта, которые хозорган предоставлял бесплатно и ремонтировал за свой счет.

Пункт 24 Типового договора предусматривал начисления на зарплату для покрытия расходов лагеря по содержанию его контингента, их охраны, медобслуживания, а также прочих административно-хозяйственных расходов. Хозорган оплачивал лагерю на всю сумму заработной платы процентные начисления. Они устанавливались следующим образом: а) для хозорганов и лагерей системы НКВД в размере 25%; б) для хозорганов других наркоматов, как правило, в размере 35% (при наличии у этих хозорганов по смете 21% накладных расходов к общей сумме прямых затрат). Этот размер начислений соответственно увеличивался либо уменьшался в зависимости от увеличения либо уменьшения у хозоргана накладных расходов к стоимости прямых затрат (против нормальных 21%). В промышленных предприятиях нормальным размером начислений являлся 35%.

Категорически запрещалось предъявлять к хозорганам завышенные требования, дезорганизующие их смету. Запрещалось завозить контингент до оформления договора с хозорганом. Договоры были действительны только после утверждения их Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных [151, л. 252-254].

В апреле 1943 г. было принято решение об образовании новых лагерей и расширении существующих. Предполагалось в течение 1943 г. значительно расширить сеть лагерей для военнопленных. Среди лагерей, подлежащих расширению, упоминался и Карагандинский лагерь. Планировалось расширить вместимость лагеря до 10 тысяч человек. Организация новых лагерей и расширение существующих возлагались на НКВД и заинтересованные в рабочей силе наркоматы.

Вторая половина 1943 г. характеризовалась постепенным увеличением числа промышленных объектов, на которых трудились военнопленные. К декабрю 1943 г. для трудоустройства на предприятиях в распоряжение наркоматов были выделены 29932 человека, в том числе Наркомату совхозов выделялись военнопленные на сельхозработы в хлопкосовхозе «Пахта-Арал» [139, с. 151]. Совхоз использовал рабочую силу, сосредоточенную в лагере №29. Последний был организован в марте 1943 года. Общее количество военнопленных западных армий - 2579 человек. В лагере в разное время насчитывалось 6 лагерных отделений. Дислоцировался лагерь №29 в Южно-Казахстанской области, в 90 км от города Ташкента и 14 километрах от станции Сырдарьинская Ташкентской железной дороги на территории хлопководческого совхоза «Пахта-Арал». В лагере, как уже упоминалось выше, имелись шесть лагерных отделений, расположенных от управления (лагеря) на расстоянии от 3 до 15 километров вдоль центрального оросительного канала.

Военнопленные использовались на сельскохозяйственных работах по обработке хлопковых полей. В то же время масштабы использования труда военнопленных в лагере были невелики. Из-за отсутствия в первое время квалифицированных работников производственного аппарата лагеря и опыта в вопросах организации трудоустройства, а также руководящих указаний центра по этому вопросу, производительность труда и заработок военнопленных в 1943-1944 гг. были очень низкими. Из выделенного

наркоматом контингента военнопленных большинство оказались не в состоянии работать. По имеющимся неполным данным за 1943 г., от среднесписочной численности 2082 человек вывод на оплачиваемые работы составлял 811 человек или 39%. Среднедневная выработка на 1 отработанный человеко-день равнялась 3 р. 44 коп., а производительность труда в целом по лагерю составляла только 59,2% [152, л. 12].

К 1 марта 1943 г., согласно справке об открытии лагерей в КазССР и Узбекской ССР для военнопленных, в КазССР работали: 1) Пахта-Аральский лагерь - 5000 человек, станция назначения - Велико-Алексеевская Ташкентская железная дорога. Расположен в Южно-Казахстанской области; 2) лагерь «Голодная Степь», расположенный в Южно-Казахстанской области, станция назначения - Голодная степь Ташкентской железной дороги; 3) Джамбульский лагерь - 2500 ч. Станция назначения - Луговая Туркестано-Сибирской железной дороги; 4) лагерь «Иртыш-Гэстрой» - 4000 чел. Восточно-Казахстанской области, станция назначения - Защита Томской железной дороги; 5) Гурьевский лагерь - 9000 чел., расположенный в Гурьевской области. Станция назначения – Гурьев, Гурьевско-Оренбургской железной дороги [153, л. 16]. Необходимо отметить, что в справке указываются не только лагеря, но и лагерные отделения. Количество человек, указанных в документе, предполагало наличие мест в лагере. Лагерь в Гурьевской области был временным и использовался для концентрации и последующего распределения военнопленных.

В 1943-1944 гг. из фронтовой сети поступало много ослабленных военнопленных. НКВД обратил внимание на необходимость применять их труд с учетом физического состояния. Согласно директивы УПВИ НКВД №28/7309 от 17 июля 1942 г. предписывалось, что в целях правильного трудового использования военнопленных на работах, с учетом трудоспособности и физического состояния здоровья каждого, а также «для поднятия общей производительности труда и снижения заболеваемости предлагаю»:

1. Установить четыре условные группы трудоспособности военнопленных:

а) 1-я группа - относятся все военнопленные, практически здоровые (или имеющие несущественные заболевания или физические недостатки, не отражающиеся на их физической полноценности), годные для выполнения тяжелых физических работ;

б) 2-я группа - относятся военнопленные, ограниченно годные к физическому труду, имеющие хронические заболевания или физические недостатки;

в) 3-я группа - относятся военнопленные, годные только для выполнения легких физических работ, имеющие серьезные хронические заболевания или физические недостатки;

г) 4-я группа - военнопленные-инвалиды, имеющие тяжелые хронические заболевания или физические недостатки. Сюда относятся как лица, вовсе не способные ни к какой работе, так и могущие быть использованными лишь на отдельных, организуемых для инвалидов работах.

В связи с определением четырех условных групп трудоспособности все виды работ, имеющиеся в лагере, по своей трудоемкости, тяжести и необходимой затрате энергии распределить на 4 основные группы: а) тяжелые физические работы; б) физические работы средней тяжести; в) легкие физические работы; г) специальные работы для инвалидов [154, л. 49].

К военнопленным первой категории трудоспособности, несмотря на характер труда, применялись полностью государственные нормы выработки. Для контингента со второй категорией единые нормы выработки полностью применялись только в тех случаях, когда они были заняты на работах средней тяжести. В случае их использования на тяжелых работах нормы выработки снижались на 30%. Военнопленные третьей категории использовались только на легких работах, норма их снижалась на 50% [155, л. 116]. Важно отметить, что распределение военнопленных на условные группы трудоспособности иногда не давала гарантии на реальное применение в отношении них разграничения условий труда. При необходимости военнопленных привлекали на работы независимо от их физического состояния.

Директива НКВД СССР от 2 июля 1943 г. №341 «О дополнительном питании больных и ослабленных военнопленных» в целях дальнейшего восстановления физического состояния больных и ослабленных военнопленных предлагала: «На дополнительное питание для военнопленных, больных дистрофией, общегоспитальных больных и военнопленных, состоящих в оздоровительных командах (ослабленных), на июль вводятся следующие дополнительные нормы к действующему приказу №00683 (в сутки на человека в граммах): масла коровьего - 25, риса - 25, мяса - 40, рыбы - 30, сахара - 25, сгущенного молока - 30, витамина С - 3 человеко-дозы» [156, л. 94]. Предлагалось для всех ослабленных организовать питание такое же как для общегоспитальных больных и больных дистрофией. Запрещалось снижение количества питающихся по этим нормам в течение месяца. Кроме того, документ зафиксировал: «Всех военнопленных, занятых на физических работах как внелагерных, так лагерных, питать в соответствии с п.8 приказа НКВД №00683 1943 г. (увеличение на 25%), строго соблюдая при этом необходимость выполнения п.12 этого приказа. Лиц, получающих больничное питание, в количестве, определенном лагерю, на работы не выводить. Допускалась при временном отсутствии того или иного вида продуктов их замена другими продуктами» [156, л. 95]. Через весь документ красной нитью проходила главная мысль - необходимость организовать лечебное, диетическое и разнообразное питание, «используя питание как решающий фактор восстановления контингента».

В связи с возросшими потребностями народного хозяйства страны в дешевой рабочей силе в директивах НКВД стало больше внимания уделяться проблемам улучшения питания, вопросам улучшения подготовки лагерей к зиме. Однако на практике вопросы улучшения снабжения лагерей отставали от директив аппарата. В течение всего 1943 г. уровень смертности в Пахта-Аральском лагере, который располагался в Южно - Казахстанской области, был очень высоким. По архивным данным, в октябре 1943 г. умерли 30 пленных, в

ноябре - 27, «за первую декаду декабря - 7 человек» [157, л. 120]. НКВД возложил персональную ответственность за состояние военнопленных на начальников лагерей. Как правило, по каждому отдельному случаю проводилось детальное разбирательство. Приказом НКВД СССР №001860 от 31 декабря 1943 г. был снят с должности начальник Пахта-Аральского лагеря НКВД для военнопленных №29 майор госбезопасности Духович. Из текста документа четко определяется причина увольнения: «Пахта-Аральский лагерь №29 для военнопленных, дислоцированный в удовлетворительных климатических условиях для содержания военнопленных итальянцев, на протяжении ряда месяцев дает ухудшение физического состояния контингента. Несмотря на достаточную помощь, оказываемую лагерю в обеспечении хозяйственным, медицинским имуществом, продовольствием и кадрами, а также конкретными указаниями на месте представителей НКВД СССР по организации лечебно-оздоровительных мероприятий, начальник лагеря майор госбезопасности Духович проявил безынициативность, нераспорядительность и неумение организовать и обеспечить санитарное благополучие лагеря» [88, с. 235].

Данный документ обозначил тенденцию ужесточения ответственности начальников лагерей за сохранение рабочей силы. Не случайно, в постановляющей части жестко дано указание: «Всем начальникам лагерей для военнопленных принять решительные меры к полному выполнению указаний НКВД СССР по лечебно-оздоровительным мероприятиям среди военнопленных». Начальников лагерей для военнопленных предупредили, что за непроведение оздоровительных и лечебно-профилактических мероприятий виновных будут привлекать к суровой ответственности.

Существенное влияние на результативность труда оказывало продовольственное обеспечение контингента лагерей. В апреле 1943 г. приказ НКВД СССР №00683 изменил нормы продовольственного снабжения для военнопленных. Начальникам лагерей было предложено ознакомить руководящий состав и обеспечить надлежащее усвоение указанных норм работниками снабжения лагерей, осуществляющих питание военнопленных; проводить разъяснительную работу среди военнопленных, доведя до их сведения нормы питания; установить контроль за правильным применением норм и доведением их до военнопленных. Кроме того, персональную ответственность за питание военнопленных в пределах установленных для них норм была возложена на начальников приемных пунктов, лагерей. Обращалось внимание на необходимость вести решительную борьбу со всякого рода злоупотреблениями, хищениями, использованием не по прямому назначению продовольственных фондов, привлекая виновных к суровой ответственности. Начальнику Управления военного снабжения НКВД СССР генерал-майору интендантской службы т. Вургафту было предложено обеспечить бесперебойное снабжение лагерей, приемных пунктов продовольствием в соответствии с существующими нормами.

Для улучшения питания использовались разные источники. 28 апреля 1944 г. издается распоряжение о сборе и заготовке в 1944 г. крапивы, щавеля,

лука, грибов, ягод. 11 мая 1944 г. УПВИ НКВД СССР потребовало максимально улучшить питание контингента военнопленных, выдавать горячее питание не менее трех раз в сутки и не допускать длительных перерывов в приеме пищи [158, л. 87].

Руководство НКВД и УПВИ было серьезно озабочено увеличением производительности труда, для чего необходимо было улучшить условия содержания военнопленных. Принимаемые меры дали возможность несколько улучшить показатели физического состояния плененных солдат противника. В то же время оставалось много проблем, что признавалось и руководством УПВИ. 21 июня 1944 г. на имя Л. Берии была подана докладная записка о существующих нормах питания и физическом состоянии военнопленных. В этом документе указывалось, что существующие нормы питания не в полной мере обеспечивают работоспособность контингента военнопленных и, как следствие, качество работы контингента не удовлетворяет потребности производства.

В документе подведены итоги трудового использования военнопленных за первый квартал и апрель 1944 г. Эти данные определяются следующими показателями: выход на производство составил 72,3% к трудовому фонду, средняя производительность труда - 98,6%. За апрель выходы на производство увеличились до 76,2% и средняя производительность труда повысилась до 107%. В документе предлагалось для увеличения количества работающих военнопленных и поднятия производительности их труда решить вопрос об улучшении питания военнопленных. Для создания стимула повышения производительности труда военнопленных установить дифференцированное питание в зависимости от производительности труда, по аналогии с ГУЛАГом НКВД СССР [158, л. 87].

Приведенные данные о выходе на работы и производительности труда не в полной мере соответствовали действительности. Из документов Пахта-Аральского лагеря можно сделать вывод, что военнопленные использовались на сельскохозяйственных работах в основном на хлопковых полях. «Из-за отсутствия в первое время квалифицированных работников производственного аппарата лагеря и опыта в вопросах организации трудоиспользования, а также руководящих указаний центра по этому вопросу производительность труда и заработок военнопленных в 1943-1944 гг. были очень низкими. Вывод на оплачиваемые работы составлял 39% от всего контингента лагеря. Среднедневная выработка на 1 отработанный человеко-день равнялась 3 р. 44 коп., а производительность труда в целом по лагерю составляла только 59,2%» [159, л. 9]. Данная ситуация с завышением показателей вообще типична для системы принудительного труда. Руководству постоянно направлялись сведения о высокой отдаче труда контингента лагерей. Это касалось не только лагерей системы УПВИ, но и всего ГУЛАГа в целом.

Спустя несколько месяцев вышло постановление ГКО от 14 октября 1944 г. об упорядочении трудового использования и повышении производительности труда военнопленных, в соответствии с которым НКВД СССР издало приказ №001282 от 18 октября 1944 г. Нормы продовольственного снабжения

военнопленных были изменены таким образом, чтобы военнопленные, выполняющие производственные задания, получали более калорийное питание.

На состояние здоровья военнопленных оказывало влияние и низкое качество медицинской помощи. Руководство НКВД вынуждено было обратить внимание на эту проблему. В марте 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2 ранга С.Н. Круглов утвердил Инструкцию о порядке содержания раненых и больных военнопленных в госпиталях Наркомздрава СССР и НКО. Данный документ опирался в общей части на Положение о военнопленных от 1 июля 1941 г., в частности, в нем запрещался прием больных и раненых военнопленных от частей Красной Армии в лагеря НКВД СССР. Для них создавалась сеть из госпиталей. Их емкость, количество, дислокация устанавливаются с учетом потребности в коечном фонде и в зависимости от маршрутов и путей эвакуации военнопленных по согласованию, и в соответствии с заявками Главсанупра Красной Армии, Наркомздрава СССР по делам о военнопленных и интернированных. Госпитали развертывались по типовым штатам, принятым в системе эвакогоспиталей НКО и Наркомздрава СССР, содержались за счет смет последних и действовали на основе утвержденного Положения об эвакогоспиталях Наркомздрава СССР и НКО. Лечебная работа в них, как утверждалось в документе, проводилась в соответствии с разработанными инструкциями [150, л. 292].

Для нас представляет интерес второй раздел документа «Содержание и режим военнопленных», в котором были систематизированы разрозненные документы и приняты общие регламентирующие установки. Важные, на наш взгляд, положения сводятся к следующему: питание раненых и больных военнопленных в госпиталях НКО и НКЗ СССР производилось по нормам, объявленным в распоряжении начальника штаба Главного управления тыла Красной Армии №24/1040307 от 12 декабря 1942 г. Продовольственные фонды этим госпиталям выделялись распоряжением Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии.

Режим, охрана, спецучет и оперативное обслуживание военнопленных в госпиталях осуществляется НКВД СССР. Госпиталям был придан от НКВД СССР дополнительный штат сотрудников во главе с заместителем начальника госпиталя по режиму и охране.

Оговаривалось, что последний в специальных вопросах своей работы подчинялся непосредственно начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных и в своей деятельности руководствовался инструкциями о порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД, объявленными в приказе НКВД СССР № 001067 от 7 августа 1941 г., а также распоряжениями и циркулярами Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных.

В материально-правовом отношении сотрудники аппарата госпиталей, приданного от НКВД СССР, приравнивались к соответствующим работникам системы лагерей Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

Оперативное обслуживание в госпиталях проводилось на основе специальной инструкции. Наружную охрану госпиталей несли части конвойных войск НКВД [150, л. 292-297].

16 марта 1943 г. директивой НКВД СССР № 120 были разработаны мероприятия, направленные на сохранение и улучшение физического состояния военнопленных, совершенствование санитарно-бытовых условий содержания военнопленных в лагерях. Документ направлялся Наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам лагерей военнопленных. Необходимость разработки спецмероприятий следовала из преамбулы документа. «Тяжелое физическое состояние большей части контингентов военнопленных, уже достаточно выраженное в момент их пленения, усугубляется в дальнейшем наличием в некоторых лагерях военнопленных нарушений директив НКВД СССР о содержании военнопленных и необеспечением надлежащих санитарно-бытовых условий для военнопленных» [160, л. 195].

Все эти нормативные документы послужили основой для развертывания госпиталей для военнопленных на территории Казахстана. 26 июля 1943 г. было принято постановление исполкома облсовета депутатов трудящихся и бюро Актюбинского обкома КП (б) Казахстана «О размещении в области эвакуогоспиталей № 1598 и № 3985 для военнопленных». В постановлении говорится: «Разместить эвакуогоспиталь для военнопленных № 1589 на 600 коек в гор. Челкаре в помещении бывшего эвакуогоспиталя № 3602 (школа, два здания интерната железной дороги, помещение конторы). Обязать заведующего облздраотделом тов. Тогузова срочно выехать в Челкар по вопросу размещения эвакуогоспиталя № 1598». Далее документом предусматривалось размещение госпиталя для военнопленных № 3985 на 400 коек на станции Кандагач. Начальником госпиталя был майор медицинской службы Назаров [161, л. 117]. Персонал госпиталей в этот период был недоукомплектован, на работу в качестве вспомогательного медицинского персонала привлекались местные жители, зачастую подростки, не имевшие опыта работы. Это обстоятельство было одним из факторов недостаточной медицинской помощи, отмечают в своих воспоминаниях некоторые бывшие военнопленные.

Улучшение санитарно-бытовых условий в лагерях УПВИ включало в себя: создание необходимых бытовых условий для содержания военнопленных в жилых помещениях лагерей; обустройство в кратчайшие сроки всех жилых помещений нарами для лежания, а также необходимым твердым и хозяйственным инвентарем (умывальники, столы, скамейки, бачки для воды и др.). Предложено было поддерживать в жилых помещениях для военнопленных температуру не ниже плюс 14 градусов по Цельсию, для чего необходимо было обеспечить все помещения печами и запасом топлива.

Было предложено провести комплекс мероприятий, касающихся улучшения санитарного состояния всех помещений, территорий лагерей и лагерных участков. Здесь главными моментами были: обеспечение лагерных участков банями, прачечными, дезокамерами с достаточной пропускной

способностью, которые следовало бесперебойно снабжать дровами и другими видами топлива, а также водой, мылом, дезосредствами.

С целью борьбы с вшивостью и предотвращения заболеваний сыпным тифом среди военнопленных ежедневно производился тщательный осмотр постельных принадлежностей, вещей, одежды, белья, обуви и волосистых частей тела военнопленных, находящихся в карантине. Один раз в пять дней производился осмотр не менее 50% военнопленных, размещенных в общих бараках. При обнаружении вшей военнопленных подвергали тщательной внеочередной санобработке. Комплексной санобработке подвергали не реже одного раза в декаду. Во время санобработки проводилась также обработка постельного белья и жилых помещений (бараки, землянки, палатки и т.д.).

Проводился активный систематический надзор за санитарным состоянием всех жилых, бытовых и пищевых объектов лагерей (бараков, кухонь, бань, прачечных, парикмахерских, складов и т.д.).

Организовывались профилактические мероприятия по предупреждению острых желудочно-кишечных заболеваний (брюшной тиф, дизентерия, паратифы, холера) и прочих инфекций. Учитывая приближение весенне-летнего периода, на эту работу обращалось особое внимание. Необходимо было навести санитарный порядок на территории лагеря военнопленных: производилось очищение от нечистот, не допускалось загрязнение водоемов, производилась заливка гашеной известью выгребных ям, мусорных ящиков и уборных [160, л. 195-198].

Анализ деятельности Пахта-Аральского лагеря показывает, что в основном требования, предъявляемые директивами НКВД по улучшению санитарно-бытовых условий на местах, выполнялись. Жилой и вспомогательный фонд лагеря составляли бараки и служебные помещения, которые были построены из саманного и каркасно-камышитового материала. По местным климатическим условиям этот тип сооружений считался вполне пригодным для жилья. В каждом бараке размещалось от 70 до 120 человек военнопленных из расчета 3 кв. метра жилой площади на человека. Бараки были оборудованы нарами, каждый военнопленный обеспечивался постельной принадлежностью. Во всех лагерных отделениях имелись банно-прачечные блоки с пропускной способностью 25 чел. в час и примитивные жаровые дезокамеры на 25 комплектов обмундирования [162, л. 7,8].

В целях своевременного оказания лечебной помощи всем больным и заболевшим военнопленным было предложено: в первую очередь, расширить коечный фонд лечебных учреждений лагерей для военнопленных с расчетом полного обеспечения госпитализацией всех нуждающихся в стационарном лечении; снабдить лечебные учреждения лагерей военнопленных в полной мере соответствующими медикаментами, медицинским инструментарием и медоборудованием, а также необходимым мягким и жестким инвентарем. Далее следовало повысить качество оказываемой амбулаторной медпомощи; принять меры к своевременному выявлению дистрофиков и больных начальной формой пеллагры, безотлагательно направляя их на стационарное лечение.

Для лучшего медицинского обслуживания больных военнопленных был поднят вопрос перед местными органами здравоохранения о помещении их в госпитали Наркомздрава и НКО, расположенные в районе лагеря военнопленных.

Предполагалось выделить для ослабленного контингента военнопленных, не нуждающихся в госпитализации, специальные бараки, создав в них полустационарный режим, обеспечив систематическое медицинское наблюдение и питание по больничным нормам. Уделялось особое внимание вопросам питания военнопленных: горячая пища выдавалась всему контингенту военнопленных 3 раза в сутки. Кухни требовалось привести в надлежащее рабочее состояние и развернуть их пропускную способность в соответствии с количеством питающихся. Обеспечить контроль за работой кухонь и качеством приготовления пищи, строго следя за выдачей питания военнопленным по утвержденным нормам. Обеспечить столовые необходимым хозяйственным инвентарем (ложки, миски, посуда). В связи с наличием среди военнопленных большого количества авитаминозных больных обеспечить специальное питание больных в лазаретах, строго соблюдая установленные пеллагрозные суточные нормы питания для военнопленных.

При открытии новых лагерей военнопленных разрешалось размещать в них только при полной готовности помещений, внутреннего их оборудования, наличия санитарного и пищевого блоков, обеспеченности необходимым запасом продовольствия. Без наличия указанного минимума условий военнопленных в лагере не размещали. После прибытия в лагерь военнопленных устанавливался трехнедельный карантин, в течение которого запрещался вывод военнопленных на работу. Карантинный период использовался для комиссования военнопленных, размещения их и обустройства лагеря.

Использование военнопленных на физической работе допускалось только в строгом соответствии с их физическим состоянием. Запрещалось использовать военнопленных, годных к легкому и среднему физическому труду, на тяжелых физических работах. Запрещалось начальникам лагерей выводить военнопленных на работы без санкции санитарных отделов лагерей. Необходимо было обеспечить военнопленных тремя выходными днями в месяц, запретив в дни отдыха использовать их на каких-либо работах, в том числе и по хозяйственной службе самих лагерей. Предусматривалось обеспечивать военнопленным обязательный 8-часовой непрерывный отдых для сна, устранив для этого все излишние дальние переходы к месту их работы, а также более четко организовать выдачу пищи, ускорив утренний развод и вечернюю поверку. «НКВД СССР обязывает наркомов внутренних дел республик, начальников УНКВД краев и областей и начальников лагерей военнопленных безотлагательно, в кратчайший срок мобилизовав внутренние ресурсы и местные возможности, провести все необходимые мероприятия по упорядочению санитарно-бытовых условий содержания военнопленных в лагере и улучшению их физического состояния» [160, л. 195-198].

Принимаемые меры позволили в 1943 г. снизить показатели смертности. С апреля 1943 г. в лагерях стали организовываться оздоровительные команды, в которых устанавливался полугоспитальный режим и осуществлялось усиленное питание. Подобные действия руководства УПВИ были не случайны. С одной стороны, как уже отмечалось, была острая ситуация, связанная с необходимостью применения труда военнопленных, с другой, из-за проблем с физическим состоянием контингента эта ситуация практически не сдвигалась с места, несмотря на предпринимаемые меры. Данное наше утверждение основывается на анализе характера заболеваемости военнопленных. И хотя мы располагаем данными по заболеваемости лишь по системе лагерей в целом без указания отдельных данных по республике, тем не менее, они позволяют нарисовать динамику заболеваемости среди военнопленных армии противника. Если в 1943 г. численность больных составила 6,1% от общей численности военнопленных, то в 1944 г. таковых было 14,1%. Из этих же данных следует, что в 1944 году 58,2% больных имели диагноз «дистрофия» [141, л. 13], т.е. патология, возникающая в тканях и органах в связи с нарушением обмена веществ и приводящая к определенным структурным изменениям.

Для полноты картины отметим, что основной контингент военнопленных в 1943 г. составляли военнослужащие немецких, румынских, итальянских и венгерских частей, плененных под Сталинградом и Воронежем. Около 40-50% из них нуждались в немедленных лечебно-оздоровительных мероприятиях. Контингент военнопленных в 1944 г. составляли военнопленные немцы и румыны, плененные в результате окружения и разгрома Кишиневско-Ясской группировки противника. Физическое состояние их было плохим: 9% из них нуждались в немедленной госпитализации, 35% были истощены [163, л. 120].

В последующем УПВИ НКВД потребовало максимально улучшить питание военнопленных, выдавать горячее питание не менее трех раз в сутки и не допускать длительных перерывов в приеме пищи [158, л. 87].

В Пахта-Аральском лагере помимо нормированного продовольствия, которым обеспечивался лагерь, производилась заготовка дикорастущей зелени. Было собрано 28,8 тонн щавеля и 230 кг грибов. В 1943 году на площади 20 га было организовано подсобное хозяйство, где выращивались бахчевые и огородные культуры (арбузы, дыни и др.) для дополнительного питания контингента. В дальнейшем на развитие подсобного хозяйства, послужившего серьезной дополнительной базой в снабжении контингента овощами и продукцией животноводства, было обращено больше внимания: посевная площадь была расширена в 1946 г. до 153 га. Все земли хозяйства были поливными. С указанной посевной площади собрано и сдано: картофеля - 1503 ц, овощей и бахчевых - 14687 ц, кукурузы и риса - 1411 ц. Учитывая просьбы военнопленных, в частности итальянцев, для приготовления национальных блюд в пищу употреблялись черепахи и лягушки. Было заготовлено: черепах - 10,6 тонн, лягушек - около 1000 кг. Использование в пищу черепах и лягушек значительно сократило расходы лагеря на плановое продовольствие [162, л. 7,8]. Анализ документов показывает, что принимаемые меры несколько улучшили физическое состояние солдат противника, но, по признанию

руководства УПВИ, не решали вопроса о работоспособности всего контингента военнопленных.

Лагеря для военнопленных изначально создавались как производственные, поэтому все зоны лагерных отделений организовывались на базе помещений, предоставляемых предприятиями и организациями, за которыми закреплялись военнопленные как рабочая сила. Хозяйственные организации оказались не готовы к приему и размещению массового поступления пленных на территорию республики. Поэтому иногда зоны строились и укомплектовывались оборудованием в крайней спешке. Жилые помещения для военнопленных и зачастую для персонала не соответствовали установленным санитарным нормам. Часто бывало, что лагерное отделение представляло собой территорию, наспех огражденную колючей проволокой, на которой разбивались палаточные городки. Имелись отделения, где военнопленные размещались в землянках и полуземлянках. Безусловно, в некоторых лагерях о соблюдении элементарных санитарных норм не могло быть и речи.

Увеличение количества пленных в 1944 г. заставило НКВД СССР подумать о строительстве новых лагерей и расширении существующих. Приказом НКВД от 28 июля 1944 г. №0156 предписывалось расширить сеть лагерей для использования военнопленных на строительстве и производстве. К 1 сентября 1944 г. было дано указание организовать лагерь №222 при Актюбкомбинате. Численность контингента лагеря определялась в 2500 человек [165, л. 125].

Увеличение количества пленных потребовало от НКВД активизации агентурно-оперативной работы. В лагерях создавались оперотделы с привлечением в них опытных работников и переводчиков. В их функции входило выявление и привлечение к уголовной ответственности военных преступников.

Практика массового выявления военных преступников органами НКВД беспрецедентна в истории. Расследование по их делам велось на основе предположения, что среди наличного контингента военнопленных обязательно находится значительное количество участников преступных действий. Выявлялось, что они совершили лично, добывались от них показания об известных им преступных действиях и причастности к ним других лиц [166, с. 148]. Данные действия были необходимы для «фильтрации» военнопленных и выделения из общей массы реальных военных преступников, непримиримых врагов Советского Союза. 9 сентября 1944 г. издан приказ НКВД СССР №001130 «О содержании особых категорий военнопленных в лагерях НКВД №99 и 171». Этим приказом для содержания особых категорий военнопленных выделялись лаготделения №3 и №9 Карагандинского лагеря №99. Режимные лагеря предназначались для содержания участников злодеяний и зверств над гражданами СССР, «активных фашистов и сотрудников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника, а также военнопленных, совершивших побег или проявляющих активные стремления к организации побегов». Этим же приказом было утверждено Положение о

режимных лагерях НКВД для военнопленных, в котором определялись порядок направления военнопленных в особый лагерь, условия их содержания и трудового использования, обязанности и права военнопленных, меры взыскания, которые можно было применять по отношению к ним. Трудовое использование контингента режимных лагерей имело свои особенности. Объекты, на которых они работали, должны были отвечать следующим основным требованиям: а) полная изоляция военнопленных во время работ от окружающего населения; б) максимальная близость их к лагерю; в) возможность надежной охраны военнопленных на работах; г) возможность наиболее эффективного использования военнопленных. Продолжительность рабочего дня для военнопленных устанавливается 12 час. в сутки. Что касается режима содержания лагерей, то он был более жестким, чем в обычном лагере военнопленных [167, л. 153-165]. Еще одна особенность режимных лагерей - постоянная передислокация их на новые места.

Среди военнопленных, привлекаемых к ответственности за военные преступления, попадались особые случаи. Еще в апреле 1943 г. Верховный Совет СССР объявил, что в городах и селах, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков, обнаружены факты неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками родины из числа советских граждан. В порядке возмездия, помимо публичной смертной казни через повешение, была установлена ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет (на практике - даже до 25 лет). Для этого в трех самых суровых северных лагерях: Воркутлаге, Норильлаге и Севвостлаге были созданы отделения каторжных работ [168, с. 409]. На территории Казахстана военнопленных - каторжан не было.

К началу 1945 г. число военнопленных, используемых на производственных работах, существенно увеличивается, однако, это происходит не благодаря улучшению их физического состояния, а за счет притока новых попавших в плен военнослужащих вражеских армий. По состоянию на 5 декабря 1944г. из общего числа военнопленных (680921 чел.), находящихся в СССР, для работ на предприятиях различных наркоматов было выделено 435388 чел., остальные 245533 чел. - больные, резко ослабленные и инвалиды [88, с. 592].

С апреля 1943 г. по декабрь 1944 г. началось планомерное использование труда военнопленных. Перелом в ходе войны позволил принять меры для улучшения содержания пленных. Руководство НКВД приложило значительные усилия для улучшения питания, медицинского обслуживания, улучшило санитарно-бытовые условия для военнопленных. Труд вражеских солдат стал использоваться более массово, но по-прежнему оставался малоэффективным. Связано это было с отсутствием опыта организации труда военнопленных, постоянным расширением лагерей и неудовлетворительным физическим состоянием контингента.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В КАЗАХСТАНЕ

2.1 Труд военнопленных в производственных лагерях Казахстана в послевоенный период

В связи с активным наступлением частей Красной Армии в начале 1945 г. численность военнопленных продолжала увеличиваться и, соответственно, росло количество лагерей для военнопленных. По состоянию на 1 января 1945 г. по стране насчитывалось 156 лагерей [88, с. 1039].

В целях улучшения руководства работой лагерей приказом НКВД СССР №0014 от 11 января 1945г. УПВИ было реорганизовано в Главное управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Этим же приказом было утверждено создание в составе НКВД Украинской и Белорусской ССР управлений по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), а в составе других республик, УНКВД краев и областей - отделов или отделений [169, л. 41-42].

В связи с увеличением количества пленных руководством ГУПВИ в начале 1945 г. поставлены были следующие задачи: 1) расширение фронтальной сети лагерей для военнопленных, увеличение количества тыловых лагерей и доведение их емкости до организации нормального размещения и содержания военнопленных; 2) принятие мер по упорядочиванию перемещения пленных с фронтов и реорганизация фронтальной сети в связи с отправкой военнопленных в тыловые лагеря, с учетом изменений в дислокации войск Красной Армии в Европе.

С притоком большого количества солдат противника, попавших в плен на западном направлении в январе-феврале 1945 г., было принято решение о создании 10 фронтальных лагерей на территории Польши, Венгрии, Румынии. Общая вместимость этих лагерей составляла около 150000 человек.

Вопрос перемещения военнопленных с фронтов в это время стоял очень остро из-за систематического недостатка железнодорожного транспорта и ежедневно увеличивающегося количества пленных солдат противника. Для организации их вывоза с фронтов и оказания помощи фронтальным отделам НКВД по сохранению физического состояния контингента в феврале 1945 г. на все фронты были направлены специальные уполномоченные от ГУПВИ. Категорически запрещалась отправка в тыловые лагеря больных, ослабленных, не имеющих необходимого обмундирования, и в не оборудованных для этих целей вагонах. В результате за три весенних месяца 1945 г. с фронтов было вывезено свыше полумиллиона военнопленных армий противника.

После капитуляции Германии фронтальные органы ГУПВИ в кратчайшие сроки приняли и переместили в тыловые лагеря огромное количество военнопленных. В течение одного месяца после завершения боевых действий фронтальными лагерями, сборными и приемными пунктами было принято около 1,5 миллиона человек.

По мере вывоза военнопленных в тыловые лагеря их количество во фронтовой сети стало резко сокращаться. Фронтовые лагеря и сборные пункты стали передислоцироваться в СССР. В каждой группе войск оставляли по одному лагерю, сборному пункту и спецгоспиталю на время передачи на родину освобожденных военнопленных, прибывающих из тыловых лагерей. В течение второй половины 1945 г. было расформировано и отправлено в Советский Союз на укомплектование тыловых лагерей 22 ФППЛ, 38 СПВ, 62 ППВ. Задачи, возложенные на фронтовые учреждения, были выполнены, в связи с чем фронтовой отдел ГУПВИ в конце 1945 г. был ликвидирован.

В связи с массовым поступлением военнопленных после капитуляции Германии, а позднее и Японии, в течение 1945 г. были организованы 222 лагеря и в их составе 2713 лагерных отделений. За это же время были расформированы 99 лагерей и 1080 лагерных отделений, как не отвечающих своему назначению. На 1 января 1946 г. ГУПВИ МВД СССР имело в своей структуре 267 лагерей для военнопленных (11 - для офицеров, 199 - для военнопленных западных армий, 49 - для военнопленных японской армии, 8 - смешанных) и 6 оперативных объектов. К этому времени в СССР находилось 1651036 военнопленных-европейцев из них 1103233 немца, 233851 венгр, 68616 австрийцев, 52491 румын и др. [170, л. 250-252].

Из числа взятых в плен военнослужащих японской армии на территорию СССР было вывезено около 500 тыс. человек [171, л. 286].

Согласно шифровке Генштаба Красной армии от 1 сентября 1945 г., японские военнопленные направлялись на работу: «В Казахскую ССР - 50 тыс. чел., в том числе: в Карагандинскую обл. на строительство Казахского металлургического завода, машиностроительного завода, для Акчатууского вольфрамового комбината - 10 тыс. чел., для «Карагандауголь» - 10 тыс. чел., наркомцветмет - в Джеказган - 3 тыс. чел.; наркомстрой и наркомцвет - в Восточно-Казахстанскую обл. - для работ по Ридеру, Усть-Каменогорскому и Зарянскому свинцовому управлению - 15 тыс. чел., в Южно-Казахстанскую обл. - наркомцветмет для «Ачисвиполиметалл» - 3 тыс. чел., в Джамбульскую обл. НКПС, на Карагандинскую железную дорогу - 9 тыс. чел.» [172, с. 51].

По данным, приводимым А. Алданазаровым, в Казахстане были размещены 58900 интернированных японцев, из них 1394 человека погибли на территории республики, так и не сумев вернуться на родину [28].

В течение всего 1945 г. военнопленные поступали в лагеря на территории страны. Необходимо отметить, что среди них было достаточно большое количество морально и физически истощенных людей. НКВД СССР, с марта 1946 г. он стал называться МВД СССР, уделял пристальное внимание поддержанию работоспособности военнопленных. Помимо стремления сохранить видимость гуманного обращения к побежденным, имелся элемент объективной целесообразности сохранения рабочей силы для использования в системе принудительного труда. Комплекс мер, включавший в себя создание нормальных условий размещения, организации питания, упорядочивания нормативной базы применительно к условиям мирного времени, позволил с момента окончания боевых действий направить массу военнопленных на

использование в народном хозяйстве страны.

Для систематизации применения военнопленных на объектах других ведомств и извлечения прибыли от лагерей была разослана совместная директива ГУПВИ НКВД, ЦФО НКВД и Промбанка №28/56 «О расчетах лагерей для военнопленных за предоставляемую стройкам других ведомств рабочую силу». В этом документе закреплялось понятие типового договора ГУПВИ НКВД СССР на контрагентские работы, утвержденного приказом НКВД СССР №00675 от 6 апреля 1943 г. Согласно тексту, основными принципами контрагентского договора являются выплата лагерю-поставщику рабочей силы зарплаты за работы, выполненные лагерной рабочей силой, строго по действующим в момент производства работ нормам и расценкам, с применением установленных для данного строительства льготных коэффициентов и надбавок. Таким образом, лагерь получает от строительства столько же, сколько было бы выплачено зарплаты вольнонаемным рабочим, если бы эту работу выполнили последние [173, л. 28 об.-30 об.].

29 сентября 1945 г. НКВД СССР ввел в действие «Положение о трудовом использовании военнопленных» - основной нормативный документ в этой области, в котором был обобщен весь предыдущий опыт ГУПВИ НКВД СССР по руководству трудовыми процессами в лагерях для военнопленных. Положение состояло из трех разделов. Первый содержал Инструкцию по трудовому использованию военнопленных, которая определяла порядок распределения военнопленных на работы, режим рабочего времени, организацию труда, денежное вознаграждение и другие меры поощрения, а также меры наказания военнопленных.

Во втором разделе, содержащем Инструкцию о работе производственно-плановых отделов (ППО) лагерей НКВД для военнопленных, определялись задачи и функции ППО, обязанности их сотрудников.

В третьем разделе содержалась Инструкция о взаимоотношениях между лагерем и хозорганом на контрагентских договорных работах, в которой определялся порядок расстановки рабочей силы и производства работ, меры по поднятию производительности труда, соблюдению техники безопасности, учету выполненных работ и т.п. В соответствии с этим документом работники лагерей должны были организовывать трудовые процессы огромного числа военнопленных.

После утверждения Положения о трудовом использовании военнопленных у последних появилась заинтересованность в получении денежного вознаграждения, так как военнопленные получили возможность в ларьковой сети лагерей (там, где они были) приобретать на заработанные деньги продукты питания и промышленные товары. У многих работающих денежное вознаграждение достигало максимума (200 руб. - на тяжелых работах, 150 руб. - на других, в угольной промышленности - без ограничения), что позволяло военнопленным покупать продукты и значительно улучшать рацион питания.

Таким образом, после принятия этих двух важных документов ГУПВИ НКВД/МВД СССР превратился в самого крупного на тот момент поставщика

рабочей силы для объектов народного хозяйства СССР.

К началу 1946 г. в системе принудительного труда на территории Советского Союза на работах в ведущих отраслях экономики страны использовался труд около 1 миллиона 500 тысяч военнопленных немецкой армии. Эти данные содержатся в справке о численности военнопленных и их распределении по наркоматам для трудового использования, датированной 18 декабря 1945 г. Больше всего военнопленных работало на объектах НКВД – около 245 тысяч человек. На стройках Наркомстроя было задействовано свыше 113 тысяч военнопленных. На объектах НКПС - около 95 тысяч человек. Более 59 тысяч военнопленных немецкой армии трудились на строительстве объектов Наркомата жилгражданстроя и около 58 тысяч - в сфере Наркомата электростанций [174, л. 152-153].

После реорганизации народных комиссариатов в министерства труд военнопленных применялся, в основном, по решению Совета Министров СССР. Главная сфера применения принудительного труда военнопленных - крупные промышленные объекты и стройки. Специфической особенностью массового использования военнопленных стало их применение при производстве различных видов работ, не требующих какой-либо квалификации. Для руководства лагеря и хозяйствующего субъекта было абсолютно неважно, какими профессиональными навыками обладал каждый отдельный человек, «вмонтированный» в систему принудительного труда. Для администрации каждый военнопленный был лишь винтиком в сложном механизме восстановления экономики страны.

В целом по стране военнопленные работали практически во всех отраслях народного хозяйства. Большое количество их работало на предприятиях угольной промышленности страны - на добыче угля, строительстве и восстановлении шахт, в том числе и на территории Казахской ССР. Большой вклад внесли военнопленные в строительство новых и восстановление разрушенных войной предприятий тяжелой индустрии. Среди них Сталинградский, Харьковский и Владимирский тракторные заводы, Челябинский, Магнитогорский, Закавказский металлургические комбинаты. На территории нашей республики - Казахский металлургический комбинат в Карагандинской области, Дзержинский металлургический завод, Усть-Каменогорский цинковый завод и др.

Военнопленные японской армии принимали активное участие в строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В западных районах страны немецкие военнопленные работали на восстановлении и строительстве асфальтобетонных и железнодорожных магистралей.

Существенный вклад был внесен военнопленными в процессе восстановления, строительства и ввода в эксплуатацию гидроэлектростанций и объектов энергетики на территории Советского Союза, в том числе Днепрогэса, Дзауджикауской ГЭС, Фархадской ГЭС на территории Узбекской ССР, Астраханской ГРЭС, Усть-Каменогорской ГЭС, Кураховской ГЭС и других. Доля военнопленных на строительстве ГЭС, гидроузлов и других объектов энергетической отрасли достигала от 40 до 90% от общего количества всех

рабочих этих строек.

Восстановление разрушенного войной жилого фонда было также одним из направлений работы военнопленных. В 1946 г. на этих объектах трудились около 45 тысяч военнопленных. Они приняли участие в восстановлении городов Севастополь, Киев, Сталинград, Минск, Орел, Воронеж, Новгород и многих других. Кроме того, военнопленные строили жилье и социально-культурные объекты в других регионах страны, не затронутых войной: Свердловске, Иркутске, Хабаровске, Челябинске, Гурьеве, Караганде, Алма-Ате, Джезказгане, Ташкенте и др.

К весне 1947 г. военнопленные в общем балансе рабочей силы ведущих хозяйственных министерств, по данным ГУПВИ МВД СССР, занимали значительное место: на строительстве в Министерстве авиационной промышленности - 31% от общего количества рабочих, по Министерству строительства топливных предприятий - 27,7%, Министерству целлюлозно-бумажной промышленности - 27,2%, Министерству промышленности строительных материалов - 24,1%, Министерству строительства предприятий тяжелой индустрии - 20,1%, Министерству электростанций - 16,8%, Министерству цветной металлургии - 15,9%, министерствам угольной промышленности восточных районов - 12,1% и западных - 8,0%. Применительно к предприятиям на территории Казахстана: на предприятиях Казмедьстроя - 38,6%, на объектах Карагандауголь - 24,1% [175, л. 183-184].

Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. стоила СССР огромных демографических потерь - 26,6 млн. человек [176, с. 41]. Безвозвратные демографические потери Вооруженных Сил СССР составили 10,9 млн. человек. Кроме того, до 2 млн. советских военнослужащих к концу войны находились во вражеском плену [177, с. 7]. Согласно расчетам М.Н. Спиридонова, безвозвратные потери гражданского населения достигали 15 млн. человек, из них потери трудоспособного населения (мужчин и женщин в возрасте от 15 до 49 лет) составили приблизительно 7,7 млн. человек или 51% [178, с. 14]. Таким образом, учитывая потери Красной Армии и трудоспособного гражданского населения, убыль рабочих рук за период войны превысила 20 млн. человек. Кроме того, следует учесть, что к концу войны в рядах Красной Армии состояло около 11 млн. человек и еще 1,05 млн. находились на излечении в госпиталях.

Казахстан в этом ряду не стал исключением. По данным академика М.К. Козыбаева, в ряды сражавшейся армии в годы войны влились 1196164 казахстанца, на фронт ушел каждый пятый казахстанец [6, с. 169]. С учетом призванных в предвоенные годы их было 1 миллион 366 тысяч человек [179, с. 282-283]. По последним уточненным данным, приводимым П.С. Беланом, по Казахстану безвозвратные потери в войне составили 602 тыс. 939 человек [180]. Безвозвратные потери военнослужащих-казахов составляют около 125,5 тысяч человек, 1,44% от общего числа потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне [181, с. 79]. Учитывая огромные потери Советского Союза в войне и необходимость реализации важной задачи восстановления экономики, использование труда военнопленных и интернированных в

сложившихся условиях было оправданным.

Спецификой Казахской ССР являлось то, что во время войны промышленное развитие республики не только не приостановилось, а наоборот, непрерывно расширилось. В отличие от промышленности некоторых республик Союза, которым требовался восстановительный период, индустрия Казахстана не нуждалась в нем. Эвакуированные предприятия и собственная промышленная база, созданная в период индустриализации 1920-1930-х гг., составили во время войны один из самых мощных арсеналов фронта [182, с. 67]. Строительство новых предприятий промышленности активизировалось после окончания боевых действий. Ряд предприятий республики был построен в результате перемещения промышленных объектов в счет репараций из Германии. Так, например, в Кустанай было передано оборудование из г. Пирн, которое послужило основой для строительства завода № 514 для выпуска продукции медно-аммиачного шелка с годовой мощностью 2300 тонн [183, л. 3]. Позже это предприятие стало флагманом химической промышленности СССР и было переименовано в Кустанайский завод химволокна.

Экономика страны серьезно пострадала в годы войны. Восстановление народного хозяйства требовало привлечения людских резервов во все отрасли экономики. Самый острый вопрос при строительстве новых предприятий и расширении существующих - это вопрос обеспеченности рабочей силой. Многие промышленные объекты не были введены в эксплуатацию в установленные сроки. Это было связано, конечно, с переориентацией всей экономики на военный лад в первые годы войны, расширением и строительством предприятий, имевших непосредственное отношение к фронту. Однако немаловажное значение имело и то обстоятельство, что замещение рабочей силы в годы войны происходило за счет женщин, подростков и пожилых людей. Недостаток рабочей силы - вот один из факторов, влиявших на уровень производства в стране.

Анализируя документы этого периода, мы можем сделать вывод, что ввод в эксплуатацию объектов промышленности срывался и в Казахстане. Например, срывался срок строительства Усть-Каменогорской гидроэлектростанции. Это обстоятельство стало предметом обсуждения на бюро Восточно-Казахстанского обкома КП(б) 17 июля 1946 г. Вопрос стоял о выполнении плана строительства цинкового завода №10 Министерства цветной металлургии СССР. Строительство было начато в 1942 г., в 1946 г. еще не была сдана первая очередь. В докладе начальника СМУ №3 Глезера Г.М. на бюро говорится: «О выполнении плана строительных работ. Недовыполнение плана можно объяснить недостаточной обеспеченностью рабочей силой» [184, л. 134-134 об.]. Такое положение складывалось на большинстве предприятий республики.

В ходе войны и в результате капитуляции вермахта в 1945 г. на западных фронтах были взяты в плен около 5 млн. человек. Из них в лагерях УПВИ НКВД СССР к концу войны в Европе было учтено около 3 млн. Даже если предположить, что большая часть этого контингента была вовлечена в производственный труд (а это было далеко не так: в 1945-1947 гг. в

производственной работе, включая хозяйственные и внутрилагерные, участвовало не более 60-70% от списочного состава военнопленных, а непосредственно на производстве в различных отраслях экономики - менее 50 %), то военнопленные составили 2,2% от общего числа трудовых ресурсов страны. После разгрома японской Квантунской армии на Дальнем Востоке и переброски на территорию СССР более 530 тыс. военнопленных японцев и 24,3 тыс. китайцев, корейцев и монголов, суммарная прибавка к трудовому ресурсу страны за счет военнопленных возросла до 2,5% [178].

В отчетных документах ГУПВИ отмечалось: «Массовое пленение сопровождалось большими трудностями в смысле размещения и обеспечения их во фронтовом районе, а также своевременного вывоза в тыловые лагеря из-за нехватки подвижного состава. Все это не могло не отразиться на физическом состоянии поступавших в тыловые лагеря новых пополнений военнопленных» [89, с. 399]. Учитывая особенность рассматриваемого периода и ту роль, которая отводилась военнопленным, становится понятной озабоченность ГУПВИ НКВД СССР состоянием военнопленных. 19 января 1945 г. была обнародована директива №25/13 «О постановке лечебного дела в медицинских учреждениях лагерей для военнопленных». В ней говорилось: «Материалы обследований лагерей, месячные медико-санитарные отчеты, анализ историй болезни показывают, что постановка лечебного дела в лечебных учреждениях лагерей, их обустроенность и оснащенность резко отстают от требований и задач по обеспечению больных военнопленных своевременной квалифицированной лечебной помощью и соответствующим уходом за ними. Санитарные службы лагерей не уделяют необходимого внимания вопросам организации лечебного процесса и ухода за больными, не используют доступные средства диагностики, не внедряют в повседневную практику новые методы лечения, не следят за экономным и, вместе с тем, эффективным применением медикаментозных средств» [185, л. 19 об.].

Управление неустраивало то, что под лечебные учреждения отводили малопригодные для этой цели помещения. Лазареты и амбулатории не были оборудованы твердым и мягким инвентарем, испытывали недостаток в топливе, а в палатах было холодно, сыро и неуютно.

Лазареты были плохо обеспечены постельными принадлежностями и нательным бельем; в отдельных лазаретах имело место совершенно недопустимое положение, когда больные лежали в своей одежде на голых нарах. Зачастую лазаретные больные оставались на ночь без освещения и должного ухода. Из-за плохой санобработки оставалась проблемы вшивости среди больных. Факты плохой организации питания больных из-за перебоев и отсутствия диетических продуктов, вследствие нераспорядительности руководства лагерей и в особенности хозяйственного аппарата, Управление также считало недопустимым. Проведенный анализ привел УПВИ к выдвижению требований, которые могли бы исправить ситуацию: «Разместить лечебные учреждения в лучших благоустроенных помещениях, соответственно оборудованных твердым инвентарем. Лазаретных больных разместить на индивидуальных койках или топчанах. Лечебные учреждения бесперебойно

обеспечивать топливом, постоянно поддерживая температуру тепла 18-20°С» [185, л. 20 об.-21].

Руководство НКВД распорядилось до 15 апреля 1945 г. выделить во всех лагерях НКВД для военнопленных благоустроенные лагерные отделения, на базе которых планировалось организовать оздоровительные отделения, куда следовало разместить всех ослабленных военнопленных. Их количество устанавливалось в зависимости от наличия ослабленных военнопленных.

В данных подразделениях (отделениях) должны были содержаться только ослабленные военнопленные. Их целью являлось восстановление физического состояния и трудоспособности ослабленных военнопленных, прибывающих в лагерь с фронтов, из спецгоспиталей, а также ослабленных на производстве и после перенесенных заболеваний [127, с. 164-168].

19 мая 1945 г. был принят приказ НКВД № 00540 об изменении норм продовольственного снабжения военнопленных. Нормы питания были распределены на пять категорий. Норма питания №1 - для военнопленных рядового и младшего офицерского составов. Норма питания №2 - для больных дистрофией. Норма №3 - для общегоспитальных больных. Норма №4 - для военнопленных генералов. Норма №5 - для военнопленных офицерского состава. Нормы питания для офицеров и рядового состава были различны. Офицерскому составу военнопленных выделялись даже папиросы в количестве 3-х пачек в месяц. Для рядового и младшего офицерского состава предусматривалось выделение 600 граммов хлеба в сутки, круп разных - 90 грамм, мяса - 30 грамм, рыбы - 100 грамм, сахара - 17 грамм в сутки и т.д. Для военнопленных, занятых на тяжелых физических работах у хозорганов и в лагерях, норма сахара, жиров, картофеля и овощей увеличилась на 25%. Хлеб выдавался в зависимости от выполнения норм: чем выше норма выработки, тем больше хлеба. Для вырабатывающих до 50% установленной для военнопленных нормы - 650 грамм, для вырабатывающих от 101% и выше установленной для военнопленных нормы - 800 грамм [88, с. 380-385]. По оценке исследователей, нормы питания военнопленных превышали по совокупности рацион питания гражданского населения страны.

12 ноября 1945 г. с грифом «совершенно секретно» издается директива НКВД СССР №196 «О создании в лагерях НКВД для военнопленных японцев надлежащих условий быта, питания, медобслуживания и правильного трудоустройства», в которой говорилось, что «прибывшим военнопленным японцам должны быть созданы в лагерях надлежащие условия быта, питания, медицинского обслуживания и правильного трудоустройства. Быстрое и качественное оборудование жилого фонда лагерей приобретает особое значение в связи с наступлением зимнего периода. В общежитиях должно быть чисто, уютно, тепло. При организации питания необходимо было включение в меню приготовление национальных блюд и обеспечение доведения положенных норм питания до каждого военнопленного. Наличие в отдельных лагерях заболеваний «бери-бери», а также рассеянных случаев сыпного и брюшного тифа требует четкой организации лечебно-оздоровительных и противоэпидемических мероприятий. Вся работа лагерей подчините быстрому

разрешению этих основных задач, что должно обеспечить сохранение физического состояния военнопленных, недопущение заболеваемости и смертности среди них. Предупреждаю о Вашей персональной ответственности за состояние лагерей» [186, л. 342].

Пытаясь разобраться в озабоченности органов НКВД часто встречающейся ссылкой на болезнь «бери-бери», мы сочли необходимым выяснить ее причины. Как следует из медицинских справочников, недостаток витаминов приводит к развитию гиповитаминоза, проявляющегося в виде заболевания «бери-бери». Признаки, характеризующие это заболевание: поражение кожи, желудочно-кишечного тракта и нервной системы [187]. Таким образом, речь в документе шла о недопущении болезней витаминной недостаточности. В то же время это не было неожиданностью для лагерей. В свое время была даже издана инструкция, рассказывающая персоналу лагерей о принципах борьбы с заболеваниями витаминной недостаточности. Распоряжение НКВД СССР №133 от 21 июня 1945 г. разъясняло: «Витамины имеют большое значение для сохранения здоровья, трудоспособности человека. Отсутствие или недостаточное поступление в организм витаминов влечет за собой заболевания и понижение трудоспособности. Трудность сохранения свежих овощей на период от одного до следующего урожая, снижение в них количества витамина в процессе длительного хранения, а также возможные перебои в снабжении овощами требуют, чтобы в конце зимы и до нового урожая овощей витамины поступали в пищу за счет других источников. С начала весны и вплоть до массового поступления свежих овощей нового урожая необходимые организму витамины С и каротин должны быть обеспечены широким использованием дикорастущих съедобных растений. Недооценка значения дикорастущих растений в питании, недостаточные знания о них у продовольственных и медицинских работников приводят к малому использованию этих ценных естественных пищевых ресурсов [127, с. 202-204].

Сложным временем года для военнопленных оставалась зима. Использование труда военнопленных на объектах народного хозяйства осложнялось плохим физическим состоянием контингента. Озабоченное этой ситуацией руководство НКВД СССР 27 ноября 1945 г. было вынуждено принять специальную директиву «О мероприятиях по улучшению использования труда военнопленных и сохранению их физического состояния в зимних условиях на стройках, предприятиях и лагерях НКВД». Директива направлялась непосредственно исполнителям - начальникам управлений лагерей НКВД для военнопленных. В ней утверждалось: «В связи с наступлением зимнего периода, а также учитывая задачи сохранения физического состояния военнопленных японцев и недопущения среди них смертности, НКВД СССР требует от Вас выполнения следующих неперенных условий размещения и содержания военнопленных японцев» [186, л. 350].

Принципиально ничего нового в документе не было. Мероприятия по обеспечению сохранности рабочей силы сводились к тому, что следовало общежития утеплить и соответственно оборудовать, чтобы в них было чисто, тепло и уютно; четко организовать противоэпидемическую службу, для чего

иметь достаточную пропускную способность бани, прачечных, дезкамер и создать эпидфонд; развернуть лечебные учреждения, оборудовать их твердым и мягким инвентарем; обеспечить медикаментами и медимуществом; обеспечить рациональный режим питания и довести положенные нормы питания до каждого военнопленного; организовать выдачу на производстве холодных завтраков и дополнительных горячих блюд; выводить на наружные работы только одетых и обутих по сезону; на объектах оборудовать обогреватели и принять все меры к недопущению случаев обморожения [186, л. 351].

Сложно объяснить, почему эти директивы на местах если и выполнялись, то не настолько, чтобы кардинально изменить ситуацию. Только этим можно объяснить то, что вслед за недавно принятым документом следует другой, который развивает положения предыдущего документа. Если предыдущий документ был адресован непосредственно исполнителям, то директива НКВД СССР №221 была адресована народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам управлений и лагерей НКВД, военнопленным японцам. Вероятно, получая сведения с мест и видя, что ситуация менялась медленно, было решено возложить персональную ответственность на руководство республиканских НКВД. «По поступившим в НКВД СССР данным, большинство военнопленных японцев, завезенных в республику (край, область), размещено неудовлетворительно, вследствие чего заболевания и смертность среди военнопленных с наступлением холодов резко увеличились», - говорилось в документе. НКВД СССР потребовал от мест резкого улучшения коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев.

Учитывая непригодность военнопленных японцев к суровому климату Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии и в целях сохранения военнопленных как рабочей силы было предложено: «1. Все Ваше внимание, аппарат НКВД-УНКВД и лагерей и имеющиеся ресурсы лагерей обратить на обеспечение нормального размещения и содержания военнопленных в условиях зимы. Считать эту работу на зимний период 1945-1946 гг. основной. Закончить в лагерях и лагерных отделениях все работы по ремонту, дооборудованию и утеплению жилых и бытовых помещений (ремонт печей, остекление, устройство тамбуров, нар и пр.). В случае отсутствия в пунктах размещения военнопленных стационарных бань и дезкамер немедленно приступить к устройству временных санпропускников достаточной пропускной способности (фронтного типа - в землянках). Обеспечить в течение всей зимы поддержание температуры во всех жилых помещениях не ниже + 18°C и контроль за соблюдением в общежитиях этой температуры воздуха» [188, л. 442].

Интересно, что в документе, призванном обеспечить сохранность рабочей силы, был задействован партийно-государственный механизм, последний главный аргумент - постановка на контроль партийных организаций. В документе фиксировалось требование: «Через республиканские (краевые, областные) партийные и советские органы обязать всех директоров предприятий и начальников строек немедленно обеспечить лагеря

стройматериалами и инструментом, необходимыми для окончания всех работ по приспособлению и ремонту лагерных помещений. Предупредить директоров предприятий и начальников строек, что все лагеря и лагерные отделения, не подготовленные к нормальному содержанию военнопленных в зимних условиях, будут закрыты, а военнопленные из этих лагерей и лаготделений будут переведены в пункты, где имеются условия, необходимые для их размещения» [188, л. 443].

Озабоченность руководства НКВД СССР сохранением фонда бесплатной рабочей силы проявлялась в попытках сохранения нормального психологического климата в лагерях. В этой связи важным было распространение приказа НКВД №00834 «О введении в действие Инструкции о порядке переписки военнопленных немцев, австрийцев, румын и венгров с их семьями, проживающими в Германии, Австрии, Румынии и Венгрии». Письма за рубеж отправлялись через организации Красного Креста соответствующих стран, а почта в СССР поступала через Центральное справочное бюро по делам военнопленных при исполкоме Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Каждый военнопленный мог послать одно письмо в месяц. Устанавливалась специальная почтовая карточка, в которой разрешалось писать только о себе, состоянии здоровья, бытовых условиях и своих политических настроениях. Категорически запрещалось сообщать сведения о месте дислокации лагеря, характере выполняемой работы, о других военнопленных, в том числе умерших. Вся корреспонденция подлежала цензуре. Несмотря на эти ограничения, переписка улучшила моральное состояние военнопленных. Они стали чаще пользоваться лагерными библиотеками с литературой на немецком языке, создавались кружки художественной самодеятельности [189, с. 34].

3 июля 1946 г. Министр внутренних дел СССР С. Круглов в своей записке руководству страны - т. Сталину И.В., т. Молотову В.М., т. Берии Л.П. - сообщал: «За последнее время среди военнопленных японцев, содержащихся в Советском Союзе, наблюдается значительный рост демократических настроений. Наряду с этим, по данным Министерства иностранных дел Союза ССР, в Японии усиленно пропагандируются слухи о якобы невыносимых условиях жизни военнопленных японцев в Советском Союзе. Учитывая изложенное, МВД СССР считало бы целесообразным разрешить обмен письмами между военнопленными японцами и их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее, предоставив военнопленным японцам право посылки на родину одного письма в три месяца, а имеющим хорошие производственные показатели - два письма в три месяца. Проект постановления Совета Министров Союза ССР представляю. Докладываю на решение» [190, л. 13]. Организация переписки была серьезным шагом по укреплению морально-психологического климата в лагерях. Многие военнопленные ничего не знали о близких, не видели их годами. Переписка дала им надежду на скорейшее освобождение и возвращение на родину.

Представление о численности контингента японских военнопленных дает докладная записка С.Н. Круглова Министру иностранных дел В.М. Молотову,

датируемая 2 сентября 1946 г. Из ее содержания следовало, что на момент составления записки японских военнопленных в лагерях МВД, спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах МВС содержится 463760 чел., в том числе: генералов - 168 чел., офицеров - 22675 чел., сержантского и рядового состава - 440917чел. Из них находится на работах на предприятиях различных министерств: МВД СССР (строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали) - 121941 человек. На предприятиях Министерства угольной промышленности восточных районов СССР - 48242 человека. На объектах Министерства вооруженных сил СССР - 47965 военнопленных, Министерства цветной металлургии СССР- 22955 человек, Министерства путей сообщения СССР - 22596, Министерства строительства топливных предприятий СССР - 21362, Министерства строительства военных и военно-морских предприятий СССР - 22167, Министерства лесной промышленности СССР - 21568, Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР - 3059. Из документа становится понятно, что численность японских военнопленных в нашем регионе (Казахская и Узбекская ССР) составляет 56972 человека». Впервые открыто было признано, что «большинство военнопленных японцев размещено в суровых климатических условиях Сибири и Дальнего Востока, что в зимнее время японцы дают низкую производительность труда, подвержены простудным заболеваниям, туберкулезу и, как правило, в большие морозы на открытые работы не выводятся» [191, л. 58-60]. По некоторым данным, именно в первую послевоенную зиму 1945-1946 гг. смертность среди военнопленных японской армии была наиболее массовой.

С июня 1945 г. после принятия постановления ГКО №8921 «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных», согласно которому все военнопленные были распределены для работы по предприятиям и стройкам наркоматов и ведомств, началось активное использование военнопленных в системе принудительного труда в Казахстане. Собственно, это и было началом массового использования военнопленных на объектах народного хозяйства по всей стране. Во исполнение постановления ГКО Л.П. Берия 15 июня 1945 г. подписал приказ №00698, в котором были определены мероприятия по размещению военнопленных, подъему производительности их труда и максимальному выводу военнопленных на объекты работ народного хозяйства страны. Этим приказом предписывалось организовать стимулирование военнопленных к выполнению норм выработки посредством увеличения денежного вознаграждения в 2 раза. Кроме того, народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик поручалось проверить готовностьстроек и предприятий наркоматов к приему военнопленных. В случае неготовности последних к приему – сообщить в ГУПВИ НКВД СССР о возможности передачи военнопленных другим наркоматам [192, л. 21-22].

Всего по стране было распределено по различным предприятиям около 2100000 человек, в том числе: на предприятия Наркомуголь, включая Карагандашахтстрой, для строительства и восстановления шахт и угледобычу -

26000 человек; на объекты жилдорстроительства, включая Карагандажилстрой - 21000 человек; в Карагандинский угольный бассейн - 21000 военнопленных; на предприятия НКПС, в том числе на Карагандинскую железную дорогу - 10000 человек; на объекты Наркомстроя, включая строительство Текелийского и Усть-Каменогорского комбинатов - 76000 человек. На Сталино-Магнитогорской магистрали МПС работали 862 человека и т.д. [93, с. 161-166].

В Казахстане в связи с притоком военнопленных и интернированных был образован ряд новых лагерей и расширены существующие. В апреле 1945 г. «в целях эффективного использования военнопленных на работах при Гурьевском заводе ГУАС НКВД СССР и Казахнефтекомбинате Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР» Народному комиссару внутренних дел КазССР Богданову было дано указание «организовать в г. Гурьевлагерь НКВД для военнопленных №262, с лимитом 2500 человек» [193, л. 39]. В лагере было 3 лаготделения, военнопленные были задействованы на добыче нефти на нефтепромыслах Эмбенского бассейна в поселках Сагиз и Байчунас. Кроме того, они были задействованы на различных работах на Гурьевском НПЗ, а также принимали участие в строительстве жилгородка, относящегося к НПЗ. Дома, в строительстве которых принимали участие военнопленные, были оригинальной конструкции и наиболее приспособленными к непростому климату. Расположены они были в центре небольшого полуострова, на излучине реки Урал. 21 апреля 1945 г. было создано еще одно отделение «лимитной численностью 2000 человек для содержания интернированных немцев группы Б» [193, л. 49].

В августе 1945 г. был образован Акмолинский лагерь для военнопленных №30. В лагере содержались 3390 узников, в том числе 2452 чел. германской армии, японцев –1478. Находился он на расстоянии 5 км от города Акмолинска, в 500 метрах от железной дороги. Военнопленные обслуживали строительство Сталинско-Магнитогорской магистрали и объекты «Каззолото» НКВД СССР. В составе лагеря были созданы пять лагерных отделений «в радиусе от 80 до 900 км, с лимитной численностью 4100 человек. Фактически в среднем содержалось 3700 человек» [194, л. 25, 25 об., 26, 26 об.]. Лагерное отделение №1 находилось рядом с управлением лагеря. Военнопленные жили в одноэтажных каркасно-засыпных и шлакоблоковых бараках. Они были оборудованы двухъярусными нарами вагонного типа. Бараки были рассчитаны на 1000 человек. В отделении имелись баня-прачечная и дезкамера с пропускной способностью 30 человек. Имелись кухня, столовая на 1500 обедов и 200 посадочных мест. Жилой фонд был предоставлен строительством Сталино-Магнитогорской железной дороги Народного комиссариата путей сообщений. В бараках были проведены электричество, водопровод [194, л. 25, 25 об., 26, 26 об.].

Остальные лагерные отделения были разбросаны по обширной территории Северного Казахстана. Лагерное отделение №2 располагалось на руднике «Джоломбет», Шортандинского района Акмолинской области, в 45 км от железной дороги. Занимаемый лаготделением жилищный фонд состоял из

каркасно-засыпных одноэтажных барakov на 1100 человек. Имелась в отделении амбулатория-лазарет на 20 коек. Кухня-столовая была рассчитана на 150 человек и могла готовить 1200 обедов одновременно. Жилой фонд был предоставлен хозяйственной организацией «Каззолото» МВД. Здесь также были электрифицированы жилые и подсобные помещения. Для воды были вырыты колодцы.

Лагерное отделение №3 располагалось на угольном роднике «Богумбай» Сталинского района Акмолинской области в 150 км от ближайшей станции железной дороги. Жилой фонд состоял из кирпичных, каркасно-засыпных одноэтажных барakov, оборудованных сплошными двухъярусными нарами на 750 человек. В отделении имелась небольшая, на 10 коек, амбулатория-лазарет, кухня-столовая на 1000 обедов и 200 посадочных мест, баня, прачечная с пропускной способностью 15 человек в час. Жилой фонд был предоставлен трестом «Каззолото» МВД. Вода привозная, помещения электрифицированы.

Лаготделение №4 располагалось на станции Кушмурун Сталинско-Магнитогорской магистрали Кустанайской области. Заключенных обустроили в земляных и полуземляных бараках вместимостью 500 человек. Жилье было оборудовано сплошными двухъярусными нарами. В лагере имелась амбулатория-лазарет на 10 коек, кухня-столовая на 500 обедов, баня, прачечная, дезкамера.

Лаготделение №5 находилось в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области на расстоянии 3 км от ближайшей железной дороги. Жилой фонд состоял из двух одноэтажных каркасно-засыпных барakov на 500 человек, которые были оборудованы двухъярусными нарами вагонного типа. Кухня на 500 обедов и 150 посадочных мест, баня с пропускной способностью 15 человек в час.

Все лагерные отделения «по периметру были обнесены деревянным забором высотой в 2,5 метра с козырьком из колючей проволоки и вышками на углах. Зоны освещались электричеством, имелась телефонная связь, а также примитивная звуковая сигнализация. Вывод военнопленных на работы осуществлял 410 полк конвойных войск. Для быстрого задержания бежавших военнопленных были организованы 24 бригады содействия общим количеством 192 человека» [194, л. 25, 25 об., 26, 26 об.].

Сфера применения военнопленных Акмолинского лагеря №330 включала в себя добычу золота, строительство и ремонт железнодорожных путей Сталинско-Магнитогорской дороги, возведение жилья, работу на горнодобывающих предприятиях, в частности, добычу золота на руднике «Жолымбет». Часть ослабленных военнопленных работала на хозяйственных работах в самом лагере и лагерных отделениях.

На территории Костанайской области располагался золотопромышленный комбинат «Джетыгарзолото», который был частью предприятия «Алтайзолото» НКВД СССР. В состав комбината «Джетыгарзолото» входили Сабитовский рудник, рудник им. Кирова, Аккаргинский рудник, Брединский рудник и золотоизвлекательный завод. 11 июля 1945 г. директором комбината был обнародован приказ №142, в котором,

в частности, говорится: «В целях срочного окончания жилых и административных зданий и сооружений для прибывающего спецконтингента (военнопленных) приказываю: Под личную ответственность начальника строительной конторы т. Шереметова с 11 июля вести форсировано ремонтные и строительные работы, закончив все недоделки лагеря 25 июля, отрегулировать вопрос передвижки рабочей силы с других объектов, введя 11-часовой рабочий день». Этим приказом для организации лагеря военнопленных предусматривалось строительство и ремонт здания кухни, бараков №8 и 9, амбулатории и стационара, столовой, умывальников, помойной ямы, предупредительной зоны, запретной зоны [195, л. 159]. Этот лагерь, а вернее, лагерное отделение также относилось к Акмолинскому лагерю №330. Военнопленные немцы в основном работали на руднике им. Кирова на добыче золотоносной руды. 5 октября 1946 г. на имя заместителя Министра внутренних дел генерал-лейтенанта Мамулова С.С. была подана докладная записка «О мероприятиях по золотопромышленному комбинату «Джетыгарзолото». В этом документе анализировалось состояние дел на предприятии, в том числе указывалось: «При достаточной списочной обеспеченности комбината рабочей силой имеется плохая качественная обеспеченность, из 1718 рабочих по государственной добыче имеем 636 женщин и 97 детей-подростков, а также порядка 180 человек стариков. Основной физически здоровой рабочей силой являются военнопленные немцы численностью 230 человек, размещенные в удовлетворяющих помещением лагере, рассчитанном на 500 человек» [196, л. 30].

Взаимоотношения между Акмолинским лагерем №330 и предприятиями, на которых работали военнопленные, очень четко характеризует договор, заключенный между лагерной администрацией и трестом «Алтайзолото». В этом договоре указывалось, что Управление лагеря НКВД №330, именуемый в дальнейшем «ЛАГЕРЬ», и трест «Алтайзолото» Наркомата Цветных Металлов СССР, именуемый в дальнейшем «ХОЗОРГАН», заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. «Лагерь» выделяет в распоряжение «Хозоргана» рабочую силу в количестве 1500 человек военнопленных в двух лагерных отделениях №№2 и 4 для производства работ по строительству, лесозаготовкам, подземным и другим производственным и хозяйственным работам. На производстве работ «Хозоргана» должно быть занято не менее 85% рабочей силы от списочного состава, исключая больных.

2. «Хозорган» должен выделить «Лагерю» такие объекты, на которых было бы исключено общение его контингентов с вольнонаемными рабочими, кроме лиц, которые должны руководить их работой, либо квалифицированных рабочих, без которых невозможна работа контингентов «Лагеря».

Число таких лиц, допускаемых к общению с контингентами «Лагеря», должно быть сведено к минимуму, и персональные списки их предварительно согласовываются с Управлением «Лагеря».

Первоначальный завоз рабочей силы «Лагеря» к месту работ и ее вывоз после окончания срока договора осуществляется за счет «Лагеря».

Выполняемые по настоящему договору работы организуются и ведутся под техническим руководством и ответственностью «Хозоргана», его инструментами, механизмами, транспортом и материалами.

Примечание: За поломку инструмента в процессе работ «Лагерь» ответственности не несет, а за умышленную порчу инструмента, а также его потерю «Лагерь» отвечает в размере его балансовой стоимости, с учетом износа и при условии получения от «Хозоргана» сведений о порче либо утере инструмента в течение суток с момента утери либо порчи. Основанием для возмещения стоимости, утерянного либо умышленно поломанного инструмента, служит акт, подписанный представителями «Хозоргана» и «Лагеря».

На обязанности «Хозоргана» лежит снабжение всего работающего контингента «Лагеря» за счет последнего спецодеждой и спецобувью по нормам ВЦСПС.

При производстве работ вредного характера «Хозорган» обязан выделить контингентам «Лагеря» необходимую дополнительную спецодежду, а также спецпитание по нормам, установленным для вольнонаемных рабочих.

«Хозорган» обязан принять необходимые меры по обеспечению техники безопасности, предусмотренные законом и действующими правилами для данного объекта работ, и несет ответственность за их соблюдение.

При неприятии «Хозорганом» этих мер «Лагерь» может снять часть или всю рабочую силу, с отнесением убытков, вызванных простоем рабочей силы, за счет «Хозоргана». Рабочая сила «Лагеря» обязана соблюдать все правила по технике безопасности.

Предоставленная «Хозоргану» рабочая сила обязательно используется по прямому назначению (пункт 1 договора) на сдельных работах.

При этом должны быть максимально использованы все имеющиеся квалификации и специальности, необходимые для данных работ. Повременная оплата допускается в исключительных случаях в отношении работ, не поддающихся нормированию, причем число занятых на повременных работах не должна превышать 5% от общего числа.

Оплата за повременную работу производится по тарифным ставкам повременщиков.

Контингенты лагеря, используемые «Хозорганом» на работах по их специальности (инженеры, техники и т.п.), оплачиваются последним по соответствующим должностным окладам, установленным для местных вольнонаемных сотрудников. При этом должны быть соблюдены все требования по созданию для них соответствующих условий и режима охраны.

Примечание: Определение квалификации и разрядов для указанных лиц производится комиссией, организуемой на работах из представителей «Хозоргана» и «Лагеря» на паритетных началах.

«Лагерь» обязан обеспечить надлежащую дисциплину и осуществлять необходимые мероприятия по поднятию производительности труда своего контингента.

«Хозорган», в свою очередь, обязан обеспечить необходимые условия для

наиболее полного трудоустройства контингентов «Лагеря», поднятия производительности их труда и повышения квалификации [197, л. 13-18].

Анализируя этот документ, важно отметить, что данный договор по существу был типовым и определял взаимоотношения между предприятиями, на которых использовались военнопленные, и администрацией лагерей на территории Казахстана.

В сентябре 1945 г. был образован Кантагский лагерь №348. Место дислокации этого лагеря находилось в поселке Ачисай Туркестанского района Южно-Казахстанской области. В этом лагере содержались японские военнопленные. В своем составе лагерь имел 4 лагерных отделения. Лагерное отделение №1 располагалось в поселке Ачисай на расстоянии 65 км от ближайшей железной дороги. Проживали японцы в одноэтажных каменных бараках, оборудованных двухъярусными нарами на 632 человека. В отделении имелись баня и дезкамера на 50 человек в час, кухня на 800 обедов и столовая на 150 мест. Все помещения имели освещение, имелся водопровод. Данное отделение работало на руднике, который находился в 50 метрах от зоны.

Лагерное отделение №2 располагалось в 40 км от железной дороги на руднике «Маргилисмай» Туркестанского района Южно-Казахстанской области. Заключенные проживали в одноэтажных кирпичных бараках, оборудованных двухъярусными нарами вагонного типа на 670 человек. Лагерь было оборудовано амбулаторией-лазаретом на 25 коек. Имелись кухня на 1000 обедов, столовая на 200 мест, баня-прачечная с пропускной способностью 50 человек в час. Военнопленные работали на шахтах «Маргилисмай» в 7 км от зоны.

В поселке Свинцового завода г.Чимкента Южно-Казахстанской области на расстоянии 1,5 км от железной дороги расположилось лагерное отделение №3. Здесь были построены бараки такие же, как во втором отделении лагеря. Военнопленные работали на свинцовом заводе.

В г. Ленгер Гурьевского района было обустроено лагерное отделение №4. Здесь контингент проживал в одноэтажных каменных бараках с общей вместимостью 890 человек [194, л. 25, 25 об., 26, 26 об.]. Из вышеизложенного становится ясным, что японские военнопленные, в основном, работали на Ачисайском полиметаллическом комбинате, Чимкентском свинцовом заводе, тресте Ленгеруголь. Судя по документам, адаптация военнопленных проходила трудно. Особую сложность вызывало то, что специалистов-шахтеров и строителей среди завезенных военнопленных не было, незнание русского языка и недостаток переводчиков затрудняли трудоустройство на строительстве и в шахтах. Ситуация изменилась после того, как обитатели лагеря освоили новые производственные специальности.

В 1946 г. был образован лагерь №45 в г. Усть-Каменогорске. Первые эшелоны военнопленных прибыли на станцию «Защита» в первой половине января 1946 г. В них находились 532 бывших военнослужащих германской и союзных ей армий и 2614 японцев. Постепенно по мере прибытия эшелонов все 5 лагерных отделений приняли свои контингенты.

Лагерьное отделение №1 располагалось в западной части села Заульбинки

Кировского района Восточно-Казахстанской области в 4 км от железной дороги. Военнопленных обустроили в двух кирпичных двухэтажных зданиях, оборудованных двухъярусными нарами вагонного типа. Здесь была кухня-столовая на 150 мест, небольшая баня-прачечная.

Вблизи поселка лесозавода, в 19 км от железнодорожной станции, было обустроено лаготделение №2. Одноэтажные каркасно-камышитовые бараки, оборудованные одноярусными сплошными нарами были рассчитаны на прием 1336 человек. Имелись также лазарет на 200 коек, кухня-столовая на 150 мест, небольшая баня на 10 человек в час, прачечная на 150 комплектов белья в сутки.

Лаготделение №3 находилось в поселке Белоусовка в 7 км от железной дороги. Жилой фонд - 4 полуземлянки, один каркасный и семейный бараки, рассчитанные на 870 человек, двухъярусные нары вагонного типа, амбулатория-лазарет на 36 коек, кухня-столовая на 900 мест и 130 посадочных мест, прачечная – вот, пожалуй, все основные параметры 3-го лаготделения.

Лаготделения №№4 и 5 были также типовыми. Жилой фонд в первом случае состоял из полуземлянок, во втором - из одноэтажных каркасно-камышитовых бараков. Лаготделение №4 располагалось в поселке Стройплощадка в 5 км от железной дороги. Лагодделение №5 - на окраине поселка Зыряновка Восточно-Казахстанской области на расстоянии 60 км от пристани по реке Иртыш. В лагере работала пошивочно-ремонтная мастерская из числа военнопленных, обеспечивающая ремонт и реставрацию обмундирования, пошив нового. Весной 1946 г. в лагере появилось подсобное хозяйство, где на площади в 158 га сеяли картошку, овощи, бахчевые культуры. На 1 марта 1946 г. контингент лагеря составлял 3146 человек, в том числе: 2578 японцев, 36 корейцев, 508 немцев, 24 австрийца [198, л. 1].

Контингент военнопленных работал на основных предприятиях и стройках союзного значения Восточно-Казахстанской области. Постановлением Правительства военнопленные были выделены и закреплены за трестом «Алтайстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, трестом «Казгидроэнергострой» Министерства электростанции СССР, Иртышским полиметаллическим комбинатом и Государственным Зыряновским полиметаллическим рудоуправлением Министерства цветной металлургии СССР.

Необходимо отметить, что наиболее массово военнопленные в системе принудительного труда на территории Казахстана применялись в Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях. В 1945-1948 гг. на территории Восточно-Казахстанской области военнопленные активно использовались на строительстве ряда промышленных объектов. Для организации работы военнопленных в системе НКВД СССР были образованы ОСМУ - особые строительно-монтажные управления.

В общем балансе рабочей силы предприятий и строек контингент лагерей УПВИ занимал значительный удельный вес и использовался на строительных, монтажных, земляных, скальных, дорожных работах, в кузнечных, электромеханических цехах, в авторемонтных и столярных мастерских, на

кирпичных заводах, лесозаготовках и лесозаводах. На горно-металлургических предприятиях военнопленные работали на строительстве промышленных зданий и сооружений, в управлениях гражданского строительства, на монтаже оборудования, на подземных эксплуатационных, подготовительных, капитальных и поверхностных работах рудников и т. д.

В этот период трест «Алтайстрой» является подрядной строительной монтажной организацией Министерства строительства предприятий тяжелой мининдустрии. Деятельность «Алтайстроая» охватывает строительство предприятий Восточно-Казахстанской области [199, л .67].

В тресте «Алтайстрой» военнопленные японцы и немцы первого и четвертого лагерных отделений работали на 1-м участке управления капитального строительства Усть-Каменогорского цинкового завода № 0, на строительстве ТЭЦ завода №30 и других объектах. Кроме того, военнопленные использовались в цехах и предприятиях субподрядных организаций Алтайстроая: Сибспецстрое, Сибэнергомонтаже, Сибэлектромонтаже, Союзтеплострое, Союзпроммонтаже, железобетонном цехе, механическом цехе завода №10 [200, л. 61 об.].

Контингент 2-го лагерного отделения лагеря №45 был закреплен за трестом «Казгидроэнергострой» и работал на строительстве Иртышской гидроэлектростанции, первая очередь, которой должна была вступить в эксплуатацию в 1950 г. Военнопленные работали: на участке левого берега по сооружению шлюза; на участке правого берега по возведению временной перемычки и сооружению плотины; в отделе гражданского строительства, а также в дорожно-строительном управлении и спецконторе, которая проводит разборку цементации и замораживание скального основания перемычки для сооружения основания плотины; на строительстве механического городка и других, подсобных для строительства технических сооружений и производственных мероприятий, отдельных цехов и служб; на погрузочно-разгрузочных работах, в том числе на лесопильном, известковом, бетонном и кирпичных заводах.

В Зырянском рудоуправлении военнопленные 5-го лагерного отделения были заняты: на поверхностных и подземных работах рудников по добыче полиметаллических руд, проходке вертикальных и горизонтальных разведочных, подготовительных и капитальных горных выработок, на тепло-силовой (паротурбинной) электростанции, в электромеханических, кузнечных и литейных цехах, в ремонтно-строительном цехе, на строительстве и ремонте внутрирудничных дорог, погрузочно-разгрузочных работах и т. д.

В Белоусовском рудоуправлении Иртышского полиметаллического комбината военнопленные 3-го лагерного отделения работали на шахтах по добыче свинцово-цинковых руд, внутризаводском транспорте, строительстве и монтаже электромеханического флотационного оборудования обогатительной фабрики, электромеханических цехах, управлении капитального строительства Иртышского комбината, также в ремонтно-строительном цехе, Иртышкомбинатстрое Алтайстроая, в Белоусовском свинецпродснабе, на сооружении гидротехнических и мелиоративных сооружений, на кирпичном

заводе комбината.

Наряду с выполнением основных договорных хозорганов военнопленные лагеря частично привлекались на работы по благоустройству областного центра г. Усть-Каменогорска, на погрузку и разгрузку зерна в период посевной и уборочной кампании, на погрузочно-разгрузочные работы срочных грузов на водном и железнодорожном транспорте. В аварийных случаях военнопленные выводились на работы по борьбе с наводнением и очистку Зыряновского и Усть-Каменогорского аэропортов от снежных заносов.

В отчете лагеря говорилось: «Начиная с момента формирования лагеря и до конца его ликвидации перед личным составом управления и лагерных отделений на отдельных этапах практической деятельности становился целый ряд серьезных организационно-хозяйственных задач. Путь к разрешению их был связан с известными трудностями, на преодоление которых, кроме желания, требовалась инициатива, энергия и настойчивость». Данный документ интересен с точки зрения понимания руководством лагеря той роли, которая им отводилась в системе принудительного труда. Надо признать, что многие из руководителей были государственниками и понимали свои задачи. Вот, что пишет в отчете начальник лагеря: «Наиболее актуальными задачами в отдельные периоды работы являлись: 1. Существовавшая тяжелая и сложная производственно-хозяйственная обстановка на предприятиях союзного подчинения после окончания войны настоятельно требовала в минимальные сроки во времени перестроить работу предприятий на мирный лад и создать необходимые темпы для выполнения планов в 4-й послевоенной сталинской пятилетке, быстрее восстановления развития народного хозяйства...» И далее: «Эта задача налагала большую ответственность и диктовала необходимость: распределить военнопленных по предприятиям и объектам, организовав надлежащие бытовые, режимные условия и охрану; выявить военнопленных необходимых профессий и определить их квалификацию; организовать срочное обучение и подготовку ведущих профессий для работы на стройках и действующих предприятиях в сжатые сроки и в необходимых количествах; изыскать наилучшую форму организации труда; рационально и эффективно использовать контингент; систематически повышать рост производительности труда; создать оперативный и точный учет работы и наладить тщательный контроль и надзор за работой военнопленных и, с другой стороны, за правильным и целесообразным их использованием на основных важнейших участках работы и по специальностям со стороны руководителей хозорганов; установить деловой контакт в работе и правильное взаимопонимание общих задач с руководителями предприятий хозорганов; создать все предпосылки и добиться самокупаемой, рентабельной работы всех лагерных отделений и управления лагеря» [201, л. 15].

Строительство в развитых промышленных регионах республики новых объектов зачастую сталкивалось с объективными трудностями. Анализируя документы этого периода, мы можем сделать вывод, что ввод в эксплуатацию объектов промышленности повсеместно срывался. Например, срывался срок строительства Усть-Каменогорской гидроэлектростанции [202, л. 32].

Как уже упоминалось выше, одной из главных проблем был недостаток рабочей силы. Строительство промышленных объектов было под пристальным контролем как местных, так и республиканских партийных органов. Существовавший в это время порядок контроля со стороны партийного руководства республики предусматривал анализ реального положения дел со стороны Уполномоченного Комиссии партийного контроля и его заместителей в каждой области Казахстана. Отчеты заместителей уполномоченного КПК, поднимавшие проблемные вопросы, в настоящее время находятся в Архиве Президента Республики Казахстан. Заместители уполномоченного КПК по областям республики, среди прочих вопросов, курировали строительство и ввод в эксплуатацию промышленных объектов, условия жизни и труда, состояние партийной дисциплины и др. Недостаток рабочей силы вынуждал руководство строительства промышленных объектов использовать ресурсы военнопленных. 5 октября 1945 г. было принято решение обязать НКВД СССР направить на строительство Усть-Каменогорской ГЭС военнопленных японцев в количестве 5000 человек, в том числе 2000 человек в октябре-ноябре 1945 г. [203, л. 35].

Однако привлечение контингента военнопленных не всегда решало проблему с обеспеченностью рабочей силой. В докладной записке заместителя уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК КП(б) в Восточно-Казахстанской области на имя Уполномоченного КПК при ЦК КП(б) по КазССР Канарейкина «О ходе строительства Усть-Каменогорской ГЭС (Иртышгэсстроя)» указывается, что строительство не укладывается в сроки по следующим причинам: «Необеспеченность строительства рабочей силой, так на 1/п 1946 года строительство имело 1745 человек, в том числе 590 человек находится на лесозаготовках. Имеющиеся, кроме этого, 890 человек военнопленных японцев с 26 декабря 1945 года находятся на карантине и на работы не выходят, за исключением редких и единичных выходов по обслуживанию своего хозяйства» [204, л. 24].

При строительстве цинкового завода №10 в Восточно-Казахстанской области партийный контроль осуществлялся практически ежемесячно. Из докладной записки, датированной июлем 1946 г. «О состоянии работы партийной организации ОСМУ-2 по результатам обследования произведенного бригадой Восточно-Казахстанского обкома партии КП(б) в составе товарищей Разбойникова Г.И., Додина Д.Н. и Решетина И.В.», можно определить, что «... с общим числом работающих на день обследования в количестве 1506 человек вольнонаемных и трудармейцев. В этом числе: рабочих-1088, ИТР-86, помимо этого, военнопленных немцев - 255, японцев - 404 человека» [205, л. 1].

Производительность труда контингента, задействованного на строительстве, была также объектом пристального внимания партийных органов. Выполнение норм выработки по всем категориям рабочей силы производилось ежемесячно и отдельно. Военнопленные поступили в августе 1945 г. и с этого момента начался учет рабочих выходов и выполнение плана. В 1945 г. всего рабочих выходов было 193, выполнение нормы составляло 60-80%. В 1946 г. до 1 июля выполнение нормы составляло 94% [206, л. 72].

17 июля 1946 г. был заслушан доклад начальника СМУ №3 Глезера Г.М.

на бюро Восточно-Казахстанского обкома КП(б). Стоял вопрос о выполнении плана строительства Усть-Каменогорского цинкового завода №10 Министерства цветной металлургии СССР. Строительство было начато в 1942 г, но в 1946 г. еще не сдана была первая очередь завода. По словам Г.М. Глезера: «Недовыполнение плана можно объяснить недостаточной обеспеченностью рабочей силой. Влияющим фактором на выполнение плана являлось то, что военнопленные японцы, вышедшие на работу только 3 мая с/г, были чрезвычайно истощены, почти не работоспособны и, главным образом, не имели навыков в строительных работах. Если немецкий контингент военнопленных, в смысле приобретения строительных квалификаций, был уже сравнительно обучен, то японцев в течение двух месяцев (мая и июня) пришлось обучать трудовым процессам и строительным квалификациям» [207, л. 134-134 об.]. Недостатки, выявляемые при строительстве Усть-Каменогорского цинкового завода №10, были типичны для строительства предприятий по всей стране. Связано это было с практикой самой системы принудительного труда, неготовностью к использованию контингента на местах.

В отношении к военнопленным случались злоупотребления со стороны должностных лиц. Докладная записка «О неудовлетворительном состоянии хода строительного-монтажных работ Усть-Каменогорского цинкового завода №10 Министерства цветной металлургии Союза ССР» наглядно характеризует часто встречающиеся недостатки: «Особенно неудовлетворительно используются на строительстве военнопленные. Руководство ОСМУ-2 не добилось такого положения, чтобы военнопленные выполняли установленную им 100% норму. Низкая производительность труда военнопленных объясняется неправильной их расстановкой на производстве, так, например, при проверке было установлено, что 21 июня 1946 года прораб Смольский получил роту военнопленных 150 человек и в силу своей неплановой работы в течение 2-х часов водил их взад и вперед по расстановке и в результате, обойдя весь участок, возвратился с рабочими обратно, так и не смог расставить 35% рабочих по работам. Кроме того, прорабы Смольский и Майер наряды на работы военнопленных не дают, нормы выработки до военнопленных не доводят. Хуже того, военнопленные снимаются с производства и используются на личных работах. Так, для прораба Смольского военнопленными были изготовлены кровать, чемодан, корыто. Больше этого, 21 июня 1946 года бригада военнопленных в количестве 6 человек работала на строительстве личного дома мастера Сорокина, а также военнопленные использовались на строительстве личных домов мастера Войт, прорабов Черевко и Якович.

Военнопленные, работающие на кирпичном заводе, установленную норму выполняют на 50-60%. Низкая производительность, прежде всего, объясняется плохой организацией труда военнопленных. Так, во вторую смену военнопленные работают без света, техническое руководство в эту смену почти что отсутствует» [208, л. 61 об.].

МВД СССР со своей стороны также контролировало процесс трудового использования военнопленных. Необходимо учитывать, что лагерь,

переведенные на самокупаемость, были заинтересованы в сохранении максимальной трудоспособности контингента и в выполнении плана военнопленными, так как это давало лагерю стабильный доход. Анализируя работу лагерей, в МВД пришли к выводу, что основными причинами плохого трудоустройства военнопленных в лагерях являются:

а) слабо проводимые мероприятия по оздоровлению контингента, вследствие чего имеется небольшой удельный вес трудфонда к общесписочному составу (20-50%);

б) использование большого количества здоровых военнопленных на внутрилагерных производственных работах и в лагерной службе сверх установленного лимита (до 15-20% списочного состава);

в) низкий процент выводов военнопленных на контрагентские работы (20-50%), в конечном результате, эти лагеря в незначительных размерах покрывают свои расходы поступлениями от хозорганов [209, л. 232-237].

В это время повседневные взаимоотношения между администрацией лагерей и руководством предприятий были полны конфликтов. Конфликты возникали из-за обеспечения военнопленных элементарными условиями проживания, проблем с организацией труда военнопленных на объектах народного хозяйства, многочисленными нарушениями договорных обязательств со стороны хозяйствующих субъектов. Показательным с этой точки зрения является документ, обнаруженный нами в Архиве Президента Республики Казахстан. Ввиду его важности для характеристики недостатков системы принудительного труда Казахстана приводим текст документа целиком. Стиль и орфография оригинала сохранены полностью.

Справка

О недостатках трудового использования военнопленных на строительстве 10-завода и плохой подготовке лаготделения №4 к зиме.

По тресту Алтайстрой контингент военнопленных используется совершенно не удовлетворительно. 1500 человек военнопленных, находящихся в ОСМУ-2 на строительстве завода №10 при таком дальнейшем трудоустройстве в недалеком будущем выйдут из строя совершенно.

Основными причинами к этому служат: высокий процент травматических повреждений из-за плохо поставленной техники безопасности, обмеры, занижение расценок, простои, плохая организация труда, отсутствие нужного технического руководства, безобразное обеспечение инструментом, при том некачественным, все это не дает возможности к выполнению военнопленными норм выработки, при невыполнении лишает их возможности на получение дополнительного питания и с течением времени на тяжелых работах вследствие истощения они выходят из строя на длительное время.

Только за Май, Июнь месяцы лаготделение №4 имело свыше 10 случаев обсчета, занижения замера объемов работ и т.д., так например: По Сибспецстрою Прорабы Смольский и Майер наряды на работы не дают, нормы выработки до военнопленных не доводят, присутствовать на замерах работ командному составу военнопленных не дают, все их разъяснения на работах

закljučаются в том, что говорят: «копайте землю от этого до этого места, если к такому-то часу выполните, то это будет 60% нормы». Справки на выполненные работы выдаются не сразу после выполненных работ, а по истечении нескольких дней, что дает им возможность уменьшить объем выполненных работ, так: Майером и Смольским в одной из справок вместо фактически выполненных 120 кубометров было занесено 65 кубометров.

15.06.46 г. работающие на реке Иртыш по подвозке гравия выполнили норму на 130%, а мастер Майер выдал справку всего на 54,3%, причем при вмешательстве работников лаготделения переписал справку на 111%.

В Мае месяце по земляным работам наряд был закрыт на 5000 куб.метров фактически при проверке оказалось 6000 куб. метров.

За обсчет Сибспецстрой в Мае месяце оплатил лаготделению 9000 рублей, за занижение расценок 7000 рублей, за неправильно примененные производственные нормы 9000 рублей.

Хуже того военнопленные снимаются с производства и используются на этом участке на личных работах, причем выработка их нигде не указывается.

По кирпичному заводу при подвозке кирпича-сырца фактически перевезено было 43000 штук в справке указано 30000 штук. Работа на кирпичном заводе организована плохо, во вторую смену работают без света на ощуп. Военнопленные выполняют нормы на 50-60%.

На многих участках, из-за неподготовленности рабочего места, не распорядительности техперсонала, отсутствия инструмента военнопленные по несколько часов ходят без работы, при чем акты об этом не составляются. 27.06.46 г. участок ТЭЦ тов. Титов допустил 2-х часовой простой 46 человек из-за отсутствия инструмента: лопат, топоров и т.п. Там же военнопленные в количестве 50 человек работали на подвозе гравия без шуфельных лопат, производя подброску гравия штыковыми, 11 человек плотников имели всего 2 топора и 2 пилы.

Техника безопасности поставлена плохо, работа хозорганом за снижение травматизма не проводятся. Имеются грубейшие факты нарушения техники безопасности, так:

Группа специалистов электросварщиков в количестве 6 человек, работая без очков и предохранительных масок, испортили себе глаза, а сейчас уже длительное время находятся на лечении. Только с Апреля месяца с/года 1016 чел/дней по причинам травматизма лагерь не додал государству 15000 рублей.

Жилищные условия военнопленных плохие. В зоне нет прачечной, сушилки, складских помещений под овощи недостаточно. Намеченный график ремонта и подготовки лаготделения к зиме не выполняется, стройматериалов для этого не выделено.

Личный состав лагеря: офицеры живут в жутких условиях. 50% без наличия квартир, часть в палатках, но Трест Алтайстроя несмотря на ходатайство никаких мер не принимает.

Все эти причины говорят о безобразном, плохом использовании контингента, причем это ведет к ежедневному уменьшению трудового фонда. Ослабленный контингент и больные из месяца в месяц растут. Лаготделение

сейчас ежедневно в среднем имеет 80-90 человек амбулаторно освобожденных, 300 человек ослабленных 3-й категории труда, 30 человек стационарно больных и до 60 человек ДС и ОК, таким образом, 480 человек или одна третья контингента представляют ослабленный и больной контингент, который не приносит пользы не строительству не лагерю.

Зам начальника Управления МВД

по Восточно-Казахстанской области подполковник Садыков

Начальник ОПВИ Управления МВД

по Восточно-Казахстанской области мл. лейтенант Галибин [210, л. 205-207].

Из текста документа понятно, что сотрудники МВД проявляют искреннюю заинтересованность в нормальном функционировании лагеря, физическом состоянии контингента и его трудовом использовании. Однако система принудительного труда частью, которой являлся трест «Алтайстрой», не могла обеспечить высокий уровень организации и производительности труда.

На территории центрального Казахстана, по сведениям, приводимым Михеевой Л.В., военнопленные содержались в четырех лагерях. Это были Спасский лагерь №99, Джезказганские лагеря №39 и №502, Балхашский лагерь №37 [19, с. 18]. Безусловно, самым крупным из них был Спасский лагерь №99, или, как его называли, Спасо-Заводской лагерь, образованный в первые дни войны. По уточненным данным, опубликованным в 2008 г., в состав Спасо-Заводского лагеря входило 25 лагерных отделений. Дислокация лагерных отделений включала территорию всей Карагандинской области. Лагерные отделения №1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 располагались в поселке Спасского завода, в 45 километрах юго-восточнее Караганды. Лаготделения №10, 20 находились в г. Сарани. Лаготделения №11, 18, 21, 24, 25 располагались на территории области. В г. Темиртау находилось лаготделение №13. Лаготделения №12, 14, 15, 19, 23 дислоцировались на железнодорожных станциях Караганда, Нуринская, Анар, Караганда-Сортировочная, Балхаш. Два лагерных отделения №16 и №17 были расположены в поселках шахт 42-43 и 26-26 бис соответственно. Поселок Май-Кудук был местом дислокации лаготделения №22 [125, с. 31-37]. Необходимо отметить, что лаготделения №3 и 7 были режимными, с особым контингентом военнопленных и особыми правилами содержания и привлечения к труду.

Национальный состав военнопленных лагеря №99 был довольно пестрым. До осени 1945 г. в Спасо-Заводской лагерь поступали военнопленные европейских национальностей – немцы, австрийцы, румыны, венгры и др. После поражения Квантунской армии появились японские пленные. Всего, по оценкам исследователей, немцев было 29 тысяч, японцев - 22 тысячи человек, венгров - 1139 человек. Контингент лагеря использовался на различных промышленных предприятиях Караганды и области, в первую очередь на добыче угля, строительстве шахт и объектах гражданского строительства.

Важно отметить, что предприятия Карагандинской области были под жестким контролем руководства республики и партийных органов. Комиссия партийного контроля постоянно отслеживала ситуацию со строительством

новых объектов. 21 июля 1946 г. Заместитель Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Карагандинской области Иванов подал на имя Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Казахской ССР Канарейкина и секретаря Карагандинского обкома КП(б) КазССР Галайдина докладную записку «О ходе строительства пусковых шахт в Карагандинском угольном бассейне». В этом документе автор критически оценивает недостатки в работе треста «Карагандашахтстрой»: «Отмечается существенное отставание от графика строительства. Причины - отсутствие рабочих, оборудования, механизмов» [211, л. 15-21].

На объектах «Карагандашахтстрой», «Карагандауголь», «Жилдорстрой» принудительный труд использовался массово и во время войны, и в послевоенный период. Помимо военнопленных привлекались трудармейцы и контингент ГУЛАГа. Сложностью этого периода было также отсутствие квалифицированных кадров рабочих специальностей. Большинство рабочих в годы Великой Отечественной войны были призваны в действующую армию. Среди рабочих трудившихся в этот период мало было специалистов, которые могли работать со сложными механизмами и оборудованием. В упомянутой выше докладной записке приводятся факты привлечения военнопленных для работы на импортном оборудовании: «...на механизмах, у подъемных машин и импортных компрессорах поставлены военнопленные немцы. Такое безответственное отношение к ценнейшему оборудованию привело к тому, что военнопленные сожгли импортный новый американский компрессор, но на этот факт никто не обратил ни малейшего внимания, на механизмах до сих пор продолжают оставаться военнопленные» [211, л. 20].

Однако главной проблемой указанного периода продолжала оставаться нехватка рабочей силы и низкая производительность труда. Например, в данных, приводимых по Саранскому УНШ, отмечается, что среднее количество трудящихся за 6 месяцев составляет 1890 человек, из них вольнонаемных рабочих - 400 чел. При таком количестве вольнонаемных рабочих не создано ни одной проходческой бригады. Проходческие бригады созданы из военнопленных и заключенных... Производительность труда низкая, составляет 63% к плану [211, л. 17].

Всего за время нахождения в Спасском лагере №99 военнопленными были построены и сданы в эксплуатацию такие крупные объекты Караганды и области, как шахты №№105, 106, 38 (с обогатительной фабрикой), травматологическая больница, Летний театр, сотни жилых домов. Кроме этого, военнопленные участвовали в реконструкции ЦОФ, шахты №8/9, постройке шахт им. Костенко, №№35, 5, 1 - вертикальной, фабрики инертной пыли, Карагандинского Дворца горняков, строили линию городского трамвая, асфальтировали шоссе и т.д. С 1946 по 1948 гг. военнопленными на шахтах Карагандинской области было добыто 11621,7 тонн угля [19, с. 19].

По данным, приводимым С.В. Елеухановой, в 1945 г. в тресте «Карагандауголь» работали 6 тыс. 489 человек, в тресте «Шахтстрой» - 1976 человек, в «Жилстрой» - 479 человек, «Металлургстрой» - 299 человек, «Желдорстрой» - 172 человека [32, с. 20].

Использование военнопленных на угледобывающих предприятиях призвано было решить стратегическую задачу обеспечения топливом страны. На период восстановления предприятий Донбасса, Карагандинский угольный бассейн должен был обеспечить предприятия и население углем, поэтому МВД СССР проявляло внимание ко всем проблемным вопросам стабильного функционирования угледобывающих предприятий. 31 марта 1948 г. на имя заместителя Министра внутренних дел СССР Серова И.А. была подана докладная записка. В этом документе указывалось, что с 1943 г. и по настоящее время военнопленные используются на шахтах, в которых из-за высокой концентрации газа и угольной пыли высока вероятность возникновения взрывов и пожаров. «В частности, из 11204 чел. военнопленных, работающих на шахтах комбината «Карагандауголь», 4130 чел. используются в 10 опасных по газу и пыли шахтах.

24 февраля 1948 г. на шахте №8/9 комбината «Карагандауголь» в результате воспламенения метана 9 человек военнопленных получили ожоги 2-й и 3-й степени. По сообщению МВД Казахской ССР №1666 от 8 марта 1948 г., «авторитетная комиссия, изучавшая условия работы в опасных по газу и пыли шахтах комбината «Карагандауголь», дала заключение о необходимости снять военнопленных с работы на этих шахтах». Далее предлагалось военнопленных на опасных объектах не использовать, а Министерству угольной промышленности произвести замену военнопленных другой рабочей силой [212, л. 205-206]. Конечно, данный документ не может трактоваться как акт проявления гуманизма со стороны МВД СССР по отношению к военнопленным. Дело, скорее, в государственной целесообразности. Безусловно, понимая всю неэффективность принудительного труда, органы государства стремились максимально обезопасить важные объекты от любых проявлений протеста. Работая на опасном объекте, военнопленные могли сознательно провести акт саботажа или даже диверсию, а остановка предприятия несла огромные убытки в сравнении, с которыми бесплатный труд военнопленных был ничем.

С 1946 г. результаты работы военнопленных Спасо-Заводского лагеря анализировались ежегодно (таблица 2) [87, с. 1049].

Таблица 2 - Трудовое использование военнопленных Спасо-Заводского лагеря за 1946-1949 гг.

Показатель	1946г.	1947 г.	1948 г.	1949г.
Среднесписочный состав военнопленных	26044	24817	23782	11 953
Трудовой фонд % к списочному составу	22837	20552	21 491	11 113

Вывод военнопленных на оплачиваемые работы % к трудовому фонду % к списочному составу	17850 78,1 68,5	16712 81,5 67,5	18191 84,6 76,4	9825 91,3 82,3
В том числе на основных объектах: «Карагандауголь» «Главкарагандашахтстрой»	- -	10159 4351	8593 6254	3976 5436
Занято на внутрилагерных работах % к списочному составу	1963 7,5	1439 5,8	872 3,6	419 3,5
Лагерная обслуга % к списочному составу	1452 5,5	1230 4,9	1069 4,4	520 4,3
Количество отработанных человеко-дней	5 556715	5 249029	5702 126	2 989 863
Валовая сумма выработки, тыс. руб.	95 378,6	119596,5	121 303,2	71 354,7
Фактические расходы на содержание военнопленных, тыс. руб.	74 498,5	101 538,9	122 109,5	58 605,9
Денежное вознаграждение, выплаченное военнопленным, тыс. руб.	4318,3	12245,3	22 360,7	15380,8
Выработка на 1 человеко-день, руб.	17,20	22,79	21,35	23,90
Количество повременщиков	1118	834	1981	1122
Временно не работало в том числе: по болезни до 1 месяца, из-за отсутствия объектов работ	1672	1121	1258	349

15 октября 1945 г. в Карагандинской области образован Балхашский лагерь №37 для военнопленных и интернированных. Данный лагерь принял 1448 японских военнопленных. Военнопленные использовались на работах на медеплавильном заводе, руднике «Коунрад». Часть военнопленных трудилась в ОСМУ-6, «Прибалхашстрое», имевшем в своем составе кирпичный, деревоотделочный заводы. Японцы занимались изготовлением шлаковых и гажевых плит, деталей деревянных конструкций для гражданского и промышленного строительства, других монтажно-строительных работах.

В октябре 1945 г. также на территории Карагандинской области был организован Джезказганский лагерь №39. Предназначен он был для японских военнопленных. Первоначально в лагере находились 1474 человека, которые проживали в бараках, построенных из бутового камня, и полуземлянках вместимостью 5000 человек. В 1946 г. японцев из лагеря вывезли и отправили в лагерь №37. После вывоза военнопленных восточных армий была проведена реорганизация. С этого момента в нем содержали «особо режимный контингент», который был завезен из разных лагерей СССР. С изменением статуса изменилось многое, включая режим охраны. Если ранее действовало

одно лаготделение, то теперь второе было расконсервировано. Кроме того, в соответствии с требованиями содержания «режимников», были усилены запретные, предупредительные зоны, увеличено количество постов, усилено электроосвещение за счет установки прожекторов, приведена в порядок звуковая сигнализация и оборудованы средства связи постов с гарнизоном. Охрану военнопленных по периметру зон и на производственных объектах нес 410 полк конвойных войск, а внутри лагеря - вахтерский состав лагеря. Для организации розыска бежавших из лагеря режимников были сформированы 5 бригад содействия в количестве 45 человек. Привезенные в лагерь военнопленные были крайне истощены. В документах лагеря отмечалось, что они оказались малопригодны для работы: «В общем трудовом фонде военнопленных 3 категории труда (сюда относились, как уже отмечалось, годные для выполнения легких физических работ) составляли до 50 процентов». Но для данной категории работы не было, и поэтому они находились в лагере. Поскольку завоз в лагерь осуществлялся постоянно, то лагерь оказался переполнен. «Они на протяжении всего 1947 г. хозорганом не поглощались из-за отсутствия фронта работ». Продовольственное снабжение лагеря осложнялось, поскольку он находился «на большом расстоянии от баз снабжения» [194, л. 25, 25 об., 26, 26 об.].

Указанное «весьма затрудняло своевременную доставку продовольствия и вызывало необходимость производить замену одних продуктов другими...».

На практике это означало то, что мясо, молоко заменяли яичным порошком, рис - разными крупами, сливочное масло - растительными жирами, крупы - мукой, картофель - сушеными овощами. Организация подсобного хозяйства в лагере себя полностью не оправдала, как объяснялось в документах, в связи с климатическими особенностями зоны. «Лагерь находится в зоне полупустыни Бетпак-Дала, пахотных земель и сенокосных угодий мало..». В 1946 г. с посевной площади 31 га «собрано и использовано на плановое снабжение (в тоннах): картофеля - 11,8, капусты - 39,0, свеклы столовой - 42,0, бахчевых - 15,0». Кроме того, лагерь имел стадо «крупного рогатого скота - 13, коз - 13, свиней - 2 головы». В силу вышеизложенного, неудивительно, что смертность военнопленных, и без того истощенных, росла из года в год: в 1945 - 14, 1946 - 120, 1947 - 140 человек. Дистрофия, туберкулез давали свыше 84% смертности [194, л. 25, 25 об., 26, 26 об.].

Трудоспособные военнопленные Джекказганского лагеря №39 обслуживали трест «Казмедьстой», работали на кирпичном заводе, песчаном карьере, на строительстве плотины и водопровода, были задействованы в жилищном строительстве города [19, с. 20].

Военнопленные активно использовались при строительстве Текелийского свинцово-цинкового комбината. Согласно приказу НК цветной металлургии СССР и НК по строительству №65/41 от 31 января 1945 года, строительство было поручено ОСМУ «Алтайстрой» [213, л. 1].

В связи с выделением строительству 3000 человек военнопленных, часть из которых должна поступить в первой половине июня, — «нами по согласованной схеме с Наркомцветметом форсируется постройка лагеря на базе

14 землянок барачного типа, освобождаемых нами под жилье лагеря. Наличие этой рабочей силы резко подымет работу ОСМУ-6» [213, л. 188].

Алма-Атинский лагерь №40 первоначально начал формироваться на территории Карагандинской области. В первой половине 1946 г. лагерь был передислоцирован в г. Алма-Ату. Большинство военнопленных этого лагеря были заняты на строительстве промышленных объектов г. Алма-Аты и на строительстве жилья. Учитывая мягкость климата, благоприятные условия для размещения, основной контингент лагеря №40 составляли японские военнопленные. Строили пленные японцы практически все крупные объекты города: трамвайное управление и депо, цеха завода им. Кирова, жилой фонд этого завода, старое здание аэропорта, участвовали в асфальтировании дорог и озеленении улиц.

Отдельно необходимо отметить участие японских военнопленных в строительстве здания Академии Наук Казахской ССР. Комплекс зданий Академии наук Казахской ССР - это грандиозный архитектурный ансамбль, который был начат в 1948 г. и построен в 1957 году. Исключительная заслуга возведения главного храма науки республики принадлежит первому президенту АН Канышу Имантаевичу Сатпаеву. К.И. Сатпаев занимался разработкой и формулировкой основных положений развития Академии в целом и отдельных ее научных учреждений в будущем, в частности, вопросом территориального размещения всего комплекса. Каныш Имантаевич предполагал, чтобы здание Академии отражало величие человеческой мысли, масштабность задач науки в республике. Генеральным проектировщиком комплекса стал выдающийся архитектор, академик Алексей Викторович Щусев, автор многих замечательных сооружений, в частности, Мавзолея В. И. Ленина в Москве.

Японцы участвовали в строительстве железнодорожной ветки Чу-Коскудук, проложенную в пустыне.

Японские военнопленные принимали активное участие в строительстве горно-химического комбината Каратау на территории Джамбульской области. 26 марта 1946 г. приказом по управлению строительства, спецконтингент военнопленных - 50 человек - к 28 марта переданы в управление комбината [214, л. 12].

Японцы имели достаточно тесные связи с местным населением поселка Чулак-Тау, где располагался лагерь. Руководство комбината категорически запрещало любые контакты с пленными. 18 мая 1947 г. был издан приказ №115 директора горно-химического комбината «Каратау», в котором, в частности, говорится: «По имеющимся сведениям, в последнее время участились случаи нарушения режима, установленного для военнопленных (японцев), например: некоторые рабочие ИТР и служащие без ведома управления лагерного отделения, и без разрешения охраны вступают в разговоры с военнопленными, покупают и продают предметы обмундирования, постельные принадлежности, спецодежду и другие предметы. В целях немедленного прекращения отмеченных нарушений режима приказываю: 1. Всем начальникам цехов-отделов путем персонального вызова предупредить весь личный состав цеха-отдела об ответственности за нарушение режима. 2. Обо всех нарушениях

режима немедленно докладывать мне для привлечения виновных к ответственности» [215, л. 227].

Трудолюбие и дисциплинированность японских военнопленных отмечалась очевидцами их работы на различных объектах не только в нашей республике, но и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Следует отметить, что в основной своей массе японцы были молодыми, здоровыми и физически полноценными людьми. К тому же армия приучила их стойко переносить трудности и лишения и быть дисциплинированными. Об их привычности к физическому труду свидетельствуют данные по довоенному социальному положению военнослужащих Квантунской армии. Самую многочисленную часть военнопленных составляли крестьяне (около 40%), процент рабочих достигает 30%. В плену оказались люди самых разных гражданских профессий - учителя, продавцы, железнодорожники, писари, священники, агрономы, повара, строители, связисты, механики, сварщики, шоферы, топографы, счетоводы, врачи, рыбаки, банковские служащие, садовники, фармацевты, парикмахеры, лесорубы, шахтеры, моряки и т.д. [216, с. 12].

Между тем на объектах ГУПВИ в Казахстане остро ощущалась потребность в специальностях штукатуров, каменщиков, плотников, бетонщиков, столяров, арматурщиков, забойщиков, бурильщиков, крепильщиков. Выход из создавшегося положения был найден в массовом производственном обучении. Как следует из документов, подготовка проходила по линии группового и индивидуального обучения на рабочих местах. Наилучшие результаты дало индивидуальное обучение, проводимое путем прикрепления обучаемых к кадровым рабочим. Срок обучения составлял от 1 до 3 месяцев. По истечении срока обучения на паритетных началах создавалась квалификационная комиссия, которая устанавливала тарифный разряд, характеризующий квалификацию, и направляла военнопленных на самостоятельную работу на те или другие участки работы. В дальнейшем, через определенный промежуток времени проводился производственный инструктаж на рабочих местах и инструктаж по вопросам техники безопасности и охране труда. Показательным, с точки зрения обучения военнопленных навыкам необходимой работы, является приказ по руднику им. Кирова комбината Джетыгарзолото от 29 мая 1946 г. №109. В этом приказе отмечается: «Для обучения бурильщиков из числа военнопленных в количестве 20 человек создать курсы техминимума по утвержденной программе. Срок окончания обучения установить 1 июля 1946 г.» [217, л. 136-136 об.]. Как следовало из текстов донесений, большинство военнопленных приобрели по одной и больше гражданских производственных профессий.

Эффективное использование военнопленных требовало наилучшей формы организации труда, от которой зависел рост производительности труда и выполнение производственно-финансового плана. Сложность задачи заключалась в том, что имелось большое количество самостоятельных объектов с разнообразным технологическим процессом и характером выполняемых работ, а также режимными соображениями.

В Усть-Каменогорском лагере №45 наилучшей формой организации

труда являлись комплексные бригады с индивидуальным учетом и бригадная организация с прямой индивидуальной сдельщиной. Интересно обоснование, которое давалось руководством лагеря. В документе по данному поводу говорится: «Эти виды организации труда: 1. Налагали ответственность военнопленных за выполнение производственных заданий и технических норм выработки. 2. Создавали заинтересованность военнопленных в работе и зарплате. 3. Способствовали поднятию производительности труда. 4. Давали возможность быстро выявлять плохо работающих и лодырей и применять к ним требуемые меры. 5. Ликвидировали и не порождали уравниловку в распределении заработка и воспитывали коллективную ответственность за выполнение норм выработки и качество работы. 6. Принятая организация труда быстро выявила хорошо работающих и давала возможность пропагандировать их методы труда, создавала все предпосылки и желания повышения квалификации. Позволяла осуществлять контроль за правильным трудоиспользованием контингента, подготовкой рабочих мест и устранением организационно-технических недостатков в работе» [218, л. 18].

В данном лагере низовой производственной единицей являлась бригада. Количественный состав бригады устанавливался от наличия фронта работ. Формирование бригады проводилось с учетом физического состояния военнопленных. От характера выполняемых работ зависел состав бригад. По профессиям бригады возглавлялись бригадирами, которые не являлись освобожденными от непосредственной работы в бригаде. Они являлись ответственными за выполнение заданий и норм выработки бригадой. Перед началом работы выдавались сменные наряд-задания, а в конце рабочего дня бригадиры совместно с руководителями участков хозорганов производили замер и определение фактически выполняемых объемов, исчисляли стоимость работы и производительность труда.

Производственный аппарат в лагерных отделениях принимал отчеты о проделанной работе за сутки от бригадиров, командиров рот и батальонов, и на основании исполненных сменных нарядов заданий, вел индивидуальный учет выполнения норм выработки каждым военнопленным и его заработка.

Руководство лагеря полагало, что на производительность труда влияло создание антифашистских производственных бригад и трудовое соревнование. Трудовое соревнование между бригадами и ротами шло под знаком выполнения и перевыполнения производственных заданий, лучшего и добросовестного отношения, качественного выполнения работ, максимального и рационального использования механизмов и оборудования и т. д. Для стимулирования производительности труда и выполнения производственных заданий за счет хозорганов были введены переходящие призы, которые вручались лучшим бригадам в конце смены непосредственно на рабочих местах.

Результаты бригад заносились на доски показателей, а передовики трудового соревнования по месячным итогам работы направлялись в Дом отдыха, организованный при 4-м лагерном отделении, и комнаты отдыха при лагерных отделениях. Для лучших производственников в столовых выделялись

отдельные столы, и они обслуживались в первую очередь.

Серьезных и ценных рационализаторских предложений и технических усовершенствований от военнопленных не поступало, так как среди них высококвалифицированных профессионалов и специалистов было ограниченное количество, и основная масса военнопленных приобрела профессии на технических предприятиях и стройках, где они работали. Высококвалифицированные военнопленные и специалисты большую помощь оказали при монтаже импортного и трофейного оборудования. В частности, большую инициативу в этом проявил в Зырянском рудоуправлении инженер-электромеханик 5-го лагерного отделения Сибуба [218, л. 22]. Среди немецких военнопленных также было довольно большое количество специалистов в области механики и техники.

География созданных для содержания военнопленных лагерей и лагерных отделений была обширной. Они были рассредоточены по всей территории Казахстана: от Петропавловска на севере до Алма-Аты на юге. Границы их распределения безошибочно указывают на центры активного развития экономики республики в военные и послевоенные годы. Эволюция сложной и запутанной системы лагерей УПВИ на территории Казахстана определялась, в первую очередь, постоянными изменениями численности пленных. Среди основных причин, оказывавших влияние на динамику численности военнопленных, основными были постоянные переброски военнопленных в рамках системы НКВД-МВД СССР и начавшаяся в 1946 году репатриация части пленных.

Национальный состав лагерей, размещенных на территории Казахстана, был разнообразным. В числе узников оказались военнослужащие практически всех воевавших против СССР армий, родов войск и различных возрастных групп. Безусловно, подавляющее большинство составляли представители двух этносов - немцы и японцы. Практически все военнопленные были трудоспособного возраста - от 18 до 45 лет. Широта национального состава военнопленных лагерей Казахстана стала отражением глобального процесса Второй мировой войны.

Важным вопросом является количество лагерей для военнопленных, располагавшихся на территории Казахстана. Существует несколько точек зрения на эту проблему. По данным, приводимым в сборнике документов «Военнопленные в СССР. 1939-1956» под редакцией М.М. Загорулько, на территории Казахстана в период с 1943 по 1949 годы существовало 13 лагерей для военнопленных (таблица 3) [87, с. 1029-1037].

Таблица 3 - Лагеря НКВД - МВД СССР для военнопленных и интернированных 1943-1949 гг.

Наименование лагеря	Номер лагеря	Существовал по состоянию на (число, месяц, год)						
		01.03. 1943	01.11. 1944	08.06. 1945	10.04. 1946	17.03. 1947	10.05. 1948	01.01. 1949
Пахта-Аральский	29	*	*	*	*	*	-	-

Балхашский	37	-	-	-	*	*	-	-
Джезказганский	39	-	-	-	*	*	*	-
Алма-Атинский	40	-	-	-	*	*	*	*
Усть-Каменогорский	45	-	-	-	*	*	-	-
Спасозаводской	99	*	*	*	*	*	*	*
Актюбинский	222	-	-	-	-	*	-	-
Гурьевский	262	-	-	*	-	-	-	-
Акмолинский	330	-	-	*	-	*	-	-
Лениногорский	347	-	-	-	*	*	*	*
Кантагский	348	-	-	-	*	*	-	-
Кзыл-Ординский	468	-	-	-	-	*	-	-
Лениногорский	528	-	-	*	-	-	-	-
Всего		2	2	5	8	11	4	3

В работах отечественных исследователей этой проблемы также нет единства во мнениях по поводу точного количества лагерей для военнопленных на территории республики.

По данным, приводимым Л.В. Михеевой, на территории Казахстана функционировали 14 лагерей для военнопленных, из них 4 лагеря находились в Центральном Казахстане [19, с. 18]. А.С. Алданазаров упоминает о существовании 32 лагерей военнопленных, где они содержались отдельно от врагов народа [219]. В 2008 г. Б.О. Жангуттин приводит данные о наличии в республике в период с июля 1941 г. по август 1949 г. более 14 лагерей для военнопленных [25, с 107-114].

В 2008 г. был опубликован путеводитель по местам содержания военнопленных Вермахта на территории бывшего Советского Союза. В этом сборнике, составленном на основе данных РГВА, даются уточненные данные мест расположения лагерей для немецких военнопленных на территории Казахстана (таблица 4) [125, с. 30-37].

Таблица 4 -Лагеря немецких военнопленных на территории Казахстана

Место расположения	Лагерь №	Время существования
г. Акмолинск	330	31.05.1945-10.10.1947 г.
г. Актюбинск	222	28.07.1944- 25.03.1948 г.
Южно-Казахстанская обл., Туркестанский р-н, рп. Кантаги	348	09.06.1945-19.09.1947 г.
г. Гурьев	260	26.09.1944-05.04.1949 г.
г. Гурьев	262	06.04.1945-30.12.1945 г.
Восточно-Казахстанская обл. г. Усть-Каменогорск ст. Защита	45	04.11.1945-04.10.1947 г.
г. Караганда	99	16.11.1944- 07.04.1950 г.
г. Кзыл-Орда	468	10.08.1946-25.06.1947 г.
г. Караганда г. Алма-Ата	40	05.09.1945-15.07.1948 г.

Восточно-Казахстанская обл. г. Лениногорск	347	09.06.1945-04.02.1948 г.
Карагандинская обл. г. Балхаш	37	05.09.1945- 31.03.1948 г.
Карагандинская обл. Карсақпайский р-н рп Дзезказган	39	05.09.1945-02.06.1948 г.
Южно-Казахстанская обл. Пахта-Аральский р-н	29	13.08.1943-15.10.1947 г.
Восточно-Казахстанская обл. г. Лениногорск	528	01.07.1945 г.-17.10.1945 г.
Карагандинская обл. нп Кок-Узек	505	10.03.1945-30.04.1945 г.
Южно-Казахстанская обл. г. Чимкент	42	05.09.1945-27.09.1945
г.Джамбул	47	05.09.1945-27.09.1945
Алма-Атинская обл. Талды-Курганский р-н. с. Талды-Курган	43	05.09.1945-27.09.1945

В данную таблицу не включено лагерное отделение №11 лагеря №40, организованное при ВСО войск НКВД Казахского округа. Место дислокации неизвестно, время существования - с 8 декабря 1945 г. по 7 января 1947 г. Если исходить от номера лагеря, то, возможно, это лагерное отделение находилось в г. Алма-Ате. Не указан также лагерь, организованный при ОПВИ МВД Казахской ССР. Место дислокации - г. Алма-Ата. По всей видимости, этот лагерь, наполняемость 350 человек, был организован в период репатриации военнопленных. Такой вывод можно сделать исходя из времени существования - с 1 января 1949 г. по 1 января 1950 г.

Требуют уточнения данные, представленные в п.9 таблицы. Общеизвестен факт, что лагерь №40 дислоцировался в г. Алма-Ате, но, судя по данным, опубликованным в 2008 г., формироваться он начал в г. Караганде [125, с. 31]. Определенная неразбериха в местах дислокации лагерей и времени их существования связана с постоянной передислокацией лагерей по территории республики. Кроме того, лагерные отделения некоторых лагерей находились от управления лагеря на расстоянии нескольких сотен километров.

Отдельно следует указать, что лагеря, указанные в п.15-18 таблицы, были временными и формировались для концентрации и последующего распределения военнопленных по территории Казахстана. К таким временным лагерям следует, по нашему мнению, отнести лагерь №505, расположенный в п. Кок-Узек Карагандинской обл. с 10.03.1945 по 30.04.1945 г., лагерь №42, дислоцированный в г. Чимкенте с 05.09.1945 по 27.09.1945 г., лагерь №47, расположенный в г. Джамбул с 05.09.1945 по 27.09.1945 г. и, наконец, лагерь №3, располагавшийся в с. Талды-Курган Талды-Курганского района Алма-Атинской обл. в период с 05.09.1945 по 27.09.1945 г.

Опираясь на опубликованные уточненные данные, можно сделать вывод, что общее количество лагерей на территории Казахстана было более 14

(Приложение А). Вопрос о точном количестве лагерей для военнопленных остается открытым и требует дальнейшего детального изучения.

Лагеря для военнопленных изначально создавались как производственные, поэтому все зоны лагерных отделений организовывались на базе помещений, предоставляемых предприятиями и организациями, за которыми закреплялись военнопленные как рабочая сила.

В период массового поступления пленных на территорию республики в 1945-1946 гг. хозяйственные организации оказались не готовы к их приему и размещению. Поэтому зоны строились и укомплектовывались оборудованием в крайней спешке, жилые помещения для военнопленных и зачастую для персонала не соответствовали установленным санитарным нормам. Часто бывало, что лагерное отделение представляло собой территорию, наспех огражденную колючей проволокой, на которой разбивались палаточные городки. Имелись отделения, где военнопленные размещались в землянках и полуземлянках.

Не все военнопленные, попавшие в лагеря, мирились со своей участью. Некоторые из них отказывались работать, ломали и выводили из строя оборудование, другие, чтобы быстрее попасть домой, наносили себе увечья. По мнению А.Л. Кузьминых, формы протеста и сопротивление лагерной администрации можно разделить на активные и пассивные. К числу активных форм сопротивления можно отнести саботаж и диверсии [220, с. 169- 173].

Выявлением военнопленных, совершавших подобные действия, занимались особые отделения, сообщая информацию в Оперативное управление ГУПВИ, которое затем докладывало о наиболее характерных фактах враждебных действий со стороны военнопленных в МВД СССР. МВД, в свою очередь, издавало директивы по борьбе с вредительством и саботажем в лагерях. По отношению к таким военнопленным принимались судебные меры. Только за 1946 - первый квартал 1947 г. за вредительство и саботаж на производстве были арестованы 703 человека, из которых к 1 апреля 1947 г. 583 были осуждены на различные сроки. К 1 января 1949 г. число осужденных за саботаж и вредительство увеличилось до 1108 человек [220, с. 176 -180].

В лагерях на территории Казахстана военнопленные также выражали протест против администрации. В директиве МВД СССР №163 от 20 июня 1946 г. предписывалось усилить агентурно-оперативную работу среди военнопленных. В этом документе в качестве примера сложной ситуации приводятся непосредственные факты противоправной деятельности контингента лагерей. В ориентировке, в частности, имеются такие факты: «В лагере МВД №40 (Казахская ССР) была обнаружена и изъята листовка на японском языке, призывающая японских военнопленных быть верным захватническим идеям японского империализма. Расследованием установлено, что листовка была написана писарем роты военнопленным японцем Фудисадо под диктовку военнопленного командира роты, капитана японской армии Накагава. Допрошенный Накагава в выпуске указанной листовки признался и показал, что, учитывая проявления у солдат демократических настроений, он преследовал этим цель призвать их к верности японскому империализму и

сохранению японского воинствующего духа. Накагава МВД Казахской ССР арестован» [221, л. 208].

В другом документе также упоминается Алма-Атинский лагерь №40, видимо, недостатки в оперативной работе с военнопленными здесь имели постоянный характер. «Военнопленный японской армии капитан Табата, содержащийся в лагере №40 (Казахская ССР), проводил работу, направленную на снижение производительности труда военнопленных. Перевыполняющим нормы выработки не выдавал продукты питания, притом избил двух военнопленных за то, что они систематически перевыполняли производственные задания» [222, л. 166].

В Кировском рудоуправлении комбината Джетыгарзолото Кустанайской области был обнародован приказ №57 от 25 марта 1946 г., в котором говорилось: «За последнее время на государственных работах шахты «Центральная» имеют место случаи умышленной порчи бурового оборудования, как то: пробивка шлангов, подкладка в перфораторы инородных тел, забивка глиной воздушных труб, что приводит к простоям машин, преждевременному выводу из строя оборудования и к срыву плана золотодобычи. Во избежание подобных явлений, граничащих с преступлением, приказываю: Среди всего наемного состава шахты, допущенного до совместной работы с военнопленными, провести разъяснительную работу об усилении бдительности за военнопленными. Бригадиров из военнопленных перевести на физические работы по сдельной оплате согласно выполняемой ими работы. Просить начальника 4-го лагерного отделения тов. Ярового о выделении из состава гарнизона военнослужащих бригадирами над военнопленными» [223, л. 58].

Следующей формой активного протеста был побег из лагеря. Безусловно, военнопленные должны были осознавать, что побег является мероприятием весьма рискованным, почти безнадежным. Бежать без знания языка, местности, больному или ослабленному военнопленному было практически невозможно. Как правило, побег совершался из лагерей, находившихся в европейской части СССР и на Дальнем Востоке. В марте 1947 г. по всем лагерям, в которых содержались военнопленные и интернированные, была разослана секретная директива МВД СССР с требованием укрепить режим содержания и охраны военнопленных. Связано это было тем, что в ряде лагерей европейской части СССР и Прибалтики сложилась неблагоприятная обстановка с побегами военнопленных. В этом документе говорилось: «Охрана военнопленных в большинстве лагерей за зимний период значительно улучшилась. Побег резко сократился, а розыск и задержание беглецов стали проводиться более организованно. Наряду с этим имеются лагеря, в которых побег военнопленных не прекращаются, а розыск и задержание беглецов организованы плохо». В целях недопущения побегов военнопленных в весенне-летний период и обеспечения успешного розыска бежавших было предложено до 15 апреля 1947 г. рассмотреть и утвердить перечень всех производственных объектов, на которых предполагается использование военнопленных, расстановку и количество рабочих бригад по каждому производственному

объекту, а также систему и количество необходимой охраны, исходя из имеющегося боевого состава конвойных войск.

При открытии новых лагерных отделений, в соответствии с приказами МВД СССР, предусматривалось высылать на места представителей отдела режима, производственного отдела и частей конвойных войск для определения системы и методов охраны с последующим утверждением этих планов руководством МВД-УМВД. Целесообразно было обеспечить максимальный вывод на работы военнопленных, составляющих трудовой фонд, и правильное их использование на производстве. Специальными комиссиями проверялась система охраны военнопленных по каждому лаготделению. Требовалось организовать охрану военнопленных как в зонах, так и на работах, исключаящую всякую возможность совершения побегов и общения с местным населением.

Предусматривалось ежедневное дежурство офицеров лагеря для проверки правильности несения службы нарядом по охране военнопленных как в зонах, так и на производстве. Офицерам конвойных войск было приказано чаще проверять службу лиц наряда, особенно на работах в ночное время. Пересматривалась расстановка офицерского, вахтерского состава лагерей на предмет усиления неблагополучных лаготделений по побегам более энергичными, опытными офицерами и вахтерами. Начальники гарнизонов разрабатывали, а начальники лаготделений утверждали ежедневно планы охраны зон лаготделений и выводимых на работы военнопленных.

При каждом лагере, лаготделении из личного состава лагерей и гарнизонов конвойных войск создавались постоянные оперативные группы для преследования и задержания беглецов, подготавливали их к специальной службе по розыску и изучению возможных направлений побегов военнопленных [224, л. 240-242].

Пассивными формами протеста военнопленных были голодовки и лишение себя жизни. Голодовки военнопленных – явление уникальное, известны случаи отказа от пищи в офицерских лагерях, где и режим содержания был более легким, и нормы выдачи продовольствия были повыше. Наиболее часто к этой форме протеста военнопленные прибегали в конце плена, в период репатриации. Попытки суицидов среди военнопленных не были редкостью. Психологический кризис, с которым связывалось пленение, физическое и моральное истощение, давление со стороны лагерных властей или своих товарищей - вот неполный перечень факторов, влияющих на военнопленного, решившего покончить счеты с жизнью. Нередко самоубийство как способ решения всех проблем выбирали лица, изобличенные в совершении военных преступлений, зверств на оккупированной территории, страшась справедливого суда и возмездия. 10 июня 1949 г. было распространено распоряжение МВД СССР №371 «О предотвращении случаев самоубийств военнопленных». В этом документе отмечалось, что участились случаи самоубийств военнопленных, изобличенных в совершении преступлений против СССР. Так, например, оперотделом лагеря МВД №99 (Казахская ССР) велось следствие в отношении военнопленного Хоак Отто по обвинению его в

расстрелял советских граждан. 3 мая 1949 г. после проведенной очной ставки между Хоаком и свидетелем, военнопленным Ройке, в результате которой последний изобличил Хоака в преступной деятельности, Хоак был водворен в изолятор. Однако, дежурный офицер, мл. лейтенант Зеленев, самовольно выпустил Хоака из изолятора на ночь в зону. Хоак воспользовался этим и утром 4 мая повесился [225, л. 12-13]. Этот случай, конечно, не был типичным явлением, но был далеко не единичным.

Для нормализации обстановки в лагерях, предупреждения попыток активного и пассивного сопротивления военнопленных необходим был комплекс мер. В первую очередь, МВД развернуло, еще в годы войны, широкую агентурную сеть среди военнопленных. Данная оперативная работа велась в сложной обстановке. Военнопленные, в основной массе, крайне негативно относились к потенциальным предателям. Полученная в годы войны информация от военнопленных тщательно систематизировалась, анализировалась и направлялась в Генштаб для использования при проведении боевых и иных операций.

Помимо оперативной работы большое значение придавалась идеологической обработке военнопленных. Начиная с 1942 г. среди военнопленных немецкой армии проводилась разъяснительная и политико-воспитательная работа, призванная увеличить число контингента, сотрудничающего с администрацией. Поощрялось создание в лагерях различных антифашистских организаций из числа самих пленных. Первоначально количество участников этих организаций было небольшим, но после Сталинградской битвы и разочарования части военнослужащих в фюрере количество антифашистов увеличилось.

К середине 1943 г. антифашистское движение военнопленных приобрело такие размеры, что могло быть использовано для разложения тыла и фронта противника. В 1943-1944 гг. УПВИ совместно с Главным политуправлением Красной армии велась активная работа по созданию антифашистских организаций военнопленных разных национальностей: Национального комитета «Свободная Германия», Союза немецких офицеров, Румынского национального блока, Венгерского национального комитета, Союза Гарибальдийцев, Антифашистского бюро австрийских военнопленных [226, с 117]. Члены этих организаций имели серьезное послабление в режиме содержания.

Советское правительство приняло решение о создании антифашистской организации, которую первоначально предполагалось назвать «За свободную Германию». На специальной Учредительной конференции в подмосковном лагере №27 была создана антифашистская организация Национальный комитет «Свободная Германия» [227, с. 290-299]. Костяк этой организации составляли пленные старшие офицеры и некоторые генералы вермахта.

В лагерях, где содержались военнопленные японской национальности, идеологическая работа также была важной составляющей повседневной жизни. Во время нахождения в плену лагерным руководством были созданы все условия для того, чтобы заключенные впитали коммунистические идеалы, а

позже, после возвращения в Японию, они стали «агентами влияния» Советской коммунистической системы в Японии. Идеологическая работа с японскими военнопленными в местах их заключения велась с широким размахом. Для этого использовались газеты, радио, непосредственное общение с коллективами военнопленных и личные беседы. Было так, что при полном отсутствии информации о родине и близких, японцы, сами того не желая, поддавались идеологическому воздействию, просто вслушиваясь в родную речь, читая тщательно подготовленные администрацией тексты на японском языке. Идеологическое воздействие частью японцев воспринималось крайне негативно. Они категорически отвергали любые попытки, направленные на переоценку их системы ценностей, в которой главное место занимал император и этика самураев, их не устраивали последующие наказания. Были и те, кто с пониманием отнесся к коммунистической пропаганде. А те, кто открыто приветствовали достижения советского строя, получали различные поощрения.

В июле 1946 г. была разрешена переписка военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее. Пересылка почтовых отправок военнопленным семьям в Японию, Маньчжурию и Корею, а также почтовых отправок из Японии, Маньчжурии и Кореи для военнопленных, находящихся в СССР, осуществлялась бесплатно простой почтой через почтовую связь Министерства связи СССР. Устанавливалась специальная «почтовая карточка военнопленного» с обратным ответом.

Каждому военнопленному японцу, находящемуся в СССР, разрешалось отправить своим родственникам в Японию, Маньчжурию и Корею 1 письмо в 3 месяца. В качестве меры поощрения для военнопленных японцев, перевыполняющих нормы выработки, являющихся примерными на работах, а равно по оперативным соображениям, начальникам лагерей предоставлялось право разрешить отправку 2 писем в 3 месяца.

За систематическое нарушение лагерного режима, другие проступки военнопленные японцы могли лишаться права переписки с их семьями сроком от 3 до 5 месяцев. Переписка проверялась военной цензурой почтового отправления, после чего ставился штамп «Проверено военной цензурой».

Подлежали конфискации как входящие, так и исходящие письма военнопленных: антисоветского и профашистского содержания; с изложением данных о месте дислокации промышленных объектов и характере выполняемой работы военнопленным; с указанием отправителем сведений о других военнопленных, содержащихся в лагерях, спецгоспитале, рабочем батальоне, а также умерших за время пребывания в плену. Все почтовые отправления без указанных штампов цензуры подлежали обязательной проверке переводчиками оперативных отделов лагерей [127, с. 351-355].

Собственно, благодаря цензуре можно сегодня судить о содержании писем, которые направлялись японцами домой. Военнопленный Масунага Тосизоки писал родственникам в г. Фукуи: «Благодаря доброму отношению Советской армии к нам, мы не испытываем недостатка продуктов питания, как другие на родине. До пленения с нами обращались, как с ломовыми лошадьми, и мы ничего не знали. Теперь же, попав в эту демократическую страну, многое,

что я вижу, вызывает у меня большой интерес. Тут нет привилегированных классов, а потому весь народ смотрит на будущее с надеждой. По возвращении на родину я думаю принять участие в демократическом движении и бороться за счастье народа».

Военнопленный Такасира Невору - родственникам в г. Токио: «Советское командование очень доброжелательно относится к нам. Раз в неделю нам обязательно показывают кинофильм, у нас имеется своя самодеятельность. Каждый день кушаем рис. Вообще, Советский Союз совсем не такое опасное государство, как нам объясняли в Японии. По возвращении в Японию я буду стараться проводить в жизнь все ценное, чему научился в Советском Союзе».

Военнопленный Сато Гонан - родственнику Сато Коремон в деревню Такакура: «Благодаря хорошему отношению русских, я вполне здоров, а поэтому за меня не беспокойтесь. О положении в Японии за этот период мне известно из правдивой газеты «Ниппон Симбун». Сейчас я изучаю путь, по которому надо будет идти при возвращении на родину. Для восстановления Японии надо создать народное правительство - правительство трудящихся, которыми являемся мы. Когда я припоминаю будни трудящихся крестьян Японии, то, действительно, положение их оказывается глупым. То, что трудящимся приходилось тяжело жить, а не работающие, имеющие средства, жили богатой жизнью, - было неправильно. В будущем при создании в Японии правительства трудящихся впервые появятся свет и жизнь для трудящихся».

Военнопленные Номуро Сеутаро, Муросики Чуудзи и Кобаякаво Кему – в адрес компартии Японии в г. Токио: «Товарищи единомышленники из коммунистической партии, боритесь за построение новой Японии. Мы отовсюду поддерживаем японскую компартию. Долой правительство Теноо. Построим народное республиканское правительство» [228, л. 208-211].

Эти письма японских военнопленных полны оптимизма и надежды на скорое освобождение. По всей видимости они были написаны в результате мощной идеологической работы администрации лагерей. Но не все военнопленные были настроены столь благодушно. В приводимых ниже письмах сквозит отчаяние и разочарование.

Военнопленный Арай Казумакса - родственникам в Японию: «Когда я жил дома, весь мой быт (пища, одежда и т.д.) был полон роскоши, но если сравнить его с моей теперешней жизнью, то приходится говорить, что если судьба позволит и я вернусь, то мое пребывание здесь будет хорошим испытанием. Горести, которые я испытываю днем и ночью, способствуют появлению в мыслях воспоминаний о прежней жизни...».

Военнопленный Митоми Кэндзи - родственникам в г. Осака: «Живу очень плохо, на здорового человека я несколько не похож и превратился в половину того, что было. Кроме того, обмундирование и обувь мне велики и выгляжу как карикатура. Вообще, жизнь очень тяжелая, и я с нетерпением жду того дня, когда опять все станет таким, каким было прежде».

Военнопленный Ояма Тораро - родственникам в Японию: «Вот уже два года со времени проигрыша войны я нахожусь на этой земле. Пища и одежда нам дается такая, что хуже не может и быть».

Военнопленный Уэмацу Кан - родственнику Уэмацу Хачиман, Япония, префектура Яманаси: «Я вот здесь встречаю уже второй новый год. Рисовые лепешки кушаю только во сне. Тут невообразимый холод. Кормят нас главным образом твердым черным хлебом, кислой картошкой и гаоляном. Не знаю, сколько это может продолжаться, но я живу верой, что придет тот день, когда исполнятся мои желания. Вручив себя в руки судьбы и абсолютно не реагируя на трудности работы, мы терпеливо трудимся...».

Военнопленный Сасаки Котоо пишет Камэй Чиэн, префектура Симанэ: «В данное время мы обеспечены плохо, ходим всегда голодные. Здоровье сильно ослабло. Так что представьте наше настроение» [228, л. 212-214].

Воспоминания военнопленных свидетельствуют о том, что они объективно оценивали свое положение, отчетливо осознавали, что тяготы повседневной лагерной жизни определялись, прежде всего, тяжелой социально-экономической ситуацией в стране.

Использование военнопленных в системе принудительного труда не длилось бесконечно долго. Начиная с 1946 г. количество военнопленных в производственных лагерях неуклонно сокращалось. В этой связи ГУПВИ старалось максимально использовать имеющийся контингент для решения первоочередных задач. В 1948-1949 гг. перемещения военнопленных по территории республики происходили довольно часто. Таким образом, МВД СССР пыталось «затыкать дыры» в строительстве объектов народного хозяйства. Результаты трудового использования военнопленных на территории Карагандинской области приводит в своей работе Л.В. Михеева. По ее данным, широкое использование труда военнопленных, содержащихся в лагерях Центрального Казахстана, началось в конце 1944 - начале 1945 гг.; военнопленные в основном использовались на работах в угольной, металлургической промышленности и строительстве; труд военнопленных был малоэффективным в военные годы и сразу после окончания войны. Это было связано прежде всего с тем, что в обстановке военного времени советскому государству было сложно обеспечить пленных в полном объеме нормальным питанием, медицинским обслуживанием и т.д., а ослабленным военнопленным было трудно работать с высокой производительностью. Однако, начиная с 1947-1948 гг. производительность труда военнопленных стала расти и к 1949 г. достигла наибольших результатов. К этому времени лагеря для военнопленных и интернированных добились полной рентабельности [19, с. 14].

Многочисленные экономические факторы производства все более погружали МВД в подсчеты рентабельности, себестоимости, издержек и т.п. В апреле 1947 г. Центральным финансовым отделом МВД СССР была подготовлена справка о средней стоимости содержания одного военнопленного в лагерях ГУПВИ МВД СССР. Документ имел гриф «Совершенно секретно». В справке проанализированы затраты на содержание военнопленных до 16 сентября 1946 г. и после 16 сентября 1946 г. Исходя из предоставленных данных можно сделать вывод, что по большинству позиций расходы на содержание военнопленных после 16 сентября 1946 г. остались без изменений. К примеру, на вещевое довольствие в месяц на одного военнопленного

приходилось 19 рублей 48 копеек, премиальное вознаграждение – 16 рублей 13 копеек, культурные расходы – 0,43 рубля в месяц и т.д. Возросли более чем в 2 раза расходы на питание со 110 рублей 21 копейки до 267 рублей 44 копеек в месяц на одного заключенного. Также возросли расходы на содержание аппарата лагерей, содержание конвойной охраны. В целом, после 16 сентября 1946 г. расходы на месячное содержание одного военнопленного в лагерях увеличились с 228 рублей 53 копеек до 414 рублей 51 копейки [229, л. 250].

Примечательны данные о рентабельности лагерей НКВД-МВД, которые, безусловно, должны быть еще критически уточнены с учетом традиционной фальсифицированности советской бухгалтерии и статистики. Из них с очевидностью следует, что даже по официальной отчетности и даже в лучшие годы, когда дефицит рабочей силы еще не душил ее - лагерная экономика находилась, по крайней мере, на зыбкой грани рентабельности.

Что же касается послевоенного периода, то можно говорить, что военнопленным и интернированным в эти годы принадлежала роль основного мобильного трудового ресурса советской экономики. Понимая всю условность советской экономической статистики, приведем данные, которые помогают представить хотя бы долю пенитенциарного принудительного труда в экономике СССР того времени. Только за 1947 год заработок военнопленных в системе ГУПВИ МВД составил 4,8 миллиарда рублей, а произведено ими материальных ценностей было на 10 миллиардов рублей [230, л. 70.].

Понятно, что принудительный труд в разной степени затрагивал отрасли хозяйства: где-то он лежал в основе самой технологии, где-то практически не использовался. Но, имея в виду, чрезвычайно высокую степень милитаризации советской экономики (по разным оценкам, до 80 процентов валового национального продукта), а также широкое распространение «двойных технологий» (когда, например, вагоностроительный завод производил не столько вагоны метро, сколько военную технику), следует заключить, что практически все основные отрасли советского хозяйства были нацелены на массовое применение принудительного труда.

Суровые климатические условия основных добывающих регионов СССР, создание новых промышленных районов в отдаленных территориях страны, жесточайшая нехватка железнодорожных и шоссейных дорог, наконец, масштабное военное строительство – все это только обостряло потребность советской экономики в дешевой рабочей силе.

Отсутствие в арсенале советского хозяйства подлинно экономических методов развития предопределяло широкое применение так называемых «внеэкономических методов», лежавших в основе ГУЛАГа и ГУПВИ. «Живой труд всегда был главным ресурсом лагерной экономики, и дефицит рабочих рук приводил ее на грань катастрофы», – заключают исследователи. «В последние годы правления Сталина МВД превратилось в универсальную «палочку-выручалочку»: при появлении новой задачи или обострении положения на уже действующем производстве стандартом стала передача ему соответствующих работ. При постановке задач на высшем государственном уровне игнорировалась не только их экономическая целесообразность, но нередко, и

сама возможность их выполнения в отведенные сроки при имевшихся ресурсах» [231, с. 68-79].

Сама система принудительного труда была построена на многочисленных приписках и злоупотреблениях. Об этом, кстати, говорится в распоряжении МВД СССР №380 от 10 декабря 1946 г.: «Выявлены случаи, когда работники лагерей МВД для военнопленных и лагерных отделений, в целях получения премиального вознаграждения, по приказу НКВД СССР №388 1945 г. в отчетах приписывают количество военнопленных, выводимых на контрагентские работы, завышают численность контингента, выполняющего нормы выработки, при комиссовании военнопленных умышленно занижают 1-ю группу физтруда и переводят эту категорию военнопленных во 2-ю группу физтруда. В связи с этим предлагается:

1. Министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям в месячный срок произвести повсеместную проверку в лагерях МВД для военнопленных и лагерных отделениях правильности применения приказа НКВД СССР №388 1945 г.

2. Лиц, виновных в искусственном завышении производственных показателей по трудоиспользованию или занижении физического состояния контингента в целях незаконного получения премиального вознаграждения, привлечь к строгой ответственности, а неправильно полученные руководящим составом лагерей и лаготделений суммы премиального вознаграждения взыскать и внести в доход госбюджета» [232, л. 224-225].

С самого начала создания экономической системы ГУПВИ ведомство столкнулось с тяжелым финансовым кризисом. Постановление СМ СССР №1518 от 9 июля 1946 года установило, что «средства, получаемые МВД СССР от использования труда военнопленных, должны обращаться на покрытие расходов по содержанию военнопленных», и установленное постановлением ГКО №8921сс от 4 июля 1945 г. бюджетное финансирование лагерей военнопленных было отменено, таким образом, лагеря МВД для военнопленных переведены на самокупаемость.

Переходя на самокупаемость лагерей, становясь хозяйствующим субъектом, МВД, как и остальные хозяйствующие субъекты, столкнулось с проблемой госпоставок. Создав в течение 1945-1946 годов при лагерях военнопленных подсобные сельские хозяйства и не имея особенных надежд на исполнение «плановых» госпоставок, 4 июля 1946 года МВД выступило с инициативой ограничить централизованное «плановое снабжение» за счет подсобных хозяйств лагерей. Лагерное производство было низкоэффективным. К 1949 г. общий план накоплений УИТЛК Казахской ССР составил 49644 тыс. рублей, а был выполнен лишь в размере 22987 тыс. рублей. Или на 46,3 процента. План накоплений от реализации промышленной продукции был выполнен на 70,3 процента, от реализации продукции растениеводства – на 12,8 процента, от животноводческой продукции – на 49,4 процента. Перечисления денежных средств ГУЛАГу составили всего 43,7 процента плана, тогда как дотации от центра были получены в размере 189 процента к плану [233, л. 129].

Сосредоточившись на выживании и межведомственной борьбе, система ГУЛАГа - ГУПВИ, из экономических соображений репатрируя поначалу больных и престарелых, а затем, репатрируя здоровых из политических соображений, испытывала жесточайший дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной. Круглов говорил: «Мы должны понимать, что базировать ряд отраслей народного хозяйства, которые находятся в министерстве, только на заключенных нельзя... Когда у нас была валовая работа, земляные работы, тогда нужны были заключенные, а сейчас мы имеем дело с первоклассной техникой» [234, с. 243-244]. Кризис всей лагерной экономики особенно остро стал осознаваться с середины 1950 г.

Необходимо отметить, что и центральные и местные органы осознавали, что система находится в кризисе, но изменить ситуацию они просто не могли. Ярко характеризует этот тезис выдержка из протокола 2-ой партийной конференции ИТЛ и К МВД Казахской ССР, состоявшейся 9-12 января 1947 г. В ней говорится: «Отрицательным фактором в работе всех промышленных колоний является на сегодня отсутствие должного внимания важному экономическому фактору производства – росту производительности труда. В результате чего во всех промышленных колониях выполнение и перевыполнение производственных планов шло в значительной степени не за счет роста производительности труда, а в основном за счет увеличения числа работающих» [235, л. 235]. Это высказывание можно в полной мере отнести и к лагерям ГУПВИ на территории Казахстана. Кризис всей организации принудительного труда был системным и со временем только углублялся.

Таким образом, главными причинами кризиса системы принудительного труда Казахстана являются непомерно большая себестоимость принудительного труда в сравнении с наемным, а также состояние лагерей, в которых не были созданы нормальные социально-бытовые условия для продуктивной деятельности контингента.

2.2 Деятельность батальонов интернированных – мобилизованных в 1945-1946 гг.

Экономическое положение СССР, пережившего суровые годы войны, было исключительно тяжелым. На большей части Европейской территории страны были полностью разрушены города и села, уничтожены промышленные предприятия, разорено сельское хозяйство.

В ходе изнурительной четырехлетней войны советский народ потерял около 27 миллионов человек, большую часть которых составляло трудоспособное население. Миллионы людей были оторваны от родных мест и переселены в тыловые районы страны, где им пришлось вновь возводить промышленные предприятия, работая по 14-16 часов в сутки, испытывая трудности и муки из-за голода, отсутствия жилья, предметов первой необходимости и медикаментов. Советские граждане зачастую питались хуже

военнопленных, у которых был хотя и скудный, но гарантированный паек и бедное, но регулярное медицинское обслуживание.

В 1945 г. кроме труда военнопленных, содержащихся в лагерях ГУПВИ, применялся труд гражданских лиц, перемещенных по воле победителей на территорию СССР и, в частности, Казахстана. Сложившаяся в период Великой Отечественной войны объективная ситуация не позволяла ограничиваться пленением только лишь военнослужащих регулярной армии агрессора. Известно, что отступавшие войска, карательные и диверсионные органы противника подготавливали на оставляемой ими территории крупные формирования из числа своих пособников и агентов, которым вменялось в обязанность продолжение сопротивления любыми доступными средствами. Поэтому в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу продвигающейся Советской Армии было интернировано большое количество гражданских лиц, служащих администрации, военных и гражданских специалистов, арестованных функционеров низовых нацистских партийных организаций.

Интернирование в международном праве - это принудительное задержание иностранных граждан воюющим или нейтральным государством во время вооруженного конфликта. Интернирование применяется, главным образом, в отношении граждан одной из воюющих сторон, проживающих постоянно или находящихся временно на территории другой воюющей стороны.

Правовое положение интернированных на территории Советского Союза определялось Положением о военнопленных от 1 июля 1941 г. Положение не делало различия между правовым статусом военнопленных и интернированных лиц. В статье 1 этого документа указывается: «Военнопленными признаются лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР» [127, с. 37].

Постановление ГКО от 16 декабря 1944 г. №7161сс предусматривало: «Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте: мужчин - от 17 до 45 лет, женщин - от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденной Красной Армией территории Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии» [88, с. 34].

Мобилизации подлежали как немцы немецкого гражданства, так и немцы граждане Румынии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Чехословакии. «В целях пресечения попыток совершения терактов и проведения диверсионной работы со стороны немцев, оставляемых немецким командованием в тылу продвигающихся частей Красной Армии», постановлением ГКО 3 февраля 1945 г. №7467сс дополнительно была предусмотрена мобилизация и интернирование всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, находившихся в тылу 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов (Верхняя Силезия и Восточная Пруссия).

Во исполнение указанных постановлений ГКО в январе-апреле 1945 г. в СССР было завезено 208239 интернированных (мобилизованных) немцев и лиц

других национальностей, в их числе 157101 мужчина и 51138 женщин. Интернированные были сведены в 221 рабочий батальон численностью по 750, 1000, 1250 и 1500 человек [88, с. 34]. Эти данные требуют уточнения, так как австрийский исследователь проблемы С. Карнер приводит цифру в 188572 человека, из них 51138 женщин [78, с. 261].

Прибывшие контингенты интернированных попали под контроль ГУПВИ. В связи с этим 20 февраля 1945 г. по приказу НКВД СССР №00100 в составе ГУПВИ было организовано два управления: Управление по делам военнопленных (начальник — комиссар госбезопасности Н.Т. Ратушный) и Управление по делам интернированных и мобилизованных (начальник — комиссар госбезопасности С.И. Шемена) [236, л. 252-253].

Все интернированные европейских национальностей были распределены на 2 группы. В группе «Г» были «мобилизованные», которые были сформированы в рабочие батальоны и переданы в систему принудительного труда СССР на объекты угольной промышленности, а также черной и цветной металлургии. Во второй группе «Б» были вывезены арестованные немцы, которые относились к числу административных служащих рейха, члены национал-социалистической партии и др.

Согласно постановлению ГКО от 29 ноября 1944 г. №7252сс, интернированные немцы, завезенные из Румынии, Венгрии и Югославии, были направлены на работу на предприятия Наркомугля, Наркомчермета и Наркомцветмета. Интернированных в Верхней Силезии и Восточной Пруссии постановлением ГКО от 3 февраля 1945 г. №7467сс было разрешено НКВД СССР направлять наркоматам и предприятиям, нуждающимся в рабочей силе и имеющим возможность обеспечить прием, размещение и их трудовое использование. В соответствии с этим интернированные были распределены по предприятиям различных наркоматов СССР.

Наркоматы, которым выделялись интернированные, обязаны были, согласно постановлениям ГКО от 29 декабря 1944 г. №7252сс и от 3 февраля 1945 г. №7467сс, командировать в места прибытия интернированных немцев своих представителей для проведения всех мероприятий, обеспечивающих прием, размещение и трудовое использование интернированных. Кроме того, эта работа в областях была возложена на комиссии под председательством секретарей обкомов, в составе председателей облисполкомов, начальников УНКВД и представителей соответствующих наркоматов. В остальных областях секретари обкомов обязаны были оказать содействие наркоматам в приеме, размещении и трудовом использовании интернированных. Постановлением ГКО от 16 декабря 1944 г. №7161сс было предусмотрено формирование из интернированных особых рабочих батальонов по 1000 человек в каждом. Согласно постановлению ГКО от 3 февраля 1945 г. №7467сс численность батальонов определена в 750-1500 человек [237, л. 2].

Обеспечение интернированных немцев питанием, спецодеждой, промтоварами, жильем, топливом, хозяйственным транспортом, культурно-бытовыми мероприятиями, кухонным и столовым инвентарем, постельными

принадлежностями, а также охрана их возлагалась на наркоматы, получившие интернированных немцев в качестве рабочей силы.

Материальное содержание офицерского состава батальонов также возлагалось на эти наркоматы. Батальон являлся штатной организацией соответствующего наркомата – потребителя рабочей силы – и находился в полном подчинении и на полном содержании этого наркомата.

Медико-санитарное обслуживание интернированных возлагалось на органы Наркомздрава. На НКВД был возложен контроль за охраной, режимом содержания, материально-бытовым обеспечением, санитарным обслуживанием и трудовым использованием интернированных.

Подавляющее большинство интернированных из стран Европы были размещены в европейской части страны. Более 3/4 всех интернированных были направлены в Сталинскую (Донецкую) область и соседние области Украинской ССР. Рабочие батальоны использовались в основном на угледобывающих предприятиях, металлургических и нефтехимических заводах.

Процесс интернирования коснулся не только граждан восточной Европы, таким же образом, на территорию СССР были интернированы люди с востока континента. Важно отметить, что японцы, оказавшиеся в плену на территории СССР, не признавали и до настоящего времени не признают себя военнопленными. В их отношении в Японии чаще всего применяется термин «интернированные». Можно предположить, что в этом есть и элемент национальной гордости: японцы считали, что их солдат не может оказаться в плену, он может либо победить, либо с честью погибнуть на поле боя.

По данным, приводимым в работе П.М. Поляна, на территории Казахстана располагался один рабочий батальон интернированных европейской национальности. Он находился на территории Актюбинской области [238, с. 261]. Рабочие этого батальона работали на строительстве объектов Актюбинского завода ферросплавов.

В справке о количественном составе и размещении военнопленных японской армии от 20 февраля 1947 г. содержится информация о количестве интернированных японцев, находившихся на территории СССР. В этом документе указывается: «Всего на территории страны находится 3706 интернированных японцев. Из них 459 человек находится на территории Казахской ССР» [239, л. 255-260].

Необходимо учесть, что в рабочие батальоны помимо немцев попадали военнопленные сателлитов Германии. Существует достаточно большое количество документов, подтверждающих факт использования интернированных на территории Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Прибалтики. Наличие на территории Казахстана интернированных других национальностей, помимо немецкой и японской, подтверждается архивными источниками. По состоянию на 1 марта 1947 г. на территории Казахской ССР в Актюбинской области находилось 24 интернированных лица венгерской национальности [240, л. 265-271].

Кроме того, согласно справке о количестве военнопленных и интернированных итальянцев на территории страны, на 1 марта 1947 г. в

Советском Союзе оставалось 8 интернированных итальянцев. Один из них был в Казахстане.

По уточненным данным, опубликованным в 2008 г. на территории Казахстана, в 1945 г. располагалось, по крайней мере, 3 рабочих батальона немецких военнопленных. Рабочий батальон №397 образован 30 июля 1945 г. место дислокации – г. Семипалатинск. Рабочий батальон №409 существовал с 27 июня 1945 г. Место его расположения – станция Сас-Тобе Туркестано-Сибирской железной дороги. Позже этот батальон был передислоцирован в Волынскую область Украинской ССР. Рабочий батальон №398 дислоцировался в г. Кызыл-Орде. Дата его образования – 1 сентября 1945 г. [125, с. 272].

То, на какую работу попадали интернированные, зависело от их квалификации и от потребности в рабочей силе предприятий. Изначально в рабочих батальонах сложился принцип двойного подчинения. Руководство батальона назначалось соответствующим отраслевым ведомством, за которым закреплялся рабочий батальон, а назначение кадрового персонала и охраны было возложено на НКВД.

В существенных вопросах трудового права интернированные, по крайней мере на бумаге, были приравнены к вольнонаемным рабочим. Это в первую очередь относилось к нормам питания, нормам выработки, продолжительности рабочего дня и времени отдыха [78, с. 174].

Положением о приеме, содержании и трудовом использовании интернированных, утвержденным решением ГКО от 29 декабря 1944 г. №7252сс, предусмотрено, что: а) интернированным мужчинам и женщинам разрешено проживание в одной зоне, но в разных помещениях; б) питание интернированных производится через специально для них организованные ОРСами предприятий столовые по нормам, установленным для рабочих этих предприятий, включая дополнительные виды питания для хорошо работающих; в) норма выработки и продолжительность рабочего дня устанавливается аналогично существующим на данном предприятии для остальных рабочих и по установленным для остальных рабочих расценкам; г) зарплата выдается интернированным на руки ежемесячно за вычетом полной стоимости их содержания (стоимость питания, содержания общежитий, постельных принадлежностей, охраны и содержания штатного состава батальонов) и 10% – на централизованные расходы, связанные с содержанием больных и потерявших трудоспособность интернированных, и на расходы на культработу; д) больные и потерявшие трудоспособность интернированные остаются на полном содержании предприятий, на которых они работали и потеряли трудоспособность, до решения вопроса об их возвращении на родину (за счет 10%-го отчисления от заработка, работающих интернированных) [88, с. 34].

В помещениях интернированных устанавливался внутренний порядок, аналогичный порядку, принятому в лагерях НКВД для военнопленных. Зона охранялась вахтерской охраной наркоматов. Направление на работы производилось организованным порядком, но без охраны, в сопровождении лиц начсостава батальона или вахтовой команды. За нарушения дисциплины и установленного порядка в помещениях и на работе начсоставом батальона

накладывались на виновных дисциплинарные взыскания в соответствии с дисциплинарным уставом Советской Армии.

За уголовные преступления виновные привлекались к уголовной ответственности. Судебные дела рассматривались военными трибуналами.

Интернированные, содержащиеся в рабочих батальонах, использовались на разных работах: на строительстве, в цехах, на лесозаготовках и др., кроме литературных предприятий. Место их работы определялось руководителем предприятия с учетом профессий и физического состояния каждого интернированного.

Все интернированные были организованы в бригады и смены. Комплектование бригад и смен производилось по производственному принципу, в соответствии с существующей структурой батальона (роты, взвода). При комплектовании бригад также учитывалась квалификация и физическое состояние интернированных.

На должности бригадиров и мастеров назначались интернированные, положительно проявившие себя в быту и на производстве.

Каждому интернированному был присвоен на предприятии табельный номер и установлена категория (разряд). Отдел кадров предприятия вел именные списки интернированных по каждому цеху (отделу). В списках указывалось: фамилия, имя, отчество, профессия, закрепленный рабочий номер и в качестве кого работает [237, л. 4-12].

В целом, интернированные теоретически обладали трудовыми правами наравне с вольнонаемными рабочими, но в реальности они были полностью бесправны. Интернированным по возможности выделялись отдельные участки работ, изолированные от отечественных рабочих. Продолжительность рабочего дня для интернированных была установлена на общих основаниях, такая же, как для всех рабочих предприятия. При необходимости, вызванной потребностями производства, работали более 8 часов, и предприятие организовывало для интернированных питание на месте производства.

Интернированным предоставлялись выходные дни на общих основаниях с остальными рабочими. Общий распорядок дня утверждался директором предприятия по представлению командира батальона. Распорядок дня был построен с учетом обязательного предоставления интернированным не менее 8 часов для полного непрерывного отдыха. При работе в ночной смене этот отдых предоставлялся на протяжении дня.

Из расположения батальона интернированные следовали на работу в сопровождении вахтеров или офицеров. О приеме и сдаче интернированных производились записи в специальной книге батальона.

По прибытии на завод (шахту, участок) вахтер сдавал интернированных по именному списку уполномоченным цехов под расписку в книге сдачи-приема, с указанием количества сданных и времени сдачи. После этого интернированные в сопровождении уполномоченного цеха направлялись по бригадам на места работы. Если при сдаче было установлено несоответствие наличия интернированных записи в книге, вахтер немедленно докладывал об

этом командиру роты или дежурному по батальону, а уполномоченный цеха начальнику цеха.

Интернированные работали без охраны, под руководством мастеров и бригадиров, которые полностью отвечали за наличие интернированных на работе в течение всей рабочей смены. Отсутствие охраны ничего не меняло. Сбежать было невозможно, учитывая постоянные проверки со стороны администрации.

Интернированным был запрещен самовольный уход с места работы и хождение по территории предприятия в одиночку без сопровождающего.

По окончании работы все бригады интернированных собирались в установленном месте и сдавались уполномоченным цеха по списку под расписку в книге сдачи-приема вахтеру, который затем сопровождал их строем в зону. Направление интернированных в зону после окончания работы без сопровождения вахтера запрещалось.

В случае нарушений взыскания накладывались в соответствии с Дисциплинарным уставом Красной Армии. За неоднократные или грубые нарушения дисциплины, побег или отказ от работы можно было попасть в отдаленные и северные лагеря НКВД для интернированных с особым режимом (последние, таким образом, несли точно такую же функцию, что и концлагеря в Третьем Рейхе), а все прочие преступления влекли за собой уголовную ответственность перед Военным трибуналом [238, с. 234-235].

Учет выходов на работу и контроль за своевременным началом и окончанием работы интернированными осуществлялся в штабе батальона и в цехах. Формы документов по табельному учету и отчетности интернированных применялись те же, что и для остальных рабочих предприятий. Однако, табельный рапорт о движении, явках и неявках интернированных, рапорты об опозданиях и окончании работы установленного времени, и именной список нарушителей дисциплины составляются отдельно от рабочих предприятия.

Командир батальона ежедневно представлял директору предприятия докладную записку о движении силы, в которой указывалось: списочный состав интернированных, количество интернированных, направленных на работу, и количество не вышедших на работу (с указанием причин невыхода). До составления докладной записки (рапорта) о движении рабочей силы штаб батальона и цехи производили взаимную сверку данных срочного рапорта с целью устранения каких-либо расхождений: нормы выработки и расценки для сдельщиков и повременщиков и оплата труда интернированных установлена на общих основаниях со всеми рабочими данного предприятия. Интернированным, работавшим сдельно, наряды выписывались на полный объем заданной работы. Закрывание нарядов производилось по выполнению работы. С целью исключения обмеров и обчетов ежедневно производились контрольные замеры выполненных работ с отметкой в наряд-заданиях. Цехи, строительные участки и предприятия, где работали интернированные, еженедельно давали штабу батальона сведения о не выполняющих норму выработки интернированных.

Командованием батальона принимались соответствующие меры воздействия на отстающих. Офицеры батальона были материально заинтересованы в хорошей работе интернированных, т.к. они премировались за высокие показатели наравне с руководящими инженерно-техническими и хозяйственными работниками на участках, на которых работали интернированные.

В целях контроля за дисциплиной труда на бригадиров из числа интернированных возлагалось: а) знать в лицо интернированных, состоявших в бригаде и ежедневно контролировать своевременность явки их на работу; б) заблаговременно подготавливать рабочее место и фронт работы; в) следить за наличием интернированных на работе, за производительностью их труда, выполнением норм, требовать выполнения всех распоряжений; г) немедленно докладывать начальнику цеха и сообщать командиру батальона об уходе без разрешения интернированных в рабочее время, ежедневно докладывать начальнику цеха и информировать командира роты о результатах работы бригады за день, о хорошо и плохо работавших и нарушивших дисциплину.

Штаб батальонов, в свою очередь, обязан был обеспечивать полный и своевременный вывод интернированных на работу, ежедневно контролировать выполнение норм выработки и качество работы на производстве и строительстве, посещая места работы, проверять соблюдение правил техники безопасности.

Командир батальона закреплял за командирами рот определенные цеха и участки работы и ежемесячно составлял график контрольных выходов на производство офицерского состава батальона. Штаб батальона выявлял и изучал причины невыполнения интернированными норм выработки, сообщал директору предприятия о выявленных недостатках и фактах неправильного трудоустройства, недельного учета норм выработки, начисления зарплаты и т.д., для принятия соответствующих мер, и контролировал выполнение этих мероприятий. С интернированными систематически велась работа по вопросам производительности труда, доводилась информация о нормах труда и их выполнении, поощрялись перевыполнявшие нормы, наказывались нерадиво работавшие, проводились беседы с отстающими в работе, создавались производственные активы, организовывались трудовые соревнования.

Все заявления интернированных о неправильном трудовом использовании, неправильном присвоении разрядов, учете выработки и т.п. командир батальона разрешал с отделом организации труда предприятия.

Выдача спецодежды и обуви интернированным производилась на общих основаниях с остальными рабочими. Штаб батальона перед отправкой на другие предприятия обязан был требовать от отправляемых представления справки цеха или участка о сдаче числящихся за ними инструментов и спецодежды. Стоимость несданной спецодежды и инструмента удерживалась из зарплаты интернированных на общих основаниях, применяемых к остальным рабочим [237, л. 4-12].

Бухгалтерия предприятия ежемесячно удерживала из заработной платы каждого интернированного стоимость коммунально-бытового содержания,

включая их расходы на содержание охраны и штатного батальона. Помимо этого, бухгалтерия предприятия по расчетно-платежной ведомости проводила удержание в размере 10% от заработной платы интернированных, предназначенных на покрытие расходов, на содержание больных, временно потерявших трудоспособность и расходы на культработу.

Расходование сумм 10%-х отчислений (на содержание больных, временно потерявших трудоспособность и на культработу) производилось командиром батальона после утверждения заместителем директора, ведающего трудоустройством интернированных.

Выплата зарплаты интернированным производилась в установленные на предприятиях сроки на общих основаниях с остальными рабочими. Зарплата выдавалась кассой предприятия (непосредственно через штаб батальона) под расписку в ведомости каждого интернированного, но на руки интернированному оставлялось только 200 руб., суммы сверх 200 руб. вносились в сберкассу на лицевой счет интернированного. Сберкнижки интернированных хранились в штабе батальона. Выдача денег интернированным из сберкассы производилась только с разрешения командира батальона.

Для учета затрат, связанных с содержанием интернированных, предприятие выделяло необходимый счетный аппарат, содержание которого в счет интернированных не входило. Удержание затрат, связанных с содержанием интернированных, производилось по фактической себестоимости.

Интернированным, используемым для обслуживания самих интернированных (уборщики, дворники, ассенизаторы, истопники, водовозы, дезинфекторы и т. п.), начислялась зарплата по применяемым на данном предприятии ставкам для таких категорий рабочих. Начисленная зарплата этим лицам включалась в себестоимость обслуживания интернированных.

Обеспечение интернированных обувью, обмундированием, постельными принадлежностями проводилось предприятием на общих основаниях со всеми рабочими. Организация и содержание производственных мастерских по пошивке и ремонту одежды интернированным производилась на хозрасчетных началах в зоне батальона.

Топливо, освещение, хозяйственный транспорт, кухонный и столовый инвентарь, инвентарь общежитий, мыло для интернированных выделялись предприятием в распоряжение командира батальона в пределах установленных норм. В израсходовании материальных ценностей командир батальона отчитывался перед предприятием порядком и в сроки, установленные директором.

Существовали различные способы стимулирования труда интернированных. Безусловно, главной мерой поощрения была организация дополнительного питания для хорошо работающих, имеющих высокие показатели. Нормы выдачи могли возрасти в полтора-два раза. Другой мерой поощрения для выполняющих нормы была возможность переписки с родственниками. Разрешение на переписку было введено приказом МВД СССР №00574 от 21 июня 1946 г. В приказе оговаривалось, что правом переписки

обладают интернированные, выполняющие трудовые нормы. Разрешалось направлять письма 1 раз в месяц [241, л. 340].

Питание интернированных производилось через столовые, организованные ОРСами предприятий. Осуществлялось оно по нормам, установленным для рабочих этих предприятий, включая дополнительное питание для выполняющих и перевыполняющих нормы выработки и задания. Личный состав столовой, в том числе и руководящий, комплектовался из числа проверенных на работе и в быту интернированных. Командир батальона:

а) устанавливал время приема пищи интернированными в соответствии с графиками работы и отдыха на предприятиях, в цехах и участках;

б) утверждал меню в соответствии с наличием завезенных продуктов на склад столовой;

в) проверял правильность закладки продуктов в котлы и выпуск готовых блюд по установленным нормам;

г) проверял калькуляцию стоимости питания;

д) следил за порядком в месте приема и приготовления пищи.

Контроль за правильностью расходования нормированных продуктов питания интернированных осуществлялся в ведомственном порядке ОРСом данного предприятия.

Отпуск хлеба интернированным производился в столовой одновременно с принятием пищи. Дополнительные виды питания выполняющим и перевыполняющим нормы выработки интернированным отпускались столовой по талонам, выдаваемым цехами по месту работы на общих основаниях с остальными рабочими цеха под расписку. Списки интернированных, которым выданы талоны на питание, в тот же день направлялись соответствующим цехом штабу батальона.

Отпуск питания работающим интернированным производился столовой за наличный расчет, отпуск питания не работающим интернированным (больные, утратившие трудоспособность) производили предприятия, по представляемому ежедневно штабом батальона списка с отнесением стоимости питания за счет предприятия [237, л.4-12].

Организация питания была поставлена плохо, нередко бывали случаи злоупотреблений и хищений со стороны лагерной администрации. Кроме того, местное население, пережившее оккупацию было настроено по отношению к интернированным враждебно. Как отмечает исследователь проблемы интернированных И.И. Чухин, «...судьба интернированного гражданского населения оказалась во многом хуже, чем участь заключенных в лагеря военнопленных, с их твердым порядком и централизованным снабжением» [242, с. 7].

Промтовары отпускались интернированным по промтоварным карточкам в общеустановленном порядке за наличный расчет через специальные ларьки, организованные ОРСом предприятий в зоне батальона. Питание офицерского и вольнонаемного состава батальона в столовых для интернированных воспрещалось.

Медико-санитарное обслуживание интернированных осуществлялось на общих основаниях органами здравоохранения и через санчасть батальона.

Директор предприятия обеспечивал контроль за санитарным состоянием интернированных и принимал через органы Наркомздрава меры по устранению недостатков в медико-санитарном обслуживании интернированных.

При получении интернированными травмы или заболевания на производстве первая медпомощь оказывалась медпунктом предприятия с последующим направлением в батальон. Госпитализация больных интернированных производилась на общих основаниях с отечественными рабочими. Все изложенное выше отражает порядок, установленный в отношении интернированных, в соответствии с решениями Правительства.

На практике же руководители предприятий нарушали этот порядок. Многие из них в нарушение постановлений ГКО №7252сс 1944 г. и №9959 1945 г., не создали требуемых условий для содержания и трудового использования интернированных. Это привело к тому, что с первых дней формирования рабочих батальонов, в силу деградации физического состояния интернированных, трудовой фонд в батальонах стал резко снижаться: за 1945 г. трудовой фонд снизился на 74543 человек, за 1946 г. - на 35485 человек.

Кроме того, вследствие неполного использования интернированных на работах, использования их не по специальности и на низкооплачиваемых работах, заработок во многих батальонах не покрывал стоимости питания и оплаты коммунальных услуг. В результате имелись случаи, когда интернированные в течение 5-15 дней в месяц не имели возможности выкупать положенное им питание, и вынуждены были нищенствовать или задалживать хозорганам [78, с. 174].

На 1946 г. 14475 человек интернированных задолжали предприятиям 12 министерств 5625 тыс. руб. Во многих батальонах 50% интернированных не имели одежды, обуви по сезону, и 70% не имели нательного белья. В результате трудового использования интернированных требуемого эффекта в абсолютном большинстве батальонов достигнуто не было. В числе интернированных имелось много больных и ослабленных. Опыт работы показал, что осуществляемый ГУПВИ МВД СССР контроль за содержанием и трудовым использованием интернированных, без права снятия их с предприятий, где не обеспечивались нормальные условия, являлся малодейственным. Вся работа по осуществлению контроля сводилась к обильному потоку писем со стороны ГУПВИ с требованием устранения выявленных недочетов в содержании и использовании контингента, а со стороны хозяйственных министерств – с обещаниями и заверениями об устранении недочетов. В действительности же большинство руководителей строек и предприятий хозяйственных министерств никаких реальных мер к созданию нормальных жилищно-бытовых и производственных условий не принимали и не проявляли необходимой заботы к физическому сохранению контингента как рабочей силы, и все требования ГУПВИ оставались почти безрезультатны.

Практика подсказывала целесообразность организации лагерей для интернированных, подчиненных во всех отношениях МВД СССР, а контингент для трудового использования передать хозяйственным министерствам на контрагентских началах. Снабжение интернированных продовольствием, одеждой, обувью и прочими видами довольствия возложить на ГУВС МВД СССР на равных условиях с военнопленными. Эти мероприятия значительно повысили бы эффективность трудового использования интернированных. Однако эти предложения ГУПВИ МВД СССР положительного разрешения не получили. Для руководства работой по обслуживанию интернированных и осуществлению контроля за рабочими батальонами 3 марта 1945 г приказом НКВД СССР №00160 в составе ГУПВИ было создано Управление по делам интернированных. 30 января 1946 г. согласно приказу МВД СССР №0085 это Управление было расформировано [243, л. 4-15].

В деле трудового использования интернированных вплоть до 1947 г. имелось немало трудностей, в т.ч. сокращались и значительные расходы на их содержание. Только начиная с 1948 г. повысилась заработная плата контингента, а интернированные не только стали оправдывать расходы на их содержание, но и получать деньги на руки в порядке вознаграждения. Существуют следующие данные о выплате премиальных вознаграждений за выполнение производственных норм интернированными в Кемеровской области: в 1947 г. выплачено путем вознаграждений 85408 руб.; в 1948 г. – 145155 руб.; в 1949 г. (за 9 месяцев) – 267177 руб. Заработок контингента интернированных на один человеко-день составлял: в 1947 г. выработано на один человеко-день – 13 руб. 86 коп.; в 1948 г. – 17 руб. 84 коп.; в 1949 г. – 20 руб. 02 коп. [244, л. 50-51].

На сегодняшний день трудно вычленивать масштабы применения труда интернированных и военнопленных. Безусловно, такие данные есть, и в этом мы не сомневаемся. Изучение деятельности рабочих батальонов интернированных, специфика их трудового использования показало, что, несмотря на различные формы принуждения к труду, проблемы у всех были общими. Низкая рентабельность труда интернированных была обусловлена характером принудительного труда в СССР. Бесплатная рабочая сила, которой по сути были граждане Европы, наряду с военнопленными позволила решить временные задачи по восстановлению объектов народного хозяйства. В общем балансе трудовых ресурсов СССР интернированные занимали очень скромное место. Из обнаруженных документов следует, что в 1949 г. труд указанных категорий использовался в лагере №99 на комбинате Карагандауголь, Экспериментальной шахте №31, Главкарагандашахтстрой, Заводе им. Пархоменко, Сталинско-Магнитогорской магистрали. Труд военнопленных и интернированных использовался на Лениногорском полиметаллическом комбинате, тресте Алтайстрой [245, л. 228].

В системе ГУПВИ большое внимание уделялось политической пропаганде среди военнопленных. Анализ архивных материалов позволяет нам утверждать, что выход газет находился под строгим контролем органов, статьи в прессе носили ярко выраженный пропагандистский характер, наконец, вся

пресса выходила на языке, понятном для военнопленных. Удалось обнаружить несколько таких газет. Начиная с 1941 г. по 1943 г. среди военнопленных распространялась газета «Freies Wort» - «Свободное слово», она рассматривалась «как одно из средств разложения гитлеровских войск на фронте» [246, л. 1].

Газета «Freies Deutschland» - «Свободная Германия» была нацелена на удовлетворение нужд «разъяснительной работы среди немецких военнопленных в лагерях, работы по воспитанию из военнопленных сторонников антифашистского демократического обновления Германии», издавалась Национальным комитетом «Свободная Германия» до ноября 1945 г. [246, л. 2].

В конце 1945 г., после прекращения выпуска газеты «Freies Deutschland», Центральный Комитет ВКП(б) принял решение об издании в качестве органа для немецких военнопленных газеты «Nachrichten» - «Известия» («Бюллетень для немецких военнопленных в СССР»). Первый номер газеты «Nachrichten» вышел 1 января 1946 г. Перед газетой «Nachrichten» были поставлены следующие основные задачи: во-первых, мобилизовать немецких военнопленных на повышение производительности труда по восстановлению части ущерба, причиненного гитлеровской войной и временной оккупацией Советскому Союзу; во-вторых, познакомить военнопленных с жизнью советского народа и разъяснить им сущность советского социалистического государства; в-третьих, освещать для военнопленных события в Германии, процесс демократического обновления в советской оккупационной зоне, воспитывая из военнопленных искренних демократов и патриотов, сторонников демократического обновления; в-четвертых, освещать международные события и борьбу возглавляемых Советским Союзом прогрессивных сил всего мира за прочный мир и демократию, борьбу против происков сил империализма, мобилизуя при этом немецких военнопленных на активное участие в борьбе сил прогресса за мир; в-пятых, освещать производственную, антифашистскую политическую и культурно-просветительную работу в лагерях, мобилизуя немецких военнопленных на развертывание трудового соревнования и антифашистской работы, побуждая их повышать свой политический уровень [246, л. 1]. Продолжался выпуск этой газеты до конца декабря 1949 г.

Газета «Graî liber» («Свободный голос») начала выходить в феврале 1942 г. Первый ее номер имел подзаголовок «Газета для военнопленных румын». Начиная со второго номера (2 марта 1942 г.) газета начала выходить с подзаголовком «Газета военнопленных румын». Это изменение было вызвано тактическими соображениями. Дело в том, что часть тиража газеты была использована для пропаганды по разложению противника. Эта пропаганда звучала убедительнее в газете «военнопленных», чем в газете «для военнопленных», тем более что газета «Graî liber» помещала много статей и заметок, которые посылали из лагерей военнопленные румынской национальности. Таким образом, газета «Graî liber» начала выходить как центральный орган военнопленных румын в СССР. Так она продолжала выходить до последних дней. В работе газеты можно различить пять периодов,

отличающихся как происходившими крупными событиями военно-политического значения, так и новыми задачами, поставленными перед редакцией газеты, в связи с этими событиями и в связи с постепенным ростом политического и культурного уровня военнопленных румын [247, л. 1].

Основной целью, поставленной перед редакцией газеты «Grai liber», было пробудить сознание военнопленных румынской национальности и мобилизовать их на активную борьбу против фашизма во всех его проявлениях. Исходя из этой основной цели, редакция газеты «Grai liber» ставила перед собой следующие задачи: показать военнопленным румынской национальности несправедливый, захватнический характер войны, которую вели Гитлер и Антонеску, и справедливый, освободительный характер войны, которую вел Советский Союз; показать военнопленным румынской национальности, что союз с гитлеровской Германией и война на ее стороне ведет Румынию к пропасти, что страна в данное время является колонией Гитлера, доставляющей сырье и «пушечное мясо» для сумасбродных целей Гитлера и Антонеску; показать, что эта война неминуемо закончится полным поражением гитлеровской Германии и ее сателлитов, в том числе и Румынии; показать военнопленным румынской национальности, что единственный путь спасения румынского народа – немедленный выход Румынии из войны против СССР, свержение Антонеску и установление подлинно дружественных отношений между обеими странами, тем более, что еще издавна между русским и румынскими народами существовали самые дружественные отношения и Россия всегда оказывала помощь Румынии в ее освободительных войнах против турок и немцев; дать военнопленным румынам элементарное представление о жизни в СССР, его общественной и государственной системе, истории возникновения Советского государства и его развитию, его последовательной мирной политике и т.д.; открыть глаза военнопленным румынам на тяжелое положение румынских крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции тогдашней Румынии и в то же время на роскошь, в которой жили эксплуататорские классы за счет трудящихся, разбудить классовое сознание военнопленных румын-рабочих и крестьян [247, л. 2].

В 1946 г. было выпущено 42 номера (в том числе 3 номера на шести полосах) газеты «Grai liber». Однако, известно одно обстоятельство этого года, наложившее отпечаток на газету. Дело в том, что после окончания войны в редакции газеты «Grai liber» осталось только 3 человека: ответственный редактор, старший редактор и корректор. Газета была таким образом лишена возможности поддерживать живую связь с военнопленными через посылку членов редакции в лагерь. Чем живут военнопленные в лагерях, их запросы, их пожелания редакция знала только через корреспонденции военнопленных. Но эти корреспонденции приходили реже и в меньшем количестве, чем в предыдущие годы. Достаточно сказать, что за весь 1946 г. редакция получила всего 114 корреспонденций из различных лагерей и 300 корреспонденций из антифашистской школы (корреспонденты антифашистской школы для военнопленных были постоянными), в то время как в 1943-1945 гг. редакция газеты получала из лагерей в 3-4 раза больше статей и заметок. Лишь 30% от

всей корреспонденции, полученной из лагерей, редакция могла помещать в газете. Статьи и заметки военнопленных приходили с большим опозданием, так как на местах была плохо организована работа по отправке корреспонденции военнопленных, и статьи военнопленных, отражавшие политические события дня, не могли быть помещены своевременно, а позже не имело смысла их печатать.

Газета «Graî liber» начинает помещать большое количество статей авторов, привлеченных не из среды военнопленных. «Graî liber» из «газеты военнопленных» исподволь превращается в «газету для военнопленных». Это превращение было вызвано не только вышеуказанными причинами, но и требованием времени. «Graî liber» в первое время имела своей задачей не только перевоспитание военнопленных в антифашистском духе, но и разложение войск противника посредством самого же противника, т.е. пропагандой, которая велась его же солдатами и офицерами, попавшими в плен в СССР. После войны газета всецело посвятила себя задаче создать из военнопленных румынской национальности последовательных антифашистов, которые по возвращении к себе на родину стали бы в ряды борцов за новую, подлинно демократическую Румынию, которые были бы застрельщиками всех новых начинаний в Румынии. Но редакция газеты столкнулась с трудностями в выполнении своих обновленных задач из-за известного отрыва от своих читателей. Для облегчения и улучшения работы редакции требовалось наладить в каждом лагере регулярную читку газеты военнопленными, создать вновь корреспондентский актив, который регулярно писал бы для газеты. Необходимо было также наладить своевременную отправку материалов из лагерей. В конце 1946 г. создаются политотделы лагерей для военнопленных. Это мероприятие, имевшее целью усиление политработы среди военнопленных, находящихся в СССР, значительно облегчило работу редакции «Graî liber». В течение 1947 г. все препятствия в работе газеты, в первую очередь, отрыв редакции газеты от читателей «Graî liber», постепенно устраняются. Снова налаживается в лагерях корреспондентский актив, в лагерях и лагерных отделениях организовываются коллективные и индивидуальные читки газеты. Состав редакции газеты все еще малочислен. Через некоторое время в редакции остаются только два человека – ответственный редактор и корректор, но этот недостаток редакции компенсируется в значительной степени двумя мероприятиями: организовываются читательские конференции и создается редакция-дублер газеты «Graî liber» из числа военнопленных, окончивших антифашистскую школу [247, л. 8].

Помимо выпуска газет, администрацией применялись другие формы политической и культурной работы с военнопленными. По воспоминаниям Ханса Циммера, содержавшегося в Лениногорске, «музыка, театр, лекции возвращали чувство человеческого достоинства». Концерты и театральные постановки помогали восстанавливать легко разрушаемую духовную связь с семьей и далекой родиной. Было еще одно обстоятельство, которое советская

администрация поняла позже, – культура поднимала трудовую активность пленных [248, с. 94-103].

Из материалов Усть-Каменогорского лагеря №45 следует, что до введения политотделов и политаппаратов в лагерях антифашистская политическая работа в лагерных отделениях проводилась нерегулярно. Антифашистский актив был малочислен, и работа с ним проводилась от случая к случаю, трудовое соревнование отсутствовало, собрания, лекции, доклады и беседы на политические темы и другие массовые мероприятия с контингентом военнопленных проводились редко. И лишь с января 1947 г., т.е. с момента введения политического аппарата в лагере, политическая работа среди военнопленных резко улучшилась и приняла широкий размах.

Основными методами и формами в проведении политической работы среди военнопленных бывших немецкой и японской армий были лекции, доклады, беседы, коллективные и индивидуальные читки газет на немецком, японском языках, конференции, митинги, работа антифашистских политшкол, концерты и постановки (художественная самодеятельность) антифашистского характера, выпуск стенных газет и т.п.

За время существования лагеря №45 с военнопленными было проведено: собраний - 112, митингов - 81, прочитано лекций и докладов - 151, проведено групповых бесед - 434, проведено индивидуальных бесед - 1790, проведено групповых чток газет - 2482. Кроме того, с антифашистским активом проведено: собраний - 63, семинаров - 52, совещаний - 131. Причем основное количество указанных мероприятий проведено в 1947 г.

На собраниях военнопленных обсуждались вопросы о трудовом соревновании, внутрилагерном режиме, ходе выполнения производственно-финансового плана и др. Кроме того, на собраниях систематически читались доклады и лекции на политические темы: «1 мая - Международный день трудящихся всего мира», «9 мая - День Победы», «29 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Также поднимались вопросы о демократических выборах в советской зоне оккупации в Германии; заключении мирных договоров с бывшими сателлитами Германии, Финляндией, Румынией, Италией и Венгрией; работе Дальневосточной комиссии по вопросам Японии; разгроме империалистической Японии; предательской политике японского правительства Катояма; доктрине Трумена и плана Маршалла. Помимо вышеозначенных тем, часто встречались международные обзоры: «СССР - самая миролюбивая страна в мире», «СССР - социалистическое государство рабочих и крестьян» [249, л. 28].

Как следует из документов, «в результате проводимых мероприятий среди военнопленных заметно стала расти политическая и производственная активность». В документации лагеря приводился ряд показателей, которые должны были проиллюстрировать факты «трудового перевоспитания» военнопленных. Как докладывали в Москву, благодаря правильно организованной работе «увеличился в первом полугодии 1947 г. вывод военнопленных на работы по сравнению с первым полугодием 1946 г. на 8 %», возросла валовая сумма выработки «в первом полугодии 1947 г. по сравнению с

первым полугодием 1946 г. - на 3 890 029 рублей», увеличился среднедневной заработок с 13 руб. 19 коп. до 17 руб. 54 коп., а ежедневная производительность труда достигла 101%». И далее по тексту: «Если в 1946 г. трудовым соревнованием были охвачены одиночки и небольшие группы военнопленных, и они нигде и никем не учитывались, то в 1947 г. трудовым соревнованием было охвачено 2558 военнопленных японцев и немцев, что составляло к списочному составу 75%. Все охваченные соревнованием были сведены в 221 бригаду, из них: 74 бригады систематически на протяжении месяцев выполняли производственную программу и 76 бригад перевыполняли программы от 101 до 180-200%» [249, л. 29]. Документ любопытен и тем, что в нем отмечались бригады военнопленных как наиболее выдающиеся и систематически перевыполняющие производственную программу. Так, среди прочих, были особо отмечены: 1) бригада в количестве 29 человек механического цеха Зыряновского рудоуправления, которой руководил военнопленный, младший лейтенант бывшей японской армии Сивуя Каору. Эта бригада систематически перевыполняла производственное задание на 130-151% и являлась образцом для всего контингента военнопленных японцев 5-го лагерного отделения; 2) бригада в количестве 17 человек МПВ механического цеха завода №10, состоящая из контингента немецких военнопленных (4-е лагерное отделение), которой руководил Штамен (фельдфебель бывшей немецкой армии). Бригада систематически изо дня в день, из месяца в месяц производственное задание выполняла на 175-180% и на 90% состояла из антифашистов и антифашистского актива; 3) бригада японских военнопленных в количестве 19 человек, работавших на лесозаводе (2-е лагерное отделение), которой руководил лейтенант бывшей японской армии Чибя. Бригада систематически из месяца в месяц производственное задание выполняла на 150-160%; 4) бригада плотников японских военнопленных в количестве 12 человек, работавших на Белоусовском руднике (бригадир старший сержант бывшей японской армии Ушхаси), систематически выполнявших производственные задания на 130-150%.

Кроме того, особенно среди военнопленных антифашистов-немцев по заводу №10 (4-го лагерного отделения) были лица, которые на протяжении длительного времени также систематически перевыполняли производственные задания от 140 до 200%. Это Лангер Курт - штукатур 1-го участка, Бартель Альфонс - токарь, Кнорих Рудольф - слесарь, Кляйн Герман - каменщик - на 160%; Даслер Курт - каменщик, Ведикент Карл - кузнец МПВ - на 135%; Ванцирь Антон - слесарь механизированного цеха и другие [153, л. 29]. На 1 сентября 1947 г. количество антифашистов в лагере уже насчитывалось 885 человек, из них: антифашистского актива - 189 человек, антифашистов и демократически настроенных - 696 человек. Из общего количества (885 человек) антифашистов и антифашистского актива: японцев - 631 человек, немцев - 254 человека.

Одним из важнейших политических мероприятий, проведенных в 1947 г. с антифашистами и антифашистским активом, сыгравшим большую роль в повышении политической активности среди основной массы военнопленных,

стала организация во всех лагерных отделениях антифашистских политшкол и молодежных политкружков по 72-часовой программе. Всего антифашистскими политшколами и молодежными кружками было охвачено 765 человек. Все они в своей основной массе программу усвоили на «хорошо» и «отлично». Большая пропагандистская работа среди антифашистов была проведена по ознакомлению с Кратким курсом истории ВКП(б) на японском и немецком языках. Так, например, с контингентом японских военнопленных 2, 3, 5-го лагерных отделений, отправленных на родину, было изучено 3 главы – 6, 7, 8-я. Всего было создано 52 группы с охватом 1820 человек. В 4-м лагерном отделении функционировало 5 школ по изучению Краткого курса истории ВКП(б): 2 – для антифашистов-немцев с охватом 52 чел., 3 – для антифашистов-японцев с охватом 90 человек [249, л. 23-29].

Конечно, сложно определить эффективность деятельности администрации лагерей по идеологическому перевоспитанию контингента, но вполне вероятно, что они достигали своих целей. Одним из наиболее известных образцов творчества идеологически переродившихся военнопленных стало «Благодарственное письмо Генералиссимусу Советского Союза И.В. Сталину от военнопленных японцев» (Приложение Б).

Документы ГУПВИ утверждают: «В связи с усилением политмассовой и воспитательной работой у большинства военнопленных резко изменилось мировоззрение и взгляды на законы развития общества, классы и классовую борьбу, и особенно систематически проводимая политмассовая работа резко увеличила количество военнопленных, лояльно и дружественно настроенных к СССР». В документах приводились высказывания военнопленных: Райхарт, немец: «Теперь я понимаю, кто наши друзья и враги. Советская Россия последовательно борется за подлинное преобразование Германии на демократических началах, за интерес рабочих и крестьян, а англичане и американцы хотят разделить Германию на части, сохранить власть крупных капиталистов, использовать Германию в своих интересах и снова противопоставить России»; Мацумото Такетоси, унтер-офицер бывшей японской армии, высказывался так: «Нам в Японии о Советском Союзе говорили всякие небылицы, и мы этому верили и ненавидели Советский Союз. Теперь мы узнали об этой стране настоящую правду. Мы должны отбросить эту гнилую идеологию и ложь, которую нам проповедовали об СССР раньше» [249, л. 28-29]. Политическая работа в лагерях военнопленных и интернированных была важной составляющей повседневной жизни контингента. Идеологическая обработка военнопленных имела четкую цель: склонить на сторону Советского Союза максимальное количество военнопленных. Руководство НКВД – МВД осознавало, что после возвращения на родину эти люди должны если не полностью разделять коммунистические убеждения, то хотя бы относиться лояльно к насаждаемой в Европе советской модели развития общества. Необходимо отметить, что администрация весьма преуспела при реализации этих замыслов. Большинство бывших военнопленных сохранили достаточно лояльное отношение к советскому народу, некоторые вступали в ряды коммунистических партий у себя на родине.

В воспоминаниях бывших военнопленных неоднократно указывалось на преимущественно дружелюбное отношение к ним со стороны простых людей. Вот так описывает первые дни плена в январе 1945 г. 17-летний гренадер дивизии СС «Гитлерюгенд» Вильгельм Биркенмайер: «Начинается дорога в плен, в неизвестность. Болят ноги, я едва плетусь за идущими в колонне передо мной. Какому-то парню пришлось по душе мои ботинки, надо разуваться, а я делаю это недостаточно быстро, и он бьёт меня... Ходить босиком - это я никогда хорошо не умел, а тут ещё ноги болят, и лёд, по которому мы плетёмся, ужасно холодно... «Dawai, dawai...». Казалось, наступил конец. Но происходит чудо: в сборном лагере в Ченстохове пленные получают чистую одежду, медработники обрабатывают раны. Какая-то русская медсестра, усадив Вилли на землю, вскоре приносит ему ботинки. И спустя 50 лет, бывший эсэсовец рассказывает об этом эпизоде в своих воспоминаниях [250].

Такие же чувства сохраняются у венгра Яноша Рожаша, о котором говорит А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГЕ». В своём письме к А.И. Солженицыну Янош, попавший в ГУЛАГ 18-летним неизвестно за что в 1944 году, когда Красная Армия освобождала Венгрию, и вышедший оттуда после смерти Сталина, пишет: «Я искренне твержу, что не отдал бы назад прошлое моё. Узнал я сурово то, что другим недоступно... При освобождении я обещал оставшимся товарищам, что русского народа никогда не забуду, и не за невыносимые страдания, а за доброе сердце» [251, с. 111-113].

Сегодня бывшие военнопленные советских лагерей, в основном, без горечи, скорее с грустью вспоминают пережитое лихолетье, оценивая его как хорошую жизненную школу, которая многое дала для понимания людей и человеческих отношений. «Я был бы не я без этой нацистской юности, без этой отвратительной войны, без этого унижительного плена. Я не считаю этот период жизни потерянным. Как у Максима Горького, тяжелые условия жизни того времени стали для меня моими университетами, которые научили меня неизмеримо большему, чем позже высшая школа», - заканчивает свои воспоминания о русском плене Иосиф Хендрикс [252].

Итоги трудовой деятельности рабочих батальонов интернированных были достаточно скромными. Низкая квалификация гражданского населения интернированного на территорию Советского Союза предопределяло их использование в тех отраслях, где массово применялся ручной труд. Немаловажным обстоятельством было и то, что интернированные сталкивались с беспощадной системой лагерной экономики и не выдерживали завышенных требований, предъявляемых к ним. Условия содержания данной категории иностранцев уступали условиям содержания военнопленных, отсюда высокая смертность и крайне низкая эффективность работы.

Политическая работа в лагерях военнопленных и интернированных была частью государственной политики по идеологической обработке всех категорий населения и иностранцев. Идеологическая работа должна была показать иностранцам все преимущества советского строя и образа жизни. Часть военнопленных и интернированных прониклась идеями коммунизма и по

возвращению на историческую родину влилась в ряды коммунистического движения.

2.3 Репатриация военнопленных и интернированных в 1945-1950 гг.

Сразу по окончании войны Советское правительство стало рассматривать вопрос об отправке на родину военнопленных. В приказе НКВД СССР №00698 от 15 июня 1945 г. наряду с указанием об организации трудового использования военнопленных предписывалось освободить из лагерей и спецгоспиталей и отправить на родину военнопленных рядового и сержантского состава, которые не могут быть использованы на работах по их физическому состоянию. Освобождению подлежали в первую очередь инвалиды, хронически больные, резко ослабленные, раненые, длительно нетрудоспособные военнопленные, находящиеся в производственных лагерях. Таковых насчитывалось 225 тысяч человек [253, л. 21-22].

Руководство страны и НКВД начало в срочном порядке освобождать место в системе принудительного труда для нового контингента. Однако этот первый этап репатриации не решил проблему разгрузки лагерей от нетрудоспособных элементов. Постоянный приток новых военнопленных, неустроенность быта лагерей, массовые заболевания и физическое истощение увеличивали количество нетрудоспособных ежедневно. Кроме того, во фронтовых лагерях и спецгоспиталях в этот период скопилось большое количество раненых и больных военнопленных. Вывозить их на территорию СССР и тем более использовать в системе принудительного труда было просто нецелесообразно.

В августе 1945 г. на основе постановления ГКО, был принят приказ НКВД СССР №0955 «Об освобождении части военнопленных из лагерей и спецгоспиталей». На основании этих документов подлежали освобождению 708 тыс. человек. Все освобождаемые военнопленные были разделены на три группы. В 1-ю попали военнопленные чехи, словаки, русины, поляки, сербы, хорваты, словенцы, боснийцы (более 62 тыс. человек). Их освобождение и передачу осуществляли непосредственно органы НКВД. Во 2-ю группу вошли военнопленные итальянцы, бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, болгары, датчане, швейцарцы, норвежцы, американцы, шведы, греки, англичане (более 24 тыс. человек), передача которых была проведена через аппарат уполномоченного по репатриации при СНК СССР генерал-полковника Ф.И. Голикова. Военнопленных из этой группы предписывалось «одеть в годное трофейное обмундирование». Самой многочисленной была третья группа (622 тыс. человек), в которую были включены только нетрудоспособные (в 1-ю и 2-ю группы военнопленные включались независимо от состояния здоровья) немцы (412 тыс.), венгры (150 тыс.), австрийцы и румыны (по 30 тыс.). Не подлежали репатриации (независимо от состояния здоровья) лица, совершившие зверства на территории СССР или служившие в войсках СС, СД, СА и гестапо. За выполнением этого пункта приказа НКВД осуществлял строгий контроль и

неоднократно напоминал о его содержании своим работникам на местах [254, л. 121-125]. Данная категория военнопленных преследовалась за совершение различных военных преступлений на территории СССР и Восточной Европы.

Репатриация военнопленных из прифронтовой полосы, проведенная в первые месяцы после окончания боевых действий, весной-осенью 1945 г. носила неорганизованный характер. В документах УПВИ многие военнопленные не были зарегистрированы как лица, освобожденные из плена. Из-за этого в последующем часто возникали недоразумения, связанные с точным числом военнопленных и перемещенных лиц на территории СССР.

11 сентября 1945 г. был принят приказ НКВД СССР №001035 «Об освобождении из лагерей НКВД 40000 военнопленных румын». Данным приказом предписывалось освободить из лагерей ГУПВИ НКВД СССР 40000 военнопленных румын рядового и унтер-офицерского состава. В тексте документа прямо указано «...к отправке освобождаемых военнопленных румын приступить с 15 сентября 1945 г. и закончить не позднее 10 октября 1945 г.» [255]. Большинство из освобождаемых румын находились в плену на протяжении многих месяцев. Некоторые из них попали в плен еще под Сталинградом, многие были ослаблены и больны. Военнопленных, подлежащих передаче органам репатриации, одевали в новое трофейное обмундирование, проводилась тщательная комплексная санобработка. Репатриированные обеспечивались продовольствием в полной норме и ассортименте на весь путь следования из расчета продвижения эшелона 200 километров в сутки, плюс пятидневный запас [255].

Из более полумиллиона солдат армий противника, по данным Н. Бугая, самый многочисленный контингент составляли военнопленные (больные, нетрудоспособные, инвалиды) немцы - 412000 чел., а именно: из Северной группы войск - 142000 чел., из Центральной группы войск - 54000 чел., из Южной группы войск - 30000 чел., из тыловых лагерей СССР - 111000 чел., из группы советских войск в Германии - 75000 человек [256]. Эта волна репатриации была самой многочисленной, в последующем в таком массовом порядке военнопленных не освобождали.

Анализ данных по освобождаемым румынам с территории Казахстана и Средней Азии показывает, что в основном репатриация затронула Пахта-Аральский лагерь №29, из которого освободилось 230 военнопленных румынской национальности, и Андиганский лагерь, откуда освободилось 90 военнопленных [257, л. 425].

В октябре 1945 г. были отправлены на родину 4408 военнопленных Пахта-Аральского лагеря №29, национальный состав которых установить не удалось. В январе 1946 г. были репатриированы 44 итальянца.

Всего в 1945 г. было освобождено и вывезено на родину 1015749 военнопленных западных армий. Кроме них в том же году были репатриированы еще до вывоза в СССР раненые и больные военнопленные японской армии. Сразу после капитуляции Квантунской армии советским командованием 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов было освобождено более

65 тыс. человек, из которых около 40 тыс. было передано местным властям и более 25 тыс. японцев отпущено по домам.

Освобождение лиц восточноевропейских национальностей в 1945. г. призвано было решать важную геополитическую задачу по укреплению имиджа Советского Союза в Восточной Европе. Это было необходимо для построения социалистической системы и утверждения принципов народной демократии.

Проблем с переброской из Советского Союза в Европу было очень много. Одной из главных проблем была малочисленность пунктов передачи военнопленных на запад. При этих пунктах в срочном порядке были организованы лагеря для фильтрации репатрируемых. Но процесс этот затягивался. В большом количестве поступали ослабленные, истощенные, больные военнопленные. В пути следования на запад, имелись случаи массовых заболеваний брюшным тифом, дизентерией и другими заболеваниями.

Основные мероприятия по репатриации военнопленных и интернированных военнопленных немецкой национальности начали осуществляться в 1946 г. К апрелю 1946 г. органы ГУПВИ должны были сосредоточить всех военнопленных не немецкой национальности рядом со станциями железных дорог для последующей погрузки и отправки на родину.

18 июня 1946 г. Совет Министров Союза ССР принял постановление №1263-519сс «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей». Постановление получило разъяснение в приказе МВД СССР от 27 июня 1946 г. №00601 за подписью министра внутренних дел Союза ССР С. Круглова. Предполагалось, что передача освобождаемых военнопленных будет осуществляться: а) немцев – через лагерь МВД СССР №69 (Франкфурт-на-Одере); б) поляков – через лагерь МВД СССР №284 (Брест-на-Буге); в) венгров, австрийцев и чехословаков – через лагерь МВД СССР №36 (Сигет); г) румын, югославов и болгар – через лагерь МВД №176 (Фокшаны) [256].

В этот же период продолжалась репатриации японских военнопленных. Важно отметить, что значительная часть японцев была освобождена в 1945 г. Японцы, которые оказались в лагерях ГУПВИ на территории СССР в течение зимы 1945-1946 г., практически не использовались в системе принудительного труда. Наибольшее количество умерших японских военнопленных приходилось на первую послевоенную зиму. По оценке японской стороны на территории Советского Союза в плену погибло более 370 тысяч человек [258]. Особенно велико количество погибших пленных японцев в лагерях на территории Восточной и Западной Сибири. Несколько лучше положение военнопленных японцев было на территории Казахстана, особенно в южных регионах республики.

11 октября 1946 г. издается приказ МВД №00916, согласно которому, во исполнение постановления Совета министров СССР №2235-921с от 4 октября 1946 г. о репатриации японских военнопленных и гражданских лиц, начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту Кривенко совместно с уполномоченным по репатриации при Совете министров СССР было приказано

разработать и установить порядок и очередность репатриации японских военнопленных, находящихся в лагерях МВД и батальонах МВС СССР.

Документ предписывал «обеспечить репатриацию японских военнопленных из лагерей МВД в 1946 г. не менее 25000 человек, главным образом за счет лагерей, не подготовленных к размещению и использованию японских военнопленных в условиях зимы 1946/47 г.

Отправку японских военнопленных из лагерей МВД в 1946 г. производить полностью в составе батальонов, организованных из японских военнопленных для работы, включая также и офицеров, находящихся в составе этих батальонов, за исключением тех офицеров, отправка которых в 1946 г. по оперативным соображениям нежелательна. Больных и ослабленных в число подлежащих репатриации в 1946 г. не включать...» [127, с. 348-349].

Начиная с августа 1946 г. на основании постановления СМ СССР от 27 июля 1946 г. №1653-72бсс и приказа МВД Союза ССР №00731 эта мера распространялась и на тех военнопленных немцев, которые находились в рабочих батальонах. Предполагалось, что немцы из рабочих батальонов будут репатрированы до 15 сентября 1946 г. Контингент насчитывал: 4520 чел. - в РСФСР; 15061 чел. – на Украине; 819 чел. – в Белоруссии; 105 чел. – в Казахской ССР [259, л. 198]. Рабочие батальоны военнопленных на тот момент широко не использовались, и смысла в удержании контингента на территории СССР не было.

18 октября 1946 г. принимается распоряжение МВД «Об условиях передачи военнопленных не немецкой национальности, подлежащих освобождению и передаче органам репатриации для последующего возвращения на родину».

В документе говорилось: «В отдельных рабочих батальонах МВС, спецгоспиталях и лагерях МВД содержится значительное число военнопленных не немецкой национальности, подлежащих освобождению и передаче органам репатриации для последующего возвращения на родину».

Здесь же предлагалось: «Содержащихся в отдельных рабочих батальонах МВС военнопленных австрийской, венгерской и румынской национальностей в 10-дневный срок передать в ближайшие лагеря МВД СССР для военнопленных. Военнопленных поляков, чехословаков, югославов, итальянцев, французов, голландцев, бельгийцев, датчан, швейцарцев, люксембуржцев, финнов, болгар, турок, норвежцев, греков, шведов, американцев, англичан, бразильцев, канадцев, португальцев, эльзас-лотарингцев, кроатов, абиссинцев, албанцев, аргентинцев, сирийцев и других национальностей, а также молдаван, евреев, украинцев, латышей, литовцев, эстонцев, цыган, русских в 15-дневный срок направить из отдельных рабочих батальонов МВС, лагерей и лагерных отделений МВД и спецгоспиталей в лагеря МВД: Одесский №159 (г. Одесса), Киевский №62 (г. Киев) и Темниковский №58 (Мордовская АССР, ст. Потьма Московско-Рязанской железной дороги)» [260, л. 19].

Отправке подлежали все без исключения военнопленные перечисленных национальностей, в том числе лица, служившие в специальных формированиях - СС, СД, СА, а также офицеры.

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 16 мая 1947 г. №1571-414сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев» приказ МВД СССР от 20 мая 1947 г. предписывал освободить в 1947 г. из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов Министерства Вооруженных Сил и батальонов для интернированных и отправить в Германию 100000 нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии (немцев) и 13000 нетрудоспособных интернированных немцев. Освобождению и передаче подлежали: «а) больные и нетрудоспособные военнопленные бывшей германской армии (немцы), содержащиеся в лагерях МВД, спецгоспиталях, рабочих батальонах МВС СССР, включая офицеров от младшего лейтенанта до капитана; б) больные и нетрудоспособные интернированные немцы из рабочих батальонов министерств». Освобождению не подлежали: «а) военнопленные-участники зверств, служившие в частях СС, СА, СД и гестапо, и другие, на которых имеются соответствующие компрометирующие материалы, независимо от физического состояния; б) интернированные и арестованные группы «Б»; в) нетранспортабельные больные» [260, л. 19]. Интересен тот факт, что вопрос об отправке на родину здоровых военнопленных и интернированных даже не поднимался. Контингент лагерей, по мнению руководства, должен был работать на благо СССР.

26 мая 1947 г., согласно постановлению Совета Министров Союза ССР №1731-462с, проведение репатриации из СССР военнопленных и интернированных гражданских лиц (немцев, австрийцев, румын, поляков, югославов, чехословаков и др.) было возложено на Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации. В соответствии с ним, 5 июня 1947 г. издается приказ, в котором начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту т. Филиппову было поручено передать Министерству Вооруженных Сил СССР лагерь МВД №69 во Франкфурте-на-Одере с полным оборудованием и личным штатным составом, а также Отдел по делам о военнопленных при Группе советских оккупационных войск в Германии, сохранив содержание личного состава лагеря и Отдела за счет численности ГУПВИ МВД СССР; закрепить на время репатриации за лагерем МВД №69 спецгоспиталь №1762 для обслуживания больных военнопленных и интернированных гражданских лиц; сверхштатный состав лагеря МВД №69 и спецгоспиталя №1762, а также лиц, находящихся в прикомандировании, направить в СССР; передачу лагеря МВД №69 и спецгоспиталя №1762 закончить к 25 июня 1947 г. Министры внутренних дел республик и начальники УМВД по краям и областям при отправке из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС СССР и рабочих батальонов интернированных, подлежащих репатриации военнопленных и интернированных гражданских лиц указанных национальностей должны были обеспечить: снабжение отправляемых по репатриации военнопленных и интернированных гражданских лиц продуктами питания на путь следования от лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов интернированных до транзитных лагерей управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации;

экипировать репатрируемых военнопленных и интернируемых гражданских лиц в пригодное к носке обмундирование (по сезону). Начальник ГУВС МВД СССР генерал-майор интендантской службы т. Горностаев обеспечивал создание в лагерях УМВД соответствующих запасов продовольствия и годного к носке вещевого имущества, необходимых для обмундирования репатрируемых военнопленных и интернированных гражданских лиц и питания их в пути следования до транзитных лагерей органов репатриации.

Заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант т. Обручников должен был сократить штатную численность ГУПВИ МВД СССР на 15 единиц, в том числе две единицы по центральному аппарату ГУПВИ МВД СССР и 13 за счет управлений лагерей МВД для военнопленных.

В практику ГУПВИ процессы репатриации использовались для стимулирования труда военнопленных и интернированных. Так директива МВД СССР №102 «Об индивидуальной отправке на родину лучших отличников производственников немцев» предписывала в течение июня-сентября 1947 г. провести данную работу. При этом в документе обращалось внимание на то, чтобы «отправка отобранных кандидатов из лагеря на родину должна производиться так, чтобы все военнопленные об этом знали...». В числе первых 1000 человек по разрядке 50 человек освобождались из лагерей Казахстана [224, л. 398, 399]. Таким образом, репатриация на родину стала важным фактором в повышении производительности труда контингента. Ожидая скорейшей отправки на родину, военнопленные прилагали все усилия для добросовестного труда и старались проявить себя лояльными по отношению к советскому строю.

Процесс репатриации военнопленных с территории Казахстана протекал по тем же нормативным документам, что и в целом по стране. В течение 1947 г. с территории республики было отправлено 7706 японцев, 1187 венгров.

В конце 1947 г. был расформирован Пахта-Аральский лагерь №29. За весь период его существования, т.е. с марта месяца 1943 года по февраль-осень 1947 г. через него прошло 10649 человек военнопленных западных армий: немцев, итальянцев, венгров, румын и др. было 8321 чел.; военнопленных японской армии - 2328 человек. На основании приказов МВД СССР №00234 от 3 марта 1947 года и №00528 от 19 мая 1947 года были расформированы лагерные отделения №№1, 4 и 6. Находившиеся в лагере немецкие военнопленные были перевезены в Спасо-Заводской лагерь №99 «для использования его в угольной промышленности». В Алма-Атинский лагерь №40 были переведены японские военнопленные. В отчете зафиксировано: «К моменту расформирования лагеря физическое состояние военнопленных японцев, переданных в лагерь №40, характеризуется следующими данными: 1 категории – 1532 чел.; 2 категории – 506 чел.; 3 категории - 90 чел. Инвалидов - 11 чел., больных - 60 чел.» [261, л. 11-13]. По принятой в этот период терминологии ведомства это означало: 1 категория – военнопленные «практически здоровые, годные для выполнения тяжелых физических работ»; 2 категория - военнопленные, «ограниченно годные к физическому труду, имеющие хронические заболевания или физические недостатки»; 3 категория - военнопленные, годные только для

выполнения легких физических работ, имеющие серьезные хронические заболевания, физические недостатки.; 4 категория - военнопленные инвалиды.

В соответствии с инструкцией, принятой МВД СССР 29 августа 1947 г., должностным лицам, сопровождавшим военнопленных и интернированных, для сопровождения эшелонов по железным дорогам с военнопленными и интернированными до пункта сдачи органам репатриации в каждом эшелоне назначались начальник эшелона, заместитель по снабжению, врач и другие офицеры, а из состава конвойных войск 10-12 человек боевого состава во главе с офицером.

Каждому эшелону присваивался особый номер, который сохранялся за эшелоном на весь путь его следования. Номер эшелона объявлялся всему личному составу эшелона, всем военнопленным и интернированным.

В пути следования перевозимые обязаны точно соблюдать правила. Запрещалось вмешиваться в работу железнодорожной администрации, задерживать поезд сверх времени, положенного для стоянки по расписанию; ходить без надобности по путям; разводить на путях костры, самовольно брать топливо и другое железнодорожное имущество; выбрасывать мусор и выливать остатки пищи вне установленных для этого мест [262, л. 49 -50].

Организации питания военнопленных стали уделять внимание на завершающем этапе репатриации. Формально питание военнопленных и интернированных производилось из походных кухонь или кухонных очагов, заранее установленных в вагонах. В реальности военнопленные не получали продуктов в достаточной мере.

Отставшие в пути военнопленные и интернированные обязаны немедленно явиться к коменданту станции, а где его нет – к начальнику станции или работнику транспортной милиции.

Начальник эшелона назначался из числа лиц офицерского состава лагеря и утверждался начальником ГУПВИ МВД СССР. Ему подчинялись: заместитель по снабжению, врач и весь остальной личный состав эшелона, в том числе и команда конвойных войск.

На весь отправляемый контингент составлялись установленные ГУПВИ МВД СССР списки в 4 экземплярах, по которым производился прием и сдача военнопленных органам репатриации. На личный состав (сопровождающий эшелон) имелся список по форме: какой части или лагеря, должность, звание, фамилия, имя и отчество.

При приеме военнопленных и интернированных необходимо было производить тщательный обыск и изымать советские и иностранные деньги, топографические карты, карты политико-административного деления СССР, фотоснимки (кроме личности самого военнопленного и интернированного и их родных) и различные письма, идущие за границу. Все отобранное сдавалось по акту по территориальности.

Начальнику эшелона и другим должностным лицам, сопровождающим военнопленных, категорически запрещалось перевозить через границу советские деньги и различные предметы, которые не относятся к

необходимости на путь следования, о чем весь личный состав заблаговременно предупреждался начальником эшелона.

При выявлении в эшелоне тяжело больных, не могущих следовать далее, их сдавали в спецгоспиталь или больницу, о чем составлялся акт в 2 экземплярах и 2 экземпляра списка на сданных по форме: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, национальность, воинское звание, когда, где и кому сданы.

При побеге или отставании военнопленных и интернированных в пути немедленно ставили в известность ГУПВИ МВД СССР, транспортные органы МГБ, МВД, на территории которых находится эшелон, а также составляли акт в 2 экземплярах с указанием установочных данных, даты, места и обстоятельства побега или отставания и какие были приняты меры розыска.

При переезде через границу и при следовании эшелона по территории иностранного государства строго выполнялись указания, полученные на месте при отправке эшелона, и соблюдался строжайший порядок и дисциплина.

По прибытии к месту назначения начальник эшелона сдавал доставленный контингент приемной комиссии лагеря-получателя с участием заместителя по снабжению, начальника команды конвойных войск и медработника эшелона [262, л. 49-50]. Организации отправки военнопленных придавалось важное значение. Администрация в этот период старалась сгладить все проблемные отношения с контингентом.

Как и в предыдущие годы, на родину в 1947 г. попадали главным образом больные и нетрудоспособные немецкие военнопленные. Однако среди военнопленных не немецкой национальности территорию СССР покидало немало и здоровых. Так, по приказу МВД СССР №00516 от 15 мая 1947 г. среди освобождаемых из лагерей военнопленных и рабочих батальонов, интернированных 100 тыс. венгров неработающих и больных было только 33569 человек [88, с. 837].

По приказу МВД СССР №00314 от 19 марта 1947 г. была возобновлена репатриация из СССР японских военнопленных и интернированных. В течение апреля-ноября 1947 г. в Японию было отправлено 166 240 человек. В их числе были не только транспортабельные больные, но и военнопленные, отнесенные к 3-й категории трудоспособности и содержащиеся в оздоровительных командах военнопленные, размещенные в неблагополучных лагерных отделениях и ОРБ МВС. Кроме указанных военнопленных в соответствии с постановлением Совета Министров СССР №3014 от 28 августа 1947 г. МВД СССР освобождено и передано органам репатриации 12500 военнопленных японских офицеров в звании не выше капитана, не занятых на работах, и гражданских чиновников. Процесс репатриации военнопленных японцев в 1947 г. не отставал от процесса их ослабления, в связи с этим смертность среди японских военнопленных значительно снизилась. Если в 1946 г. на территории СССР умерло 24804 японских военнопленных, то в 1947 г. - 5843 чел., в 1948 г. - 1448 чел. [263].

Около 100 тысяч больных и нетрудоспособных немцев было отправлено домой с весны по зиму 1947 г. Еще 100 тыс. нетрудоспособных военнопленных немцев убыло на родину в период с октября 1947 г. по март 1948 г. по приказу

МВД СССР №001078 от 15 октября 1947 г. Согласно этому приказу с территории Казахстана должно было быть репатрировано 1500 военнопленных немецкой национальности [264, л. 76-83]. Последнее обстоятельство не могло не отразиться на моральном состоянии здоровых военнопленных, которые видели, что единственный путь на родину открывается только для тех, кто потерял здоровье. Это толкало военнопленных на путь членовредительства и самоистощения. Работники ГУПВИ МВД СССР понимали, что включение в число репатрируемых хорошо работающих военнопленных, несомненно, способствовало бы улучшению морального климата в лагерях и подъему производительности труда, однако, до середины 1947 г. добиться этого не удавалось.

В 1947 г. на территории Казахской ССР было расформировано сразу три лагеря для военнопленных. Ачисайский лагерь №348 был ликвидирован после того, как 846 японских военнопленных перевезли в Алма-Атинский лагерь №40. Затем последовал приказ МВД СССР №00983 от 19 сентября 1947 г. о расформировании Управления лагеря и 3-х лагерных отделений. Всего за его историю лагерь №348 принял 2434 японских военнопленных.

В октябре 1947 г. был расформирован Усть-Каменогорский лагерь №45. Военнопленные немецкой национальности в количестве 534 человек были передислоцированы в Лениногорский лагерь №347, а 996 интернированных японцев - в Карагандинский лагерь №99. За время своего существования лагерь №45 принял 5466 человек военнопленных и интернированных. Из них военнопленных восточных армий - 3390 человек, западных армий – 540 человек и интернированных японцев - 996 человек.

Акмолинский лагерь №330 был расформирован 10 октября 1947 г. приказом МВД СССР №001055. В Спасо-Заводской лагерь №99 были переведены 2304 военнопленных, в том числе 1413 человек западного и 841 восточного контингента. За период существования Акмолинского лагеря через него прошло 4356 военнопленных, в том числе 2647 западных и 1709 восточных армий [265, л. 105].

Период репатриации отмечается не только уменьшением количества контингента и повышением производительности труда в лагерях, но и определенными изменениями в режиме содержания военнопленных. Как указывает С.Д. Дильманов: «К концу 40-х годов заметно смягчается режим содержания во многих лагерях, японцы получают возможность во главе с командиром в выходные и праздничные дни выходить из лагеря. В некоторых лагерях они ходят на работу и с работы уже без конвоя. Улучшается питание, медицинское обслуживание, бытовые условия военнопленных» [14, с. 292].

В 1947 г. МВД СССР определяет порядок расходования при репатриации денежных средств, заработанных военнопленными и находящихся на их лицевых счетах. Работникам лагерей было указано, что эти средства на руки военнопленным выдавать не следует. Суммы, находящиеся на лицевых счетах, разрешалось расходовать в ларьковой сети при лагерях на приобретение предметов личного обихода, разрешенных к беспошлинному вывозу за границу, и продуктов для улучшения питания в пути следования.

По данным С. Карнера, в лагерях организовывали настоящие ярмарки, где можно было потратить деньги на алкоголь и еду. Во время перевозки у военнопленных также была возможность потратить свои деньги – повод в последний раз встретиться с местным населением, о котором у возвратившихся часто оставалась добрая память [78, с. 227]. В целом военнопленные не считали себя врагами Советского Союза и советского народа. По воспоминаниям бывших военнопленных, как немцев, так и японцев в большинстве своем простые люди относились к ним без особой ненависти. Исключение, безусловно, составляют жители тех районов, которые подверглись длительной оккупации. В этих районах ненависть и гнев по отношению к военнопленным, особенно к немцам, были очень сильны.

К началу 1948 г. были определены окончательные приоритеты в процессе репатриации военнопленных. В первую очередь, Советскому Союзу необходимо было избавиться от всех нетрудоспособных, которых невозможно было использовать в системе принудительного труда. Далее нужно было максимально долго использовать ценных специалистов на производстве в СССР, для этого репатриация искусственно затягивалась. Существовавшие договоренности с западными странами об окончании репатриации к 1948 г. Советским Союзом нарушались. Важной составляющей затягивания процесса репатриации была политическая позиция СССР на формирование системы управления государств Европы. Следует учитывать, что освобождение лиц рядового состава не несло никакой идеологической нагрузки из-за слабой политической активности представителей простого народа. Напротив, возвращение из плена лиц старшего офицерского состава и генералов могло оказать влияние на баланс политических сил в послевоенной Германии. Безусловно, что такая политика СССР была наиболее разумной с точки зрения защиты своих внешнеполитических интересов. Следует учитывать, что руководство Советского Союза осознавало перспективы послевоенного развития Европы в русле демократических ценностей и не могло допустить крена в сторону западной либеральной демократии.

В 1948 г. ГУПВИ МВД СССР продолжило работу по репатриации военнопленных и сокращению сети лагерей и лагерных отделений для военнопленных на территории Казахстана. Расформирование Балхашского лагеря №37 было произведено по приказу МВД СССР №00329 от 31 марта 1948 г. Он был ликвидирован после репатриации на родину 1720 человек военнопленных японцев. Для оставшегося контингента численностью 1577 человек было организовано лаготделение №23. Последнее было также расформировано приказом МВД СССР №001295 от 30 октября 1948 г., после того как оставшиеся там военнопленные были репатриированы [266, л. 14].

2 апреля 1948 г. приказом МВД СССР №00341 расформирован Джезказганский лагерь №39. К этому времени в лагере содержался контингент численностью 1339 человек, который был вывезен в Спасо-Заводской лагерь МВД №99 [266, л. 14].

Основным контингентом лагерей после начала завершающего этапа репатриации стали военнопленные осужденные в качестве военных

преступников и задержанные по разным причинам. В январе 1948 г. состоялось Всесоюзное совещание руководящих работников министерств и управлений органов внутренних дел, руководства лагерей для военнопленных. Выступивший на совещании министр внутренних дел С. Круглов поставил в ряд других задач, стоящих перед его ведомством, выявление нацистских преступников в лагерях МВД для военнопленных. Они подлежали суду военного трибунала войск МВД и осуждались, как правило, на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Содержались они в особых лагерях, образованных в 1948 г. для содержания осужденных военных преступников, шпионов и изменников Родины, пособников немецко-фашистских захватчиков и осужденных за особо тяжкие уголовные преступления. Заключение особлагов содержались на строгом режиме, использовались на тяжелых физических работах: на рудниках, шахтах, каменных карьерах, лесоповале, дорожном строительстве и различном производстве.

К началу 1949 г. на территории республики продолжали дислоцироваться лагерь №99 в Караганде, лагерь № 347 в Лениногорске, лаготделение №1 в г. Алма-Ате с подчинением ОПВИ МВД Казахской ССР. Приказом МВД СССР от 8 июня 1949 г. Спасский лагерь военнопленных был официально переформирован в режимный лагерь. К началу лета 1950 г. лагерь военнопленных №99 был ликвидирован, а его отделения были переданы Песчаному лагерю [30, с. 20]. На последнем периоде репатриации обитателями последних казахстанских лагерей оказались представители более 10 национальностей. Особенно многонациональными были лагеря, в которых содержались военнопленные из частей вермахта и его союзников, а также интернированные (таблица 5) [25, с. 113].

Таблица 5 - Национальный состав военнопленных и интернированных в Казахской ССР, 1949 г.

	Военнопленные		Интернированные		Итого
	западных армий	восточных армий	западных армий	восточных армий	
Немцы	8331	-	417	-	8748
Румыны	301	-	19	-	320
Венгры	35	-	-	-	35
Австрийцы	66	-	-	-	66
Испанцы	79	-	-	-	79
Японцы	-	7351	-	1304	8655
Китайцы	-	-	-	97	97
Корейцы	-	-	-	48	48
Прочие	5	-	6	18	29
Итого	8817	7351	442	1467	18077

В августе 1949 г. были расформированы Лениногорский лагерь №347 и лаготделение №1 в г. Алма-Ате. К этому периоду действующим оставался только Спасо-Заводской лагерь 99, в котором содержалось 1606 военнопленных

и интернированных.

В Караганде в связи с репатриацией военнопленных приказом МВД СССР №0050 от 13.01.1950 г. лагерное отделение №13 при «Главкарагандашахтстрое» было расформировано, а приказом МВД СССР №00217 от 30.03.1950 г. лагерные отделения №5 и №15 лагеря №99 при трестах «Кировуголь» комбината «Карагандауголь» и «Саранпромстрой» Главкарагандашахтстроя Министерства угольной промышленности в количестве 2800 японских военнопленных были перемещены в Хабаровский лагерь для военнопленных японцев №16 [16, с. 96-97].

На специальном учете на территории Казахстана оставалось 2477 человек, не подлежавших освобождению [267, л. 232].

По состоянию на 1 января 1949 г. в СССР продолжали оставаться 544047 человек, в том числе 421221 немецких военнопленных. В 1949 г. СССР покинули большинство из находившихся в лагерях ГУПВИ военнопленных. 373744 бывших немецких военнослужащих убыли на родину. В Советском Союзе оставались еще 47477 немцев, в том числе 6180 человек, в отношении которых были возбуждены уголовные дела, а также 41297 человек, состоявших на особом учете как служившие в частях СС, СД, СА, в разведывательных, контрразведывательных органах, полиции, жандармерии, карательных частях [125, с. 13].

Процесс освобождения военнопленных заставил руководство МВД СССР подвести итоги использования военнопленных в системе принудительного труда страны. В январе 1950 г. в ГУПВИ был подготовлена справка о работе военнопленных в народном хозяйстве страны в 1941-1949 гг. В этом небольшом по объему документе были представлены основные результаты использования труда пленных. В справке отмечалось, что за период с 1943 г. по 1 января 1950 г. военнопленные отработали 1077564200 человеко-дней и заработали 16723628 тыс. руб., общая стоимость выполненных военнопленными работ в строительстве и промышленности ориентировочно составила около 50 млрд. руб.

В документе отмечалось, что массовое использование труда военнопленных было начато в 1945 г. Военнопленные использовались преимущественно на строительстве и восстановлении крупнейших промышленных объектов и угольных бассейнов, строительстве железных и шоссейных дорог, мостов, паро- и газопроводов, жилищном строительстве в городах и рабочих поселках. Далее перечислялись наиболее важные объекты народного хозяйства СССР, на которых использовался труд военнопленных. В частности указывалось, что военнопленными при работе в период с 1944 по 1949 гг. добыто 98 500 тыс. т угля и выполнено строительно-монтажных работ на 5918,1 млн рублей. При этом доля участия военнопленных в общем балансе рабочей силы отрасли составляла 25,9%.

На работах по строительству новых предприятий тяжелой индустрии Владимирского тракторного завода, Челябинского и Закавказского металлургических комбинатов, Амурсталь, Дзезказганского медеплавильного завода, Богословского алюминиевого завода и трубопрокатных заводов в

Азербайджанской ССР и Свердловской обл.; расширению существовавших Тагильского, Магнитогорского и Орского металлургических комбинатов и восстановлению пострадавших от войны Енакиевского и Горловского заводов; заводов Запорожсталь, Азовсталь, им. Дзержинского, им. Петровского, им. Карла Либкнехта и др. доля участия труда военнопленных в общем балансе рабочей силы составляла от 44 до 65,3%.

В указанный период силами бывших солдат армий противника было построено 450 км. Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, заготовлено до 7 млн. кубометров леса, в том числе 3,3 млн. кубометров деловой древесины при общей стоимости строительно-монтажных работ до 760 млн. руб. и лесозаготовительных работ 250 млн. рублей.

В разных районах СССР реконструировано и восстановлено, вновь построено и введено в эксплуатацию 2100 км асфальтобетонных дорог со всеми техническими сооружениями: мостами, гражданскими зданиями и т.д., общая стоимость выполненных работ составляет 1,6 млрд. рублей.

Доля участия военнопленных на строительстве гидро- и теплоэлектростанций в общем балансе рабочей силы составляла 40-60%, а на введенных в эксплуатацию Севанской и Дзауджикаузской электростанциях - 80-90%.

За период с 1946 по 1949 гг. стоимость строительных и монтажных работ, выполненных военнопленными на объектах Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, составляет 25% от общей стоимости строительных и монтажных работ, выполненных Минтяжстроем за это время на этих объектах [268, л. 132-135].

Подводя итоги использования военнопленных в системе принудительного труда страны, авторы документа справедливо указывают, что перечисленные объемы составляют только незначительную часть всего огромного и разнообразного комплекса работ, выполненных силами военнопленных в различных отраслях народного хозяйства СССР (Приложение В).

Растянutosть на долгие годы процесса репатриации военнопленных из Советского Союза приводила к негативной реакции западных стран. В декабре 1949 года глава федерального правительства Германии К. Аденауэр направил ноту Верховной Комиссии Союзников с просьбой содействовать возвращению военнопленных и депортированных немецких граждан на родину: «С момента прекращения войны 8 мая 1945 года прошло больше 4,5 лет. До сих пор большая часть немецкого народа ждет возвращения своих родственников из военного плена в Советском Союзе и других странах Европы. Кроме того, в последний год войны и послевоенные годы сотни тысяч немецких граждан были насильно увезены в Советский Союз. Так, большинство немцев живут сегодня в мучительном неведении о местонахождении и судьбе своих супругов, родителей и детей. С течением времени сгущается мрак над военнопленными и депортированными... Немецкий народ ощущает эту задержку военнопленных и депортированных как горькую несправедливость. Немецкие официальные и частные инстанции неоднократно указывали на то, что международно-правовые основы военного плена – предотвратить дальнейшее участие солдат в военных

действиях – давно отпали и тем самым теряет силу право на дальнейшую задержку этих немцев. Немецкие военнопленные беззащитно оставлены на произвол стран пленения, так как в немецком государстве отсутствуют силы обороны, которые могли бы выступить за соблюдение прав немецких военнопленных. Большое количество военнопленных осуждены на лишение свободы и каторжные работы, часто по незначительному поводу, без каких-нибудь возможностей беспристрастной правовой защиты. Несмотря на многократные официальные обещания отпустить всех немецких военнопленных до конца 1948 года или в течение 1949 года, немецкие граждане опять задерживаются в СССР и восточноевропейских государствах» [269, с. 107]. Позиция руководства ФРГ по вопросу якобы незаконного удержания пленных солдат армии вермахта была неизменной в течение длительного времени. В современной Германии распространено убеждение, что на территории СССР без вести пропало около миллиона военнопленных немецкой армии.

Давление со стороны международного сообщества заставило руководство страны ускорить процесс освобождения военнопленных. 22 апреля 1950 г. было официально объявлено об окончании репатриации японских военнопленных. 5 мая 1950 г. ТАСС передало сообщение о завершении репатриации немецких военнопленных. На территории Казахстана лагеря ГУПВИ были закрыты или переданы в систему ГУЛАГа, военнопленных в этот период уже не было.

24 мая 1950 г. Министром внутренних дел СССР С.Н. Кругловым была передана докладная записка на имя И.В. Сталина и членов правительства СССР «Об итогах работы МВД с военнопленными и интернированными». В этом документе подводились итоги пребывания на территории страны военнопленных и интернированных, анализировалось их использование в народном хозяйстве страны, политическая, антифашистская и оперативная работа с контингентом, а также процесс репатриации. В документе отмечалось, что вся работа с военнопленными и интернированными Министерством внутренних дел СССР проводилась в соответствии с решениями ЦК ВКП (б) и Правительства Союза ССР.

В документе указывалось, что Министерством внутренних дел и его органами была проведена большая работа по эвакуации военнопленных с фронтов, организации лагерей и размещению военнопленных в тылу страны. Для содержания военнопленных и интернированных было организовано 267 лагерей с 2112 лагерными отделениями, 392 рабочих батальона и 178 специальных госпиталей. В разделе, посвященном трудовому использованию военнопленных, данный документ дублировал указанную выше справку ГУПВИ о работе военнопленных в народном хозяйстве страны в 1941-1949 гг. В целом, руководителем МВД СССР С.Н. Кругловым, результаты работы его ведомства с военнопленными и интернированными характеризуются положительно.

В завершении Докладной записки указывается, что репатриация военнопленных и интернированных закончена. Всего с 1945 г. по настоящее время репатрировано 3344696 военнопленных бывших вражеских армий, из

них 2247368 военнопленных германской армии (в том числе 1939063 чел. немцев), 581289 - японской, 329093 - венгерской, 106769 - румынской, 21097 - итальянской, 1969 - финской и 57111 освобожденных военнопленных румын, венгров, поляков, чехословаков и югославов были направлены на формирование добровольческих национальных войсковых соединений и партизанских отрядов, сражавшихся против гитлеровской армии. Интернированных репатрировано 214924 человек [270, л. 309-319].

По данным МВД СССР, по состоянию на 1 марта 1952 г. в стране продолжало находиться 18703 военнопленных и 2237 интернированных, содержащихся в лагерях МВД. Эти люди в основной своей массе были осуждены за преступления совершенные в годы войны. Окончательно процесс репатриации военнопленных и интернированных завершился только в 1956 г.

Период массовой репатриации характеризовался массовым освобождением военнопленных и интернированных. Количество контингента лагерей неуклонно падало. На этом этапе труд, сосредоточившийся на строительстве и добыче угля, был наиболее производительным, но число работающих сокращалось, поэтому особого влияния на экономику труд военнопленных не оказывал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях развития нашей страны как демократического и правового государства изучение истории двадцатого столетия является очень важным. Как отметил Государственный секретарь Марат Тажин на расширенном заседании Межведомственной рабочей группы по изучению национальной истории Республики Казахстан: «...Нужно открыто сказать о драматической истории XX века, а не предаваться ностальгии по некоему порядку. Каково жить при этом порядке, миллионы наших предков испытали на себе».

Как известно, массовое применение принудительного труда еще в предвоенные годы стало составной частью экономического развития Советского Союза. На территории Казахстана существовали лагеря ГУЛАГа, в которых трудились тысячи заключенных со всей страны. Опыт применения принудительного труда для решения народнохозяйственных задач в СССР был обширным. Начиная с 30-х годов, в советском тоталитарном государстве сложилась система, которую принято называть «лагерная экономика». По мнению Ж.Б. Абылхожина: «Режим всегда рассматривал пенитенциарную (исправительную) систему в качестве функционально самостоятельного сегмента в производстве валового продукта, отводя ей роль источника дармовой рабочей силы, использовавшейся на тяжелых физических работах в климатически неблагоприятных районах» [4, с. 94].

Характерной чертой, главным атрибутом лагерной экономики, по оценкам исследователей, является чрезвычайно широко распространенный ручной труд. Особые природные условия СССР давали основания для применения принудительного труда, который оправдывал себя лишь благодаря тому, что страна была исключительно богата полезными ископаемыми, природными ресурсами, а стоимость труда заключенных была мизерна. Следует учесть, что подневольный труд мог приносить существенную прибыль, давать видимый конечный результат только при массовом применении.

Долгие годы проблема использования иностранных военнопленных в системе принудительного труда считалась закрытой для общественности. Лишь с открытием ранее закрытых фондов исследователи приступили к анализу обширного фактического материала. Вторая мировая война внесла существенные изменения в правовые и гуманитарные основы военного плена. Был опробован новый опыт в деле правового регулирования условий быта военнопленных и их использования в экономической жизни государства.

Проблема использования принудительного труда пленных характерна для всех стран, принимавших участие во Второй мировой войне. Политика Советского Союза в этом вопросе определялась огромным экономическим ущербом, понесенным уже в первые месяцы войны, потерей больших производственных мощностей, оккупацией регионов, традиционно считавшихся основой добывающей отрасли страны. Спецификой трудового использования военнопленных на территории Казахстана стала необходимость решения проблемы переориентирования всей экономики республики на

обеспечение нужд фронта. Требовалось решение ряда проблем: освоить и расширить производство оборонной продукции и стратегического сырья, широко развернуть промышленное строительство, принять массу перемещаемых из прифронтовой полосы предприятий и ускорить ввод их в действие на новых местах.

В 1941-1942 гг. экономический уклад Казахстана был полностью перестроен. Этот процесс усложнялся перераспределением материальных и людских ресурсов, обеспечением промышленности рабочими квалифицированными кадрами взамен ушедших на фронт. Использование подневольного труда мотивируется тем, что во время войны при экстенсивных методах добывающей промышленности требовалась дешевая рабочая сила, что, в свою очередь, определялась суровостью климатических условий, ограниченностью местных людских ресурсов, отдаленностью от основных коммуникаций, большой текучестью кадров. Поэтому самым выгодным и дешевым оказался принудительный труд, использование которого в этот период позволяло решать проблемы нехватки рабочих рук.

С началом Великой Отечественной войны для обеспечения нормативно-правовой базы содержания военнопленных в СССР был принят ряд нормативных актов. основополагающим стало Положение о военнопленных от 1 июля 1941 г., напоминавшее в своих основных статьях Женевскую конвенцию о содержании военнопленных 1929 г. Советское государство в основном соблюдало требования международного права по обращению с военнопленными. Необходимо отметить, что привлечение пленных к труду не противоречило нормам международного права. Безусловно, нормативные акты, принятые в этот период, не в полной мере обеспечивали гарантии прав военнопленных, в частности, существовали ограничения на переписку, не было права на обращения с жалобами к властям, общение ограничивалось только администрацией лагеря. Данные нарушения международного гуманитарного права со стороны СССР ни в коей мере не сравнимы с нарушениями норм международного права нацистской Германии.

Для первых лет войны было характерно становление структуры Управления по делам военнопленных и интернированных, системы лагерей для военнопленных, разработаны нормы медицинского и социального обеспечения. В этот период вопросы трудового использования военнопленных широко не обсуждались, привлечение военнопленных к труду не носило системного характера. Связано это было с малочисленностью контингента военнопленных.

Резкое увеличение числа военнопленных после Сталинградской битвы сделало проблему их труда вполне практической. В 1943 году органам НКВД были поставлены первоочередные задачи трудового использования военнопленных, которые из фронтовых подразделений Наркомата обороны передавались в ведение НКВД. В условиях изменившейся обстановки на фронте и начавшегося восстановления освобожденных районов начинается планомерное использование труда взятых в плен солдат противника, численность которых возросла. Большинство военнопленных в этот период были ослаблены и больны. В 1943-1944 гг. в лагерях УПВИ сложилась

критическая ситуация со смертностью среди контингента. НКВД СССР были приняты неотложные меры по снабжению военнопленных продуктами питания и организацией нормального медицинского обеспечения.

Спецификой экономического развития Казахстана в военные годы являлось то, что за время войны промышленное развитие республики непрерывно расширялось. Это требовало непрерывного притока новой рабочей силы. Отсутствие рабочей силы было одной из главных причин срывов сроков строительства промышленных предприятий. Производственные лагеря на территории Казахстана формировались на основе уже имеющихся лагерей системы ГУЛАГа и находились в непосредственной близости от промышленных объектов. В основном военнопленные были сконцентрированы в центральной и восточной частях республики. Безусловно, использование труда военнопленных не решало проблем экономического развития республики в военные годы в полной мере, но определенный вклад в народное хозяйство оно внесло.

Освобождение Восточной Европы и победоносный завершающий период Великой Отечественной войны заставляли НКВД продумать вопрос об определении по категориям лиц, находящихся на освобожденной территории. В феврале 1945 г. приказом НКВД были установлены следующие категории подлежащих фильтрации лиц: «А» - военнопленные вражеских армий; «Б» - гражданские лица, члены различных вражеских организаций, руководители областных и уездных дум и управ, бургомистры, руководители крупных хозяйственных и административных организаций, редакторы газет и журналов, авторы антисоветских изданий и прочий враждебный элемент; «В» - советские граждане, находившиеся в плену, «Г» - рабочие батальоны немцев, мобилизованные по постановлениям ГКО.

После капитуляции Германии в 1945 г. в СССР в сжатые сроки было перемещено большое количество военнопленных. В течение одного месяца после завершения боевых действий фронтовыми лагерями, сборными и приемными пунктами было принято около 1,5 миллиона человек. В связи с массовым поступлением военнопленных после капитуляции Германии, а позднее и Японии, в течение 1945 г. были организованы 222 лагеря и в их составе - 2713 лагерных отделений.

В этот период по инициативе НКВД начался процесс интернирования части трудоспособного гражданского населения Европы, в первую очередь немцев, на территорию СССР для использования в процессе восстановления народного хозяйства. Всего к сентябрю 1945 г. были интернированы более 200 тысяч мужчин и женщин. Во второй половине 1945 г. аналогичные меры были распространены на часть японского населения Дальнего Востока. Подавляющее большинство интернированных перешли под контроль МВД и использовались в основном на восстановительных работах, в угледобывающей отрасли и строительстве.

Новые лагеря для военнопленных и интернированных появились и на карте Казахстана. Немаловажным обстоятельством развития сети лагерей Казахстана стала многонациональность. Военнопленные различных

национальностей содержались в одном лагере, но в разных отрядах. Среди военнопленных были румыны, австрийцы, венгры, испанцы, итальянцы, финны, но костяк лагерей был представлен наиболее многочисленными этносами-немцами и японцами.

С введением в действие Положения о трудовом использовании военнопленных в сентябре 1945 г. начался период наиболее массового использования труда военнопленных. НКВД СССР превратился в крупнейшего поставщика рабочей силы для системы принудительного труда. Особенностью этого процесса является то, что военнопленные в подавляющем большинстве трудились не на объектах НКВД-МВД, а на так называемых контрагентских работах (или работах хозорганов), т. е. на предприятиях и стройках других наркоматов и министерств.

В 1945 г. была поставлена задача перевода лагерей для военнопленных и интернированных на самоокупаемость. Но в полном объеме эта задача так и не была никогда выполнена. За весь период существования системы лагерей для военнопленных доход от использования труда военнопленных ни разу не превысил фактических расходов на их содержание.

Контингент военнопленных и интернированных использовался преимущественно по решениям Совета Министров СССР на крупнейших промышленных объектах и стройках. Значительное число военнопленных и интернированных были заняты на добыче угля, строительстве и восстановлении шахт, а также на строительстве новых предприятий тяжелой индустрии - Джекказганского медеплавильного завода, Усть-Каменогорского цинкового завода, Текелийского свинцового комбината. Военнопленные обслуживали строительство Сталино-Магнитогорской магистрали и объекты Каззолото МВД СССР. Постановлением Правительства военнопленные были выделены и закреплены за трестом «Алтайстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, трестом «Казгидроэнергострой» Министерства электростанции СССР, Иртышским полиметаллическим комбинатом и Государственным Зырянским полиметаллическим рудоуправлением Министерства цветной металлургии СССР. Кроме того, повсеместно военнопленных использовали в гражданской строительной отрасли. Японские военнопленные в Алма-Ате участвовали в возведении не только жилых домов, но и здания Академии наук, бывшего здания Министерства внутренних дел, корпусов Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения и трамвайного депо.

С 1947 г. начался процесс массовой репатриации военнопленных и интернированных на родину. Инициатором репатриации выступило МВД СССР. К этому времени в МВД четко осознавали нецелесообразность удержания нетрудоспособных лиц в производственных лагерях. Процесс репатриации привел, с одной стороны, к уменьшению количества военнопленных, с другой, позволил лагерям использовать оставшийся контингент с большей выгодой.

В 1948-1949 гг. доля военнопленных в общем балансе рабочей силы системы принудительного труда неуклонно снижалась. На территории

Казахстана процесс репатриации привел к закрытию ряда лагерей УПВИ и перемещению контингента в другие лагеря. Возможность скорейшего освобождения и отправки домой была важным стимулом в работе военнопленных. В начале 1950 г. были закрыты последние лагерные отделения для военнопленных, материально-техническая база лагерей была в основном передана под контроль ГУЛАГа.

Использование военнопленных в системе принудительного труда в Казахстане можно условно разделить на четыре этапа:

1 этап связан со становлением системы организации принудительного труда военнопленных. Хронологические рамки - с июня 1941 г. по март 1943 г. В этот период разработана нормативная база содержания и трудового использования военнопленных. Определены условия содержания, нормы питания и медицинское обслуживание контингентов лагерей УПВИ. Вопросы трудового использования военнопленных широко не обсуждались, привлечение военнопленных к труду не носило системного характера. Пленные использовались, главным образом, на добыче угля, руды, торфа и на лесоразработках. Не было элементарных жилищно-бытовых условий, был острый недостаток питания и медикаментов, действовал 12-часовой рабочий день при плохой организации труда. Труд был малоэффективен, заболеваемость и смертность очень высокими.

2 этап условно обозначается с апреля 1943 г. по декабрь 1944 г. и связан с началом планомерного использования труда военнопленных. Перелом в ходе войны позволил принять меры для улучшения содержания пленных. Труд вражеских солдат стал использоваться более массово, но по-прежнему оставался малоэффективным. Связано это было с отсутствием опыта организации труда военнопленных, постоянного расширения лагерей и неудовлетворительным физическим состоянием контингента.

3 этап продолжался с января 1945 г. по декабрь 1947 г. и характеризуется массовым использованием военнопленных и интернированных в системе принудительного труда. После окончания военных действий значительно выросло количество военнопленных, существенно расширяется сеть лагерей на территории республики. Военнопленные планомерно используются практически во всех отраслях народного хозяйства.

4 этап определяется с января 1948 г. по весну 1950 г. Это период массовой репатриации, для которого характерны массовое освобождение военнопленных и интернированных. На этом этапе труд, сосредоточившийся на строительстве и добыче угля, был наиболее производительным, но число работающих сокращалось, поэтому особого влияния на экономику труд военнопленных не оказывал.

Особенным для Казахстана было то, что сектор принудительного труда военнопленных и интернированных энергично формировался в послевоенные годы. Вес труда иностранных военнослужащих в экономике НКВД, в отличие от труда заключенных ГУЛАГа, был невелик. Возможность практически беспрепятственной эксплуатации военнопленных в самых тяжелых условиях, их быстрой переброски с объекта на объект высоко ценилась хозяйственными

руководителями. Эффективность их использования в народнохозяйственных целях уступала производственным показателям вольнонаемных рабочих, несмотря на то, что производительность труда узников УПВИ год от года повышалась.

Принудительный труд военнопленных был частью политики казарменного социализма. Очень точную характеристику экономической составляющей казарменного социализма дал академик М.К. Козыбаев - «господство методов внеэкономического принуждения, командно-бюрократического подхода к решению назревших проблем прогресса» [10, с. 326]. В целом же, характеризуя экономическую выгодность труда военнопленных, необходимо оговориться, что речь может идти лишь о приблизительной оценке. Во-первых, трудно выявить и точно взвесить все области их эксплуатации. Во-вторых, по многим параметрам производственную деятельность лагерей военнопленных сложно сопоставить с деятельностью обычных хозяйственных органов: военнопленные использовались обычно в наиболее трудоемких процессах, нередко в условиях, близких к экстремальным. Это замечание касается, прежде всего, строительства, горнодобывающей, металлообрабатывающей и в целом тяжелой индустрии - ведущих отраслей приложения труда военнопленных.

Система принудительного труда не могла решить весь комплекс экономических задач, стоящих перед страной. Главными ее недостатками были крайне низкая производительность труда, безжалостная эксплуатация и высокая человеческая цена. Представляется необходимым принимать во внимание расточительность советского руководства, обусловленную «неисчерпаемыми» природными и человеческими ресурсами.

Исследование проблемы использования иностранных военнопленных в системе принудительного труда Казахстана важно с этических, нравственных позиций. Это дань памяти тысячам людей, трудившимся в рабских условиях вдали от своей родины, внесшим свой вклад в развитие нашей республики. Однако ограничиваться рамками одного направления в исследовании проблемы военнопленных и интернированных в Казахстане нецелесообразно. В перспективе требуют изучения вопросы политической работы с военнопленными, деятельность оперативных служб администрации лагерей; нет глубоких исследований по национальному составу контингента военнопленных и интернированных. Большой потенциал заложен в изучении деятельности отдельных лагерей на региональном уровне. Таким образом, необходимо отметить, что направление в исследовании иностранных военнопленных и интернированных в Казахстане далеко не исчерпало себя и требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Назарбаев Н.А. В потоке истории. - Алматы: Атамұра, 1999. - 296 с.
- 2 Касымбек Ж.К. Военнопленные в Казахстане // Жұлдыз. – 1992. - №4. – С. 206-208.
- 3 Алдажуманов К.С. Трудармейцы Казахстана: история и судьбы // Феникс. -1998. - №21. - С. 222-239.
- 4 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. - Алматы: Университет «Туран», 1997. - 360 с.
- 5 Абылхожин Ж.Б. Лагерная экономика / Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. - Алматы, 1998. - С. 94-102.
- 6 Козыбаев М.К. Казахстан - арсенал фронта. - Алма-Ата: Казахстан, 1970. - 475 с.
- 7 Козыбаев М.К., Козыбаев И.М. История Казахстана. – Алматы: Атамұра, 1997. - 224 с.
- 8 Козыбаев М.К. Принудительный труд в СССР: трудармейцы Казахстана на защите Отечества // Феникс. - 1996. - №13. - С. 235-255.
- 9 Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е. Труд во имя Победы. - Алматы: Казахстан, 1995. - 176 с.
- 10 Козыбаев М.К. Все для фронта, все для победы! - Алма-Ата: Казахстан, 1985. - 176 с.
- 11 Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. - В 2-х кн. - Алматы: Ғылым, 2000. - 388 с.
- 12 Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917-1970 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1973. - 329 с.
- 13 Белан П.С. По законам братства: [Из истории эвакуации коллективов УССР в КазССР в период Великой Отеч. войны] // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. - 1983. - N1. - С. 38-41.
- 14 Белан П.С. На всех фронтах: казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Алматы: Ғылым, 1995. - 346 с.
- 15 Акинжанов М.А. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Западного Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1972. - 213 с.
- 16 Акинжанов М.А. Вклад казахстанцев в создание фонда обороны страны // Война. Народ. Победа: Материалы междунар. науч. конф. – Алматы, 2005. - 197 с.
- 17 Дильманов С.Д. Исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30-50-е годы XX века): дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. - Алматы, 2002. - 344 с.
- 18 Дильманов С.Д. Исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30-50 е годы XX века): автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. - Алматы, 2002. - 57 с.
- 19 Дильманов С.Д. Лагеря для военнопленных в СССР (40-е годы XX века) // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2004. - №1. - С. 92-97.

20 Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. - Караганда: Нац. агентство по делам печати и массовой информ. Республики Казахстан, 1997. - 176 с.

21 Шаймуханова С.Д. Политические репрессии в Казахстане (30-40-е – начало 50-х гг.). - Караганда, 2000. - 180 с.

22 Михеева Л.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. - Караганда, 2007. - 30 с.

23 Алланиязов Т.К., Наймушина О.П. «...Неповиновение надо пресечь». К истории восстания заключенных 3-го отделения Степного лагеря МВД СССР (16 мая – 26 июня 1954 года). Документы. Факты. Суждения. – Алматы: Фонд XXI век, 2004. – 158 с.

24 Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.). Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан / отв. ред. Л.Д. Дегитаева. – Алматы: ТОО «Издательский дом «Қазақстан», 2000. - 344 с.

25 Кокебаева Г.К. Официальная политика Германии и СССР по проблеме военнопленных: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. - Алматы, 2007. - 46 с.

26 Кокебаева Г.К. Отношение СССР к международным конвенциям об обращении с военнопленными // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2004. - №4. - С. 144-147.

27 Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1939-1951): учебное пособие. В 3-х ч. - Алматы: КазНПУ им. Абая, 2006. - Ч. 1. - 104 с.

28 Алтаев А.Ш. Актуальные проблемы истории Второй мировой войны // «Мы победу приближали, как могли»: Материалы науч. -практ. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. - Алматы: КазНПУ им. Абая, 2005. - С. 14-18.

29 Жангуттин Б.О. ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941-1951) // Отечественная история. - 2008. - № 2. - С.107-114.

30 Жангуттин Б.О. К вопросу о голоде сельского населения Казахстана в годы Великой Отечественной войны (по материалам «особой папки» И.В. Сталина // Тарих ғылымы XXI ғасырда (Историческая наука в XXI веке). Ч.1: Халықаралық Бекмаханов оқуларының материалдары 24-25 мамыр 2001 ж. (Материалы междунар. Бекмахановских чтений 24-25 мая 2001 г.). - Алматы, 2001. - С. 26-31.

31 Орумбаев С.Т. Вещи для них (об истории Карлага) // Индустриальная Караганда. – 1990. – 9 сентября.

32 Алданазаров А. В книге памяти - судьба японских солдат // Казахстанская правда. – 1994. – 16 июля.

33 Алданазаров А. Какие поставим памятники на кладбище скорби? // Казахстанская правда. – 1998. - 14 января.

34 Абылханов Д.М. Японские военнопленные в Казахстане (1945-1953) // Семей мемлекеттік педагогикалық институтының хабаршысы (Вестник

Семипалатинского государственного педагогического института). - 2005. - №2(3). - С. 12-18.

35 Альжаппарова Б. Военнопленные в строительстве Большого Жезказгана // Поиск. - 1999. - №2. - С. 86-88.

36 Витвицкий П. Японские военнопленные в Алма-Ате // Казахстанская правда. – 1993. – 2 ноября.

37 Елеуханова С.В. История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930-1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Караганда, 2009. - 30 с.

38 Мусагалиева А.С. Источники истории иностранных военнопленных в Центральном Казахстане // <http://www.akdi.ru/id/new/ek3.htm>

39 Японские военнопленные в Карагандинской области / под общ. ред. Н.О. Дулатбекова. – Астана: Регис СТ-Полиграф, 2011. - 1240 с.

40 Орлик И.И. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. // Новая и новейшая история. – 1999. - №2. - С. 185-200.

41 Казначеева Н.П. Взаимоотношения Советского Союза со странами Восточной Европы в условиях раздела сфер влияния (1941-1945 гг.): тенденции и особенности сближения: дис. ... канд. ист. наук. - Пятигорск, 2004. - 360 с.

42 СССР - ФРГ: прошлое и настоящее. (Советско-западногерманские отношения, 1955 - 1980 гг.) / под. ред. Р.Ф. Алексеева. - М.: Политиздат, 1980. - 280 с.

43 Кремер И.С. ФРГ: этапы восточной политики. – М.: Политиздат, 1986. - 220 с.

44 Кынин Г.П. Антигитлеровская коалиция и послевоенное устройство в Германии // Международная жизнь. – 1995. - №8. - С. 94-101.

45 Марков Г.Е. От упадка к возрождению: немецкое народоведение после второй мировой войны // Этнографическое обозрение. – 1995. - №6. - С. 31-49.

46 Млечина И. Уроки немецкого. Век XX. – М.: Прогресс, 1995. - 270 с.

47 Лапский В. До моря - 911 метров: портрет немцев в европейском интерьере // Вокруг света. - 1996. - №2. - С. 34-43.

48 Абросимов П. Германия: вчера, сегодня, завтра // Диалог. – 1997. - №9. - С.82-91.

49 Вагнер Г. Россия и Германия. - Барнаул: Издательство АГУ, 1995. - 65 с.

50 Максимычев И.Ф. Российско-германские отношения: формирование, состояние, перспективы. - М., 1997. - 53 с.

51 Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 2000. - 368 с.

52 Петелин Б.В. Конрад Аденауэр, германский вопрос и объединение Германии // Проблемы истории второй мировой войны. – Вологда, 2000. - 334 с.

53 ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / под. ред. Л.И. Бородкина, П. Грегори. - М.: РОССПЭН, 2008. - 320 с.

54 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: в 3 кн.: Опыт художественного исследования: Ч. I-II / Александр Исаевич Солженицын. -

Екатеринбург: У-Фактория, 2008. - 549 с.; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: в 3 кн.: Опыт художественного исследования: Ч. III-IV / Александр Исаевич Солженицын. - Екатеринбург: У-Фактория, 2008. - 558 с.; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: в 3 кн.: Опыт художественного исследования: Ч. V-VI / Александр Исаевич Солженицын. - Екатеринбург: У-Фактория, 2008. - 630 с.

55 Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. - М.: Наука, 1999. - 103 с.

56 Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. История НКВД-МВД. От Рыкова А.И. до Щелокова Н.А. 1917-1982. - М.: Версты, 1995. - 416 с.

57 Кокурин А.И. ГУЛАГ в годы войны: Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкина. Август 1944 г. // Исторические архивы. - 1995. - №3. - С. 60-86.

58 Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. - М.: Московский общественный научный фонд, 1997. - 228 с.

59 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923- 1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. - М.: Звенья, 1998. - 597 с.

60 Смыкалин А.С. Правовой статус и особенности содержания немецких военнопленных в СССР в 1942 - 1956 гг.: По материалам Свердловской области // Правоведение. - 2001. - №1. - С. 209-216.

61 Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы // Свободная мысль. - 1992. - №13. - С. 12-19.

62 Кнышевский П.Н. Добыча: тайны германских репараций. - М.: Соратник, 1994. - 144 с.

63 Келин Н.А., Толстой Н.Д. Казачья исповедь. Жертвы Ялты. - М.: Воениздат, 1996. - 480 с.

64 Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. - Вологда: Изд-во Вологодского института повышения педагогических кадров, 1996. - С. 322.

65 Трагедия войны – трагедия плена / под ред. А.А. Крупенникова. - М., 1999. - 350 с.

66 Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.) – М.: Грааль: Церера, 1997. - 247 с.

67 Мотревич В.П. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. - 1996. - №2. - С. 226-228.

68 Безбородова И.В. Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. - М.: Изд-во РГГУ, 1998. - 208 с.

69 Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945-1956 годы). - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. - 354 с.

70 Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. - Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. - 508 с.

71 Колеров М. Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам особой папки Л.П. Берия (1946–1950 гг.) // Родина. - 1997. - №9. - С. 83 -89.

72 Семиряга М. Приказы, о которых мы не знали: Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. – 1994. - №15. - С. 56-57.

73 Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и гастарбайтеров на чужбине и на родине.- М.: РОССПЭН, 2002. - 895 с.

74 Чайковский А.С. Плен. За чужие и свои грехи. Военнопленные и интернированные в Украине. 1939-1953 гг. - Киев: Парламентское издательство, 2002. - 503 с.

75 Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939-1949 гг.). - Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2005. - 340 с.

76 Карель П., Бёдкекер Г. Немецкие военнопленные Второй мировой войны 1939-1945 гг. - М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

77 Биркемайер В. Оазис человечности №7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного. – М.: Текст, 2005. – 304 с.

78 Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941-1956. – М.: Изд-во РГГУ, 2002. - 304 с.

79 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). - Изд. 8-е: в 15-ти т. - М., 1970-1984.

80 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952. Каталог: в 3-х т.: 1940-1952. – М.: РОССПЭН, 2001. - Т. 3. – 1200 с.

81 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 2-х т.: 1929-1966 гг. - М., 1967. - Т. 2. - 751 с.

82 Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960. Справочник. Россия. XX век. Документы / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Международный фонд «Демократия», 1997. - 348 с.

83 Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917 — 1991: справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. - Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева); Издательство Йельского Университета. - М.: Материк, 2003. – 766 с.

84 ГУЛАГ (главное управление лагерей) 1917 — 1960 / Под ред. А.Н.Яковлева; Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н.Яковлева). - М.: Материк, 2000. - 888 с.

85 История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7-ми томах: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред., сост. Т.В. Царевская-Дякина. - М.: РОССПЭН, 2004. - Т. 5. – 822 с.

86 История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7-ми т.: Экономика ГУЛАГа / отв. сост., ред., введ., коммент., указатели О.В. Хлевнюк. - М.: РОССПЭН, 2004. - Т. 3. - 624 с.

87 Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944-1946 гг.): Документы российских архивов / сост. Т.В. Волокитина, Л.А. Ермакова, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова, Т.В. Царевская. – М.: РОССПЭН, 1998. - 278 с.

88 Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. - М.: Логос, 2000. - 1120 с.

89 Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД. МВД СССР в 1941-1952 гг. Отчетно-информационные документы и материалы / Военнопленные в СССР в 1939-1956 гг. / под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2004. - Т.4. – 1111 с.

90 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. - М., 1946-1947. – 791 с.

91 Внешняя политика Советского Союза, 1946 год. Документы и материалы, январь - декабрь 1946 г. - М.: Госполитиздат, 1952. - 836 с.

92 Международные отношения и внешняя политика СССР: сборник документов (1871-1957). - М.: Госполитиздат, 1957. - 430 с.

93 Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941-1953 годов. - М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2005. - 544 с.

94 Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре-декабре 1945 г. // Источник. - 1999. - №2. - С. 83-84.

95 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов. - М., 1984. - 436 с.

96 Советско-венгерские отношения 1945-1948 гг.: Документы и материалы / ред. Л.Ф. Ильичев, К. Эрдеи. - М.: Политиздат, 1969. – 356 с.

97 Восточная Европа в документах российских архивов, 1944-1953 гг. / РАН. Ин-т славяноведения; редкол.: Т.В. Волокитина и др. Т. 2. 1949-1953 гг. - М., Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. - 1005 с.

98 Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы: В 2-х т. Т.1. 1944-1948 / отв. ред. Т.В. Волокитина. - М.: РОССПЭН, 1999. - 687 с.

99 Громыко А.А. Памятное. Кн. 1 и Кн. 2. - М.: Политиздат, 1988. - 480 с. 401 с.

100 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М.: Терра, 1991. - 624 с.

101 Джилас М. Лицо тоталитаризма. - М.: Новости, 1992.- 496 с.

102 Козыбаев М.К. История и современность. - Алма-Ата: «Гылым», 1991. - 256 с.

103 Иванов Е. Из истории великого перемещения экономического потенциала страны на восток // Экономика и жизнь // <http://www.akdi.ru/id/new/ek3.htm>

104 Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. - М.: ОГИЗ, 1948. - 192 с.

105 Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941-1942 годы // Новая и новейшая история. - 2006. - №6. – С. 7-27.

106 Очерки экономической истории Казахской ССР (1860-1970 гг.) / под общ. ред. акад. АН Каз ССР С.Б. Баишева. - Алма-Ата: Казахстан, 1974. - 360 с.

107 Трудовой подвиг Казахстана: цифры и факты // Казахстанская правда. – 2005. -7 мая.

- 108 Нургалиев К.Р. Экономика Казахстана // Казахский национальный университет им. Аль-Фараби // http://www.kazsu.kz/do/books/econ_kazakh/g1-09.htm
- 109 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 227. Л. 2.
- 110 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 202. Л. 44.
- 111 Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: сборник документов и материалов. - Алма-Ата: «Наука», 1964. - 596 с.
- 112 ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 8. Д. 384. Л. 17.
- 113 Султангазиев М.Н. К истории снабжения городского населения Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Вестник КазНУ. - Серия историческая. - 2004. - №4. - С. 91-93.
- 114 ГА КО. Ф. 72. Оп. 10. Д. 203. Л. 17.
- 115 АП РК. Ф. 708. Оп. 5/2. Д. 1В7. Л. 59-60.
- 116 ГА КО. Ф. 72. Оп. 11. Д. 228. Л. 80.
- 117 ЦГА РК. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 229. Л. 221.
- 118 ЦГА РК. Ф. 1479. Оп. 4. Д. 561. Л. 3.
- 119 Жангуттин Б.О. О некоторых причинах смертности населения Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Мы победу приближали, как могли: материалы междунар. науч. конф., посв. Великой Отечественной войне (с акцентом на события 1943 года). Москва, 18-19 апреля 2003 г. / под общ. ред. проф. В.Ф. Порохни. - Смоленск: Смядынь, 2003. - С. 207-212.
- 120 Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. - 1996. - №5. - С. 131-150.
- 121 ГА АО. Ф. 1558. Оп. 1. Д. 3. Л. 130.
- 122 Каленова Г.Б. История строительства и развития Гурьевского нефтеперерабатывающего завода (1843-1980 гг.): дис. ...канд. истор. наук. - Алма-Ата, 1985. - 181 с.
- 123 АП РК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1097. Л. 126. Копия.
- 124 ГА АО. Ф. 13. Оп. 12. Д. 276. Л. 54.
- 125 Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941-1956 гг.). - Москва - Дрезден - Бонн - Кассель, 2008. - 457 с.
- 126 Лебедева Н.С. Катень: Преступление против человечества. - М.: Прогресс- Культура, 1994. - 352 с.
- 127 Русский архив. Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные второй мировой войны в СССР. - М., 1996. - Т. 24. - 559 с.
- 128 Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. - Вологда: Изд-во Вологодского института повышения педагогических кадров, 1996. - С. 322.
- 129 Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта: Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрнберге 28 октября 1948 года / под ред. Д.С. Карева; пер. с нем. Г.В. Качаковой. - М.: Прогресс, 1964. - 360 с.
- 130 ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 5е. Д. 2. Л. 2 об.-10 об.

- 131 Дильманов С.Д. Лагеря для военнопленных в СССР (40-е годы XX века) // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2004. - №1. - С. 92-97.
- 132 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 369-371.
- 133 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 647. Л. 48-49.
- 134 РГВА. Ф. 1 п. Оп. 7 е. Д. 1. Л. 6, 7.
- 135 РГВА. Ф. 1 п. Оп. 7 е. Д. 1. Л. 13 -14.
- 136 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 117. Л. 45, 117.
- 137 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 99. Л. 62.
- 138 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 644. Л. 335-337.
- 139 Попов А.Б. Пленные большой войны: Иностранцы военнопленные в СССР в 1941-1945 гг. - Ростов-на-Дону: Издат-во Ростовского университета, 2000. –56 с.
- 140 РГВА. Ф. 1п. Оп. 6в. Д. 2. Л. 5-12.
- 141 РГВА. Ф. 1п. Оп. 7 е. Д. 1. Л. 12, 13, 14.
- 142 РГВА. Ф. 1 п. Оп. 4 е. Д. 3. Л. 191.
- 143 Веремеев Ю. Нормы питания немецких военнопленных в 1941- 1943 годах // Анатомия армии // <http://armor.kiev.ua/army/hist/paeknem-plen.shtml>
- 144 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 652. Л. 123-127.
- 145 Колеров М. Правда «Сталинградского плена» // Родина. - 2008. - №4. -С. 22-27.
- 146 Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941-1955 гг. // Вестник ВолГУ. - Серия 4: История - Философия. - 1996. - Вып. 1. - С. 71-82.
- 147 РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 1-6.
- 148 ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 5е. Д. 1. Л. 28-28 об. Типогр. экз.
- 149 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 637. Л. 148-159.
- 150 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 657. Л. 69-70, 292-297.
- 151 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 658. Л. 252-254.
- 152 РГВА. Ф. 24п. Оп. 26. Д. 42. Л. 12.
- 153 РГВА. Ф. 1п. Оп. 9 в. Д. 3. Л. 16.
- 154 РГВА. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.
- 155 РГВА. Ф. 1п. Оп. 23. Д. 5. Л. 116.
- 156 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 685. Л. 94-95.
- 157 РГВА. Ф. 1/п. Оп. 9в. Д. 3. Л. 120.
- 158 РГВА. Ф. 1п. Оп. 23 а. Д. 13. Л. 87.
- 159 РГВА. Ф. 24 п. Оп. 26. Д. 42. Л. 9.
- 160 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 684. Л. 195-198.
- 161 ГА АО. Ф. 13. Оп. 12. Д. 7. Л. 117.
- 162 РГВА. Ф. 24 п. Оп. 26. Д. 42. Л. 7,8.
- 163 РГВА. Ф. 1п. Оп. 23. Д. 7. Л. 120.
- 164 РГВА. Ф. 24 п. Оп. 26. Д. 42. Л. 7, 8.
- 165 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 707. Л. 125.
- 166 Смыкалин А.С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. - 1997. - №4. - С. 147-151.
- 167 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 701. Л. 153-165.

- 168 Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. - М.: Московская школа политических исследований, 2006. - 608 с.
- 169 РГВА.Ф. 1п. Оп. 23 а. Д. 1. Л. 41-42.
- 170 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2227. Л. 250-252.
- 171 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 286.
- 172 Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). - Иркутск: ИГУ, 1997. - 261с.
- 173 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Т. 13. Л. 28 об.-30 об.
- 174 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2227. Л. 152-153.
- 175 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 9а. Д. 9. Л. 183-184.
- 176 Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Людские потери СССР во второй мировой войне: методика оценки и результаты / отв. ред. С.В. Голунов. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. - 326 с.
- 177 Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Статистическое исследование). - Красноярск: РИО КГПУ, 2000. - 144 с.
- 178 Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. // Красноярское общество «Мемориал» // <http://memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/21.htm>
- 179 Книга памяти Казахстана (Боздактар). - Алма-Ата: Издательство «Казахстан», 1995. - 518 с.
- 180 Брусилевская Е. Им места в землянке хватало вполне // Казахстанская правда. - 2006. - 23 июня.
- 181 Кривошеев Г.Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. - СПб., 1995. - 79 с.
- 182 Сактаганова З.Г. К вопросу о месте и роли Казахстана в союзной интеграции в послевоенное десятилетие // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI международной конф., г. Волгоград, 28-30 нояб. 2002 г. / отв. ред. С.В. Голунов. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. - С. 66-79.
- 183 ГА КО. Ф. 72. Оп. 11. Д. 228. Л. 3.
- 184 АП РК.Ф. 725. Оп. 4. Д. 1067. Л. 134-134 об.
- 185 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Л. 19 об-21.
- 186 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 744. Л. 342, 350-351.
- 187 Болезни витаминной недостаточности // <http://www.medrostov.ru/>
- 188 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 744. Л. 442-444.
- 189 Букин С.С. Немецкие военнопленные в российской провинции: впечатления о пережитом // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. - Новосибирск, 2000. - С. 144-151.
- 190 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 13.
- 191 ЦХИДК.Ф. 1/п. Оп. 37а. Д. 3. Л. 58-60 об.
- 192 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 726. Л. 21-22.
- 193 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 176. Л. 39, 49.

- 194 РГВА. Ф. 24 п. Оп. 26. Д. 42. Л. 25, 25 об., 26, 26 об.
- 195 ГА КО. Ф. 306. Оп. 1 п. Д. 61. Л. 159.
- 196 ГА КО. Ф. 306. Оп. 1 п. Д. 85. Л. 30.
- 197 ГА АО. Ф. 214. Оп. 1 п. Д. 7. Л. 13-18.
- 198 РГВА. Ф. 1п. Оп. 35. Д. 13. Л.1.
- 199 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1067. Л. 67.
- 200 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1063. Л. 61 об.
- 201 РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 13. Л. 15.
- 202 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 772. Л. 32.
- 203 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 772. Л. 35.
- 204 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1063. Л. 24.
- 205 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1067. Л. 1.
- 206 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1067. Л. 72.
- 207 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1067. Л. 134-134 об.
- 208 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1063. Л. 61 об.
- 209 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 737. Л. 232-237.
- 210 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1067. Л. 205-207.
- 211 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1059. Л. 15-21.
- 212 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2911. Л. 205-206.
- 213 АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 828. Л. 1, 188.
- 214 КФ ГА ЖО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 320. Л. 12.
- 215 КФ ГА ЖО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 341. Л. 227.
- 216 Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). – Иркутск: ИГУ, 1997. – 261с.
- 217 ГА КО. Ф. 306. Оп. 1 л. Д. 246. Л. 136-136 об.
- 218 РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 13. Л. 18-22.
- 219 Канафина Ж. Японский след // Караван. – 2003. - 25 июля.
- 220 Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: Социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. - 2006. - №1. - С. 169-180.
- 221 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 778. Л. 205-211.
- 222 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 779. Л. 163, 166.
- 223 ГА КО. Ф. 306. Оп. 1 л. Д. 246. Л. 58.
- 224 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 834. Л. 398, 399.
- 225 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 986. Л. 12-13.
- 226 Безбородова И.В. Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. - М.: Изд-во РГГУ, 1998. - 208 с.
- 227 Галимуллина Н.М. Военнопленные немцы в СССР: меж двух идеологий /Политическое насилие в исторической памяти Германии и России: сборник научных статей. - Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2007. - С. 290-299.
- 228 ГАРФ. Ф.9401.Оп.2, Д.171, Л.208-214.
- 229 ГА РФ. Ф. 9401.Оп. 1.Д. 834. Л. 250-252.
- 230 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 70.
- 231 Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945-1950гг.) // Отечественные записки. - 2003. - №3. - С. 68-79.

- 232 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 783. Л. 224-225.
- 233 АП РК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 755. Л. 129.
- 234 Иванова Г.М. ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // СССР и «холодная война»: сб. - М., 1995. - С. 243–244.
- 235 АП РК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 142. Л. 235.
- 236 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 46. Л. 252-253.
- 237 РГВА. Ф. 1п. Оп. 34. Д. 8. Л. 2-12.
- 238 Полян. П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. - М.: ОГИ: Мемориал, 2001. - 328 с.
- 239 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2665. Л. 255-260.
- 240 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2665. Л. 265-271.
- 241 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 14. Л. 340.
- 242 Чухин И.И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. – М.-Петрозаводск: Мемориал, 1995. – 64 с.
- 243 РГВА. Ф. 1п. Оп. 34 а. Д. 8. Л. 14-15.
- 244 РГВА. Ф. 1 п. Оп. 15 а. Д. 331. Л. 50, 51.
- 245 РГВА. Ф. 24. Оп. 27 в. Д. 14. Л. 228.
- 246 РГВА. Ф. 1п. Оп. 23 а. Д. 9. Л. 1-2.
- 247 РГВА. Ф. 1п. Оп. 23 а. Д. 11. Л. 1-8.
- 248 Колосов А. «Русский плен» // Простор. – 2000. - № 11. - С. 94-103
- 249 РГВА. Ф. 1П. Оп. 35 а. Д. 13. Л. 13-29.
- 250 Биркенмайер В. Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного // Труд. – 2006. – 21-23 июня.
- 251 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч. - М.: Инком НВ, 1991. - Т. 5–7. - С. 111-113.
- 252 Хендрикс И. Часы (Документальная повесть о жизни военнопленного унтер-офицера немецкой армии) // Индекс // <http://www.index.org.ru/journal/10/hendriks.html>
- 253 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 726. Л. 21-22.
- 254 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 728. Л. 121-125.
- 255 Веремеев Ю. Из военной истории, науки, практики // Анатомия армии // <http://armor.kiev.ua/army/hist/index.shtml>
- 256 Бугай Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40-50-е годы // Обозреватель – Observer. - 1996. - №3 // http://www.nasledie.ru/oboz/N03_96/3_11.HTM
- 257 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 728. Л. 425.
- 258 Пропавшая армия // Новая газета. – 2004. - 9 августа.
- 259 ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 2. Д. 205. Л. 198.
- 260 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 800. Л. 19.
- 261 РГВА. Ф. 24. Оп. 26. Д. 42. Л. 11-13.
- 262 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Л. 49-50.
- 263 Военно-исторический журнал. - 1991. - №4. - С. 70.
- 264 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 807. Л. 76-83.
- 265 РГВА. Ф. 24. Оп. 27. Д. 14. Л. 105.

266 РГВА. Ф. 24. Оп. 27 в. Д. 42. Л. 14.

267 РГВА. Ф. 24. Оп. 27. Д. 14. Л. 232.

268 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 132-135.

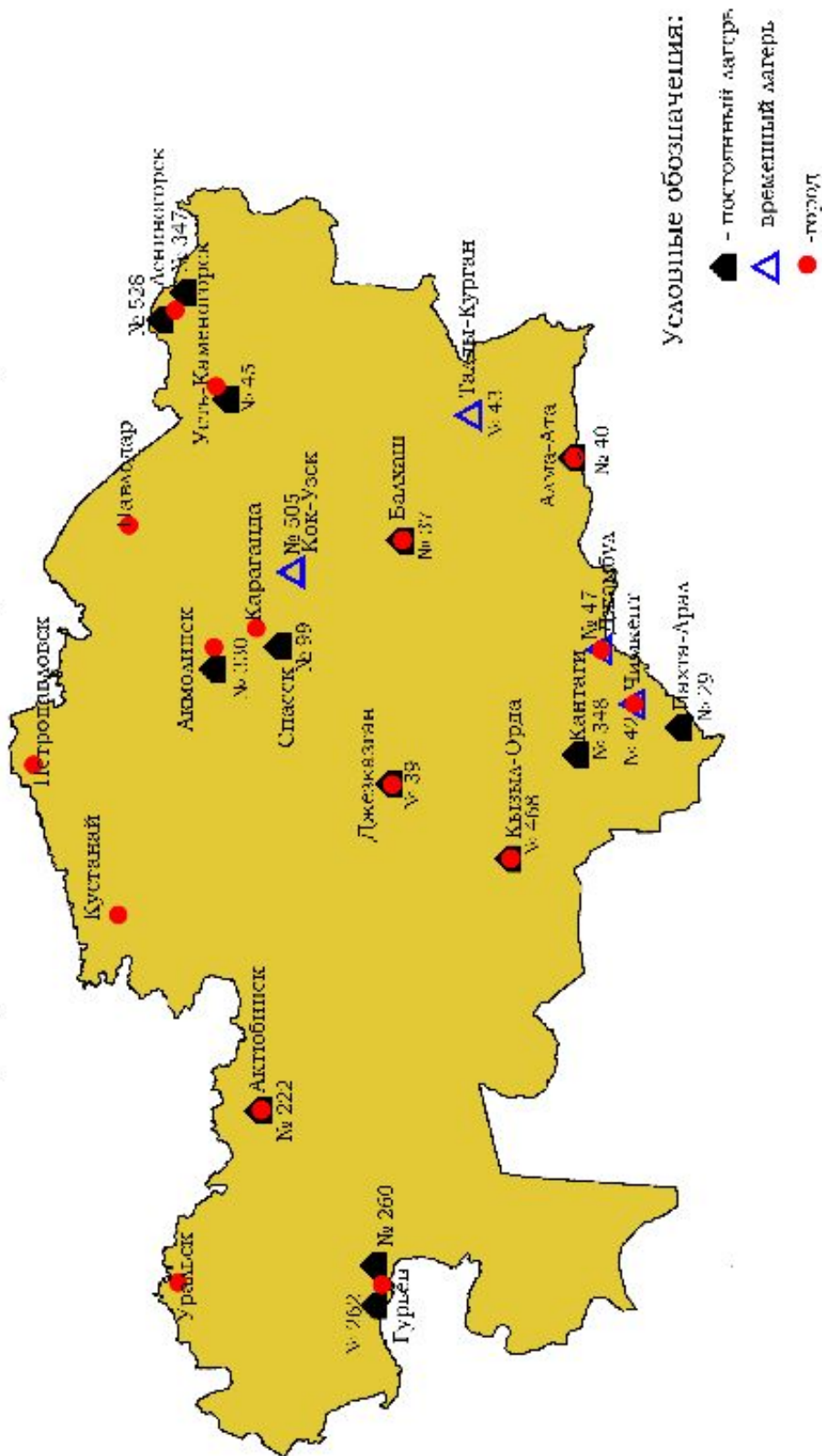
269 Кокебаева Г.К. Деятельность правительства ФРГ по освобождению немецких военнопленных из советских лагерей // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2004. - №2. - С. 106-110.

270 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 309-319.

271 Народ в потоке истории // Казахстанская правда. – 2013. - 6 июня.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Лагеря НКВД-МВД СССР для военнопленных
и интернированных в Казахстане (1943-1950 гг.)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Благодарственное письмо Генералиссимусу Советского Союза И.В. Сталину от военнопленных японцев

7 ноября 1949 г.

Москва, Кремль

Великому вождю советского народа, отцу и учителю трудящихся всего мира, лучшему другу японского народа Генералиссимусу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы, военнопленные бывшей японской армии, посылая это письмо, выражаем Вам, величайшему гению человечества, путеводной звезде трудящихся всего мира, а через Вас - Советскому Правительству и всему советскому народу, нашу глубочайшую, идущую от самого сердца благодарность за все светлое, все хорошее, что мы получили в великой советской стране.

Четыре года нашего пребывания в Советском Союзе, в течение которых мы были окружены Вашей заботой и заботой Ваших учеников, любимых детей - советских граждан, офицеров и солдат Советской Армии, явились для нас подлинной школой демократии. Эти годы навсегда останутся в нашей памяти.

Мы, японские трудящиеся, в течение долгого времени не видели света правды и свободы. Мы были слепыми рабами японских помещиков и капиталистов. В течение целого полувека разбойничий японский империализм был кровавым жандармом Дальнего Востока, он грабил и истязал соседние народы.

Японские империалисты вовлекли Японию в блок фашистских агрессоров, заключив с фашистской Германией так называемый «антикоминтерновский пакт», направленный против Советского Союза - первого в мире социалистического государства - и превратили нашу родину в очаг агрессии и фашизма на Востоке. Сейчас нам хорошо известны злодейские замыслы японских империалистов в отношении советского народа, нашедшие свое воплощение в пресловутом меморандуме генерала Танака, а позднее конкретизированные в антисоветском плане «Кантокуэн». Мы сейчас знаем, что японские империалистические разбойники хотели захватить советские земли вплоть до Урала, а советских людей превратить в рабов японских «дзайбацу»... Только блестящие победы Советской Армии под Сталинградом и на других фронтах навсегда похоронили эти бредовые агрессивные замыслы. ...Угнетая и грабя соседние народы, ...японские империалисты в то же время установили на нашей родине кровавый режим полицейского террора и жесточайшей эксплуатации. Нас давила военно-полицейская монархия, нашим уделом были ... нищета, унижение и невежество. Наша прекрасная родина с ее семидесятимиллионным трудолюбивым народом, с ее живописными видами ... в действительности принадлежала своекорыстной кучке богачей - императору и алчным империалистам, помышлявшим только о завоевании мирового господства путем грабительских войн.

Великий советский народ и его могучие Вооруженные Силы разгромили разбойничьи армии фашистского блока агрессоров, завоевали великую победу. Советская Армия... принесла освобождение многим народам, как на Западе, так и на Востоке...

В сентябре 1945 г. мы оказались на территории СССР в лагерях для военнопленных. Агенты реакции нам говорили, что Сибирь - это «ледяная пустыня», что в плену нас ждут каторга и смерть.

Однако то, что мы увидели в Советском Союзе, не имело ничего общего с лживой пропагандой ... Советское Правительство проявило исключительное великодушие и гуманность в отношении к нам, солдатам бывшей вражеской армии..., создало нормальные условия жизни, установило твердый 8-ми часовой рабочий день. Благодаря энергичным мерам, предпринятым Советским Командованием, мы быстро были обеспечены чистой теплой одеждой и постельными принадлежностями, нас разместили в хороших жилых помещениях.

В Сибири мы не нашли никакой «ледяной пустыни». В чистых, благоустроенных столовых мы получаем высококалорийную пищу, командование лагерей заботится даже о том, чтобы нам готовили японские национальные блюда. Кроме того, за выполненную работу каждый месяц мы получаем денежное вознаграждение и премии. Во многих лагерях для нас организованы магазины и ларьки, где продаются всевозможные гастрономические товары и предметы широкого потребления, а в последнее время открыты для нас даже небольшие рестораны. Раз в неделю мы ходим в баню и меняем белье, у нас есть хорошо оборудованные бани и прачечные. Регулярно, раз в месяц, советские врачи проводят тщательный медицинский осмотр. Что касается лагерных госпиталей с их медицинским оборудованием, то надо сказать, что на родине мы могли только мечтать об этом. В госпиталях есть все необходимое для медицинского обслуживания.

У нас в лагерях есть свои дома отдыха. Они красиво, культурно оборудованы... Это совершенно невозможная вещь не только в лагерях военнопленных..., но недостижимо вообще для всех трудящихся капиталистических стран, в частности, для японских трудящихся.

При самом пылком воображении нашу жизнь в Советском Союзе нельзя назвать жизнью военнопленных. Это жизнь, полная радости..., свободная и обеспеченная..., в близкой и тесной дружбе с советскими людьми...

Однако наша жизнь богата не только в смысле материальном. У нас в лагерях есть клубы и кружки художественной самодеятельности..., имеются книги на японском языке. В клубах мы занимаемся политучебой и культурно-массовой работой. Здесь мы можем свободно собираться, свободно обсуждать те или иные вопросы, а также весело отдыхать. Художественная самодеятельность является нашей гордостью. Кружки художественной самодеятельности, имеющие даже симфонические оркестры, исполняют японские и советские народные и революционные песни, пьесы, танцы, а также советскую музыку...

Каждую неделю нам демонстрируют советские кинофильмы, которые мы смотрим с большим удовлетворением. Особенно неизгладимое впечатление оставили у нас кинокартины: «Владимир Ильич Ленин», «Парад молодости», «Клятва», «Сказание о земле сибирской», «Молодая гвардия», «Сталинградская битва». Мы видели советские кинофильмы, сопровождаемые японским текстом. Мы имели возможность совершать экскурсии в окрестные города, бывали в театрах, кино, посещали школы, дома пионеров, профсоюзные организации, заводы, колхозы. Мы своими глазами повсюду видели богатую советскую действительность и счастливую жизнь советских людей...

Когда мы вспоминаем, какими были четыре года назад, мы поражаемся огромной перемене, происшедшей с нами.

У нас есть различная политическая, экономическая и художественная литература... Одним из основных наших культурных и политических воспитателей и руководителей является «Японская газета», издаваемая для нас Советской Армией по Вашему указанию. Она правдиво рассказывает о том, что происходит на международной арене и в Японии, разъясняет существо советского социалистического государства...

Мы недавно отпраздновали первую годовщину создания у нас антифашистских комитетов. Антифашистские комитеты помогли нам создать активную политическую и культурную жизнь в наших лагерях. Создание антифашистских комитетов было большой радостью для нас, бесправных солдат...

Только в Советском Союзе - стране социализма - мы обрели свободу и познали демократию.

Неизгладимые впечатления произвел на нас благородный советский гуманизм, отсутствие в СССР национальной и расовой дискриминации, в том числе по отношению к нам, японским военнопленным. Это обстоятельство отразилось на всей нашей духовной, культурной и политической жизни. Сейчас каждый из нас питает искреннюю любовь и уважение к советским гражданам, с которыми за эти четыре года мы стали истинными друзьями. Мы никогда не забудем наши встречи с советскими людьми... С большим уважением и любовью к советскому народу мы будем рассказывать японским трудящимся о своем пребывании в СССР..., о стойкости советского народа, не отступающего ни перед какими трудностями; о том, с каким энтузиазмом и радостью он строит коммунизм в своем свободном социалистическом отечестве; о великом советском патриотизме и славе мирного созидательного труда, о Советской Армии - освободительнице, о скромности и великодушии советских людей, их настоящей любви к человеку и об их высоком культурном и политическом уровне...

«Герой социалистического труда» - какое это замечательное новое слово в языке человека! На широких просторах Советского Союза кипит мирный созидательный труд. Мы раньше даже представить себе не могли, что есть на земле такое мощное и чудесное государство, где труд - дело чести и славы, где все трудящиеся равноправны и являются хозяевами своей страны, где труд

всего народа, сплоченного в единую монолитную семью, приносит такие изумительные успехи!

В то время как Япония, управляемая кучкой предателей и реакционеров, все больше погружается в пучину бедствий и разрухи, в Советском Союзе, вынесшем на своих плечах основную тяжесть минувшей войны, уже несколько раз было произведено снижение цен, изо дня в день повышается жизненный уровень трудящихся. В этом мы видим огромное превосходство коммунистической системы над капиталистической и Вашу отеческую заботу о трудящихся...

На нас, японских трудящихся, неизгладимое впечатление произвели морально-политическое единство, братская дружба и горячий патриотизм народов СССР, светлый образ и жизнерадостность советских юношей, женщин и детей. Народы СССР не знают ни национальной, ни расовой дискриминации и стали свободными и равноправными.

Все мы - военнопленные - с восхищением смотрели на советскую деревню, снабженную тракторами, комбайнами и другой передовой сельскохозяйственной техникой. Колхозы богатой и изобильной деревни ... вызвали зависть у нас, когда мы вспоминали нашу родину, где в вечном страхе перед засухой и наводнением, в страхе перед возможностью лишиться земли, на мизерных лоскутах полей, изнывая под гнетом помещиков и полиции, в вечной нужде и темноте, с утра до поздней ночи трудятся японские крестьяне с тем, чтобы потом плодовитых труда ушли на уплату налогов и в карман помещику...

Дорогой Иосиф Виссарионович! Мы уже не те, какими были раньше. Мы навсегда порвали с нашим позорным прошлым, японским империализмом и реакцией. Мы с гордостью считаем себя составной частью лагеря демократии и социализма, бойцами армии мира. Мы готовы выполнять наш священный долг - бороться до последней капли крови за мир, демократию и национальную независимость своей родины.

Мы знаем теперь, что нам делать. Мы будем бороться за демократическое преобразование Японии. Мы свяжем свою судьбу с народом. Мы найдем наше место в рядах национально-демократического фронта и под руководством японской коммунистической партии будем бороться за счастье японских трудящихся, за мир, демократию и национальную независимость Японии.

Благодаря заботе Советского Правительства последняя очередь японских военнопленных возвращается на родину. Однако нельзя сказать, что мы возвращаемся в Японию с одним только чувством тоски по родине - мы уезжаем, но нам грустно расставаться с землей нашего вторичного рождения, страной Советов. Самым замечательным периодом в нашей жизни мы считаем годы нашего пребывания в Советском Союзе...

Возвратившись на родину, мы с величайшей благодарностью будем обращать свои взоры вдаль за Японское море - к государству Ленина и Сталина и, вдохновляясь великим примером страны Советов, будем храбро и беззаветно бороться за интересы своего народа, за свободу и счастье трудящихся всего мира...

Дорогой Иосиф Виссарионович! Покидая великую страну победившего социализма, мы торжественно клянемся народу великого социалистического государства и Вам, любимый отец и гениальный учитель трудящихся всего мира, что мы будем самоотверженно бороться за нерушимую дружбу между японским народом и народами Советского Союза...

Мы расскажем японским трудящимся все, что мы видели, слышали и узнали о советском государстве...

Мы клянемся, что ни американским империалистам, ни японским милитаристам не превратить нас вновь в своих послушных солдат, выполняющих их преступные замыслы...

Мы клянемся до конца соблюдать верность делу демократии и социализма, делу мира и братской солидарности трудящихся всех стран...

Желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, надежде трудящихся всего мира, здоровья и долгих, долгих лет жизни!

Да здравствует нерушимая дружба японского народа и народов Советского Союза!

Да здравствует японская коммунистическая партия - передовой отряд японского народа, борющегося за мир, демократию и национальную независимость Японии!

Слава Советскому Союзу - оплоту мира и безопасности народов, социалистическому государству рабочих и крестьян!

Слава Советской Армии - армии освободительнице! Да здравствует великий вождь и учитель трудящихся всех стран - дорогой и любимый Иосиф Виссарионович Сталин!⁽²⁾

ГАХК. НСБ. Инв. N 3563. Л. 1-13. Типограф. экз. (пер. с яп. яз.)

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Итоги трудового использования военнопленных с 1943 по 1949 гг.¹

Показатель	1943 г.	1944г.	1945г.	1946 г.	1947 г.	1948г.	1949 г.
Среднесписочная численность военнопленных, тыс. чел.	32,5	159,2	1300,3	1302,7	1096,8	812,1	341,0
Выход на оплачиваемые работы, %	40,3	45,5	55,0	64,4	64,2	75,2	78,5
Среднедневной заработок на 1 человеко-день, руб.	7,25	8,75	12,15	14,36	17,11	18,97	21,81
Средняя производительность труда, %	91,3	98,7	98,6	113,0	112,0	117,1	124,0
Удельный вес военнопленных, выполняющих нормы, %	43,1	53,9	43,6	75,5	68,0	75,0	88,0
Валовая сумма заработка военнопленных, млн руб.	12,8	182,6	2.194,0	4.791,8	4.502,6	3.326,4	1.765,3
Расходы на содержание военнопленных, млн руб.	158,6	376,5	3080,0	5122,4	6182,5	4424,5	1635,0
Покрытие расходов на содержание военнопленных за счет их заработка, %	16,5	48,5	71,2	93,5	72,8	75,2	108,0

¹Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. - М.: Логос, 2000. - С. 1047.

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1.	
ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЛАГЕРЯХ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ КАЗАХСТАНА (1941-1944 гг.).....	12
1.1 Народное хозяйство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	12
1.2 Становление системы организации труда военнопленных в Казахстане (июнь 1941 - март 1943 гг.)	26
1.3 Начало планомерного использования труда военнопленных в народном хозяйстве Казахстана (1943-1944 гг.).....	40
ГЛАВА 2.	
ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В КАЗАХСТАНЕ.	61
2.1 Труд военнопленных в производственных лагерях Казахстана в послевоенный период	61
2.2 Деятельность батальонов интернированных – мобилизованных в 1945-1946 гг.	105
2.3 Репатриация военнопленных и интернированных в 1945-1950 гг. ...	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
ПРИЛОЖЕНИЯ	157

Р.К. Бекмагамбетов

ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

МОНОГРАФИЯ

Редактор Довгань О.В.

Подписано в печать 17.04.2014 г. Формат 60x84¹/₁₆

Печать ризография. Объем 10,5 п.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 669

Отпечатано с готовых оригинал-макетов заказчика

Республика Казахстан, г. Костанай

ТОО «Центрум», пр. Аль-Фараби, 117

Тел. 8 (714) 54-57-02, 917-888